

СМЕНА

ISSN 0131-6656

№ 5 (1411) МАРТ 1986



ЗАВОДСКИЕ
КОМСОМОЛЬЦЫ
ОБСУЖДАЮТ
СТАТЬИ «СМЕНИ».

**Гимн
женской красоте.**

**ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ
О ФИЛЬМЕ «ПРИШЛА И ГОВОРИЮ»?**

— Какую продукцию выпускает завод?—спросили мы Андрея Замышляева, секретаря Калининского обкома ВЛКСМ, который в предварительном разговоре по телефону рекомендовал нам поехать именно на «Центросвар».

— Если коротко, то...

СПРАВКА. «Центросвар» — первый и пока единственный в Советском Союзе завод, специализирующийся на выпуске базовых конструкций — станин машин, станков, оборудования и различных агрегатов — методом сварки. Продукция предприятия идет более чем в 60 городов страны. Завод входит в число крупнейших предприятий Калининна.

Из рассказа Сергея Леонтьевича Киселева, директора завода: Продукция у нас, если можно так сказать, самая прозаическая: мы ведем первичную переработку металла, делаем из проката основу будущих машин. В то же время завод помогает решать одну из серьезных проблем научно-технического прогресса, связанную с межотраслевой кооперацией. Машиностроение у нас очень дифференцировано — посчитайте-ка, сколько в хозяйстве страны машиностроительных ведомств... Это создает и немалые помехи, трудности — в условиях такой «ведомственности» порой трудно решать общие, магистральные вопросы развития машиностроения. Скажу больше: сегодня нужно не обычное развитие техники и науки, а — подчеркну это особо — **ускоренное.**

Наш завод взял на себя централизованный выпуск сварных конструкций, причем «обслуживаем» мы предприятия не только «своего» Минстанкопрома, но и других отраслей. Что это означает? То, что многие станкостроительные за-

воды, например, смогли свернуть у себя производство станин — а оно, как правило, велось в примитивных условиях, по несовершенной, расточительной технологии. Другой случай. Заводы, выпускающие электромоторы, обычно сами и отливали корпуса этих моторов — тоже в условиях старого, нетехнологичного производства. Теперь многие из них получают от нас готовые корпуса.

Каков эффект? Раньше машины основывались на литых конструкциях. Мы же работаем по более прогрессивной, экономичной технологии — не отливаем, а свариваем конструкции. Это позволяет уменьшить вес машин, экономия металла составляет примерно треть по сравнению со старой технологией. Могу привести такой факт: когда мы начали поставлять сварные станины для московского завода «Красный пролетарий», его станки сразу стали легче на пятьсот — тысячу килограммов.

О заводских проблемах. Все необходимо делать на хорошей, современной технической базе, на основе механизации и автоматизации процессов. Наш завод молодой, первая его очередь пущена всего десять лет назад, предстоит строительство второй очереди. Хотелось бы оснастить ее новейшей техникой, а действующее производство реконструировать. Ибо, надо признать, в процессе строительства мы обрастали и недостатками...

Комсомольское собрание, на которое нас пригласили, состоялось после смены в пролете ремонтно-механического цеха. Есть, конечно, и красный уголок, а в корпусе заводоуправ-



ДАВНО НЕ БЫЛО НА ЗАВОДЕ ТАКОГО БУРНОГО И ДЕЛОВОГО КОМСОМЛЬСКОГО СОБРАНИЯ.



ПАССИВНОСТЬ, НЕТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ, НЕОРГАНИЗОВАННОСТЬ ПОРОЖДАЮТ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА КАК ОДОЛЕТЬ ИХ, ПОВЫСИТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЖДОГО ЗА ПОРУЧЕННОЕ ДЕЛО, ВВЕСТИ В ДЕЙСТВИЕ НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ РЕЗЕРВЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ? ЭТИ ПРОБЛЕМЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ КОММУНИСТОВ ЮРИЯ КОРТУНОВА, АЛЕКСЕЯ ПЕШКОВА И СЕРГЕЯ БЫЧКОВА («СМЕНА» №№ 1—3), ОБСУЖДАЕТ МОЛОДЕЖЬ КАЛИНИНСКОГО ЗАВОДА СВАРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ «ЦЕНТРОСВАР».



ЧТО ЗНАЧИТ РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ

ления — и просторный зал заседаний, но, посоветовавшись, комсомольцы решили, что атмосфера там слишком «официальная» и лучше собраться поближе к рабочим местам, в привычной для ребят обстановке. Кроме молодых ремонтников, сюда пришли и комсомольцы других цехов и отделов завода, главные специалисты. Причем представители заводской администрации не заняли, как это часто бывает, места в президиуме, а сели вместе со всеми в «зале». Не было ни пресловутого зеленого сукна, ни графина, ни колокольчика — этих внешних атрибутов зачастую формальных собраний. Тема предстоящего разговора касалась и волновала всех: как в новой пятилетке повысить роль молодых в решении задачи ускорения развития экономики, научно-технического прогресса? Наболевших вопросов, по которым настала пора обменяться мнениями, хватало, а вот подобных совместных собраний молодежи смежных цехов прежде не проводилось.

— И зря, — заметил один из ребят, только что загнувший свой станок

и, как многие другие, пришедший прямо в рабочей спецовке. — Собрание еще не началось, а польза от него уже есть: светлее стало в цехе!..

И он кивнул на потолок, где сияли новенькие лампочки, ввернутые электриками по просьбе нашего фотокорреспондента взамен давно перегоревших.

Комсорг ремонтно-механического Евгений Харитонов едва ли не самый молодой инженер-наладчик в цехе, ему еще нет и двадцати пяти. Пришел сюда после окончания Калининского политехнического института.

Е. Харитонов: Верно заметил в «Смене» ленинградский бригадир Юрий Кортунов: «Несделанное сегодня — тормоз завтрашних дел». Вот и нам сейчас надо научиться работать по-новому. А что значит по-новому? Как это? Да так, как мы давно уже должны были работать, но не работали. И сегодня еще этому не научились. Тут дело не столько в нашей квалификации или опыте, а в умении рассматривать свое конкретное дело в мас-

штабах всего производства, в масштабах завода в целом и, если хотите, — государства. Мы же подчас не видим, так сказать, дальше собственного цеха. Разобщенность — вот наш враг номер один. Особенно когда речь идет о цехах, которые должны бы работать в одной упряжке с нами. Имею в виду наш ремонтно-механический, инструментальный, электро- и энергоцеха. Свежий пример. Мы недавно устанавливали шестишпиндельный токарный автомат и неделю упрасывали электриков к нам подключиться. Только вмешательство главного механика и помогло. А ведь работать вместе нам приходится постоянно. Да, мы в разных цехах. Но комсомольская-то организация у нас одна, заводская. Тут мы, молодые, и должны показать пример ломки устаревших барьеров: общие задачи и выполнять сообща.

Мирослав Жуковский, старший мастер РМЦ, председатель заводского совета молодых специалистов: Замкнутость молодежи в своих цехах и отделах плохо сказывается и на развитии у нас рационализаторского движе-

ния. Приведу такие цифры. В прошлом году экономический эффект от предложений по заводу составил 28,5 тысячи рублей, из них 16 тысяч приходится на наш цех. Больше половины. Могут сказать, что у нас-де сама работа заставляет искать какие-то новые решения, что-то усовершенствовать. Но я думаю, дело не в этом, а в том, что многие из нас не знают, какие на заводе в целом, даже в соседнем цехе, существуют проблемы. Да, у нас есть методички, есть темник предложений на год и пятилетку, но ведь все наперед не учесть. Нужна хорошая оперативная информированность... Надо организовывать регулярные встречи молодежи с главными специалистами завода, с нашим БРИЗом. Да и просто деловые контакты молодых специалистов разных цехов и отделов, более тесные, чем сейчас, были бы в высшей степени плодотворными. Пока у нас таких связей не хватает. Как председатель совета молодых специалистов считаю это в первую очередь своей серьезной недоработкой.

Е. Харитонов: Хорошо, когда та или иная проблема разрешима в рамках завода. А вот как быть с предприятиями-поставщиками, которые частенько тормозят нам дело? Вот, например, станок, который мы получили недавно с Одесского завода радиально-сверлильных станков имени В. И. Ленина. Современный, высокопроизводительный — ничего не скажешь, если бы работал. Но пришлось его с первого же дня поставить на ремонт: все подшипники в нем болтаются, а чертежи и схемы в паспорте не соответствуют самому станку. Больше года стоит на ремонте новенький трубообрезной станок-полуавтомат производства станкостроительного завода имени С. М. Кирова, что в Тбилиси. Дважды приезжали к нам оттуда специалисты, вчетвером почти месяц копались, но так и уехали, ничего не исправив.

КОММЕНТАРИЙ «СМЕНИ». Добавим от себя еще пример. В сборочно-сварочном цехе нам показали выпрямители для дуговой сварки типа ВД-502-2УЗ, также поступающие из Тбилиси. На ярко-оранжевой поверхности красуется Знак качества. Зато внутри половина деталей даже как следует не закреплена, многие провода по дороге «отпаялись», а другие припаяны хоть и прочно, но с нарушением схемы. Когда поступил первый такой выпрямитель, его по простоте душевной сразу включили в сеть. Он взорвался. Никто, правда, не пострадал, но теперь каждый новый аппарат здесь сперва разбирают «до винтика», а затем заново собирают. Вот вам и Знак качества!

Впрочем, заставляет задуматься не только это. В Москве мы поинтересовались у работников «Мосэлектродшипникснабсбыта» — посреднической организации между поставщиком и заказчиком, — как подобные агрегаты вообще могут ими приниматься; и, к своему удивлению, узнали: ни одной рекламации на тбилисский выпрямитель из Калининграда не поступало. Выходит, на «Цен-



**«ВНОШУ
КОНКРЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ...»**

тросваре» рады и такому? Дескать, ремонтники мы умелые, переделаем! Но ведь верно сказал в своей статье ленинградец Юрий Кортунюк: исправление чужого брака — заслуга сомнительная. Не допускать, не терпеть его — вот что требуется. А для этого в первую очередь нужны жесткий входной контроль, тесные связи с поставщиками. Не будет их — и самые гневные «рекламации» на собраниях останутся пустым звуком.

Сергей Козырев, бригадир комсомольско-молодежной бригады резчиков заготовительного цеха: Работаю на линии плазменной резки металла «Кристалл» со дня ее пуска. Современная машина, но тем более огорчает, насколько в ней многое не продумано. «Смена» рассказывала, как на ленинградском «Пластполимере» мучились с линией УкрНИИпластмаша. Случай с нашим «Кристаллом» аналогичный. У нас наладчикам тоже пришлось смонтировать на линии много того, что не было предусмотрено заводом-изготовителем. Конечно, мы радовались, что работать на «Кристалле» все удобнее, но к тому времени, когда стало, можно сказать, совсем удобно, линия уже успела выработать свой ресурс. А если бы она с самого начала была такой, какой стала сегодня, — насколько производительнее мы бы все эти годы на ней работали!

КОММЕНТАРИЙ «СМЕНИ». После собрания мы заинтересовались: сообщил ли кто-нибудь на завод-изготовитель «Кристалла», в чем именно усовершенствовали линию наладчики «Центросвара». Оказалось, что нет. Короче, и тут обратная связь не работала. А ведь подобная информация для машиностроителей была бы вовсе не бесполезной.

С. Козырев: Работаем на автоматах, а заготовки, материалы к ним подтаскиваем вручную. У нас на «Кристалле» львиная доля времени уходит на погрузку-разгрузку, а не непосредственно на резку металла. Все таскаем на руках! Сделали, правда, своими силами манипуляторы, но они пока плохо работают, несовершенны (все-таки мы не машиностроители!), часто выходят из строя... Серьезная проблема и с запчастями. Ведь как получается: приходит новая техника, а запчасти к ней поступают спустя года три. Изготовители, видимо, полагают, что раньше этого срока их детища из строя не выйдут. А они выходят, и значительно раньше! И стоят недели, ожидая, пока станочки выгочат ту или иную втулку, другую деталь. Стоят неделями вместо полутора-двух часов! Тут, как я понимаю, надо решать вопрос на уровне министерства: выпускается новая машина, так пусть параллельно идут и запчасти к ней.

КОММЕНТАРИЙ «СМЕНИ». Действи-

тельно, зачем современному предприятию полукустарное производство запчастей? При нас начальнику цеха В. А. Дмитриеву принесли чертеж бронзовой втулки. Руководству завода известно, что бронзы у Дмитриева нет. А втулка нужна, без нее оборудование работать не будет. Что ж, не достанут бронзы — сделают из чугуна, закрыв глаза на качество детали.

— Делать запчасти на специализированных предприятиях намного экономичней, дешевле, — говорил нам Дмитриев. — Нужна централизация в этом деле. Пожалуйста, мы, допустим, будем делать резиновые кольца хоть для всей отрасли. Но тогда производство втулок надо сосредоточить на другом заводе. Тогда можно установить производительное оборудование и выпускать детали большими сериями, что гораздо эффективней. А почему сейчас заводы не поставляют запчасти в нужном количестве? Им выгодней продать агрегат в сборе, чем разную дешевую мелочь. Они с большим удовольствием заплатят штраф за недопоставку. На мой взгляд, централизация и специализация совершенно необходимы.

Е. Харитонов: Дополню Сергея и в другом. Бывает, что и станок хорош, и работает как часы, а производительность труда на нем все же низка из-за обилия ручных вспомогательных операций. Пример — все наше кузнечно-прессовое оборудование. Ни на одном из прессов не предусмотрены приспособления для смены штампов. То же и с гильотинами: они только рубят лист, а подавать его приходится вручную. Думаю, настала пора считать такие станки не готовыми, а полуфабрикатами...



ВЫСТУПИТЬ ИЛИ ПРОМОЛЧАТЬ?

Андрей Бойников, токарь РМЦ: Вот мы говорим об автоматизации и механизации производства, а не можем решить проблему с элементарными заготовками. Нужно, скажем, выточить болт. Для него требуется шестигранная заготовка, но у нас таких нет, точим из «кругляка». То есть все равно фрезеруем из него шестигранник, а потом уже делаем болт. Стружки при такой работе больше, чем продукции! Или возьмем смазку. Можно хоть сейчас пойти и убедиться: в половине токарных станков масла нет. Не потому, что кому-то лень залить, а потому, что столько его нашему цеху выделяют. В результате станки работают на износ.

КОММЕНТАРИЙ «СМЕНИ». Мы слушали и думали: что ни выступление, то тема для «Комсомольского прожектора». Ведь не все заводские проблемы вызваны внешними причинами. Хватает пока и собственной неорганизованности, нераспорядительности.

На последней отчетно-выборной комсомольской конференции бывший начальник штаба «КП» говорил очень актуальные слова:

— Основное направление деятельности «КП» — борьба за всемерное повышение производительности труда на основе внедрения новейшей техники, НОТ, прогрессивной технологии, максимального использования агрегатов, машин и механизмов, повышение качества продукции...

Правда, рапортовал он уже после того, как было сказано, что работал «КП» слабо, бессистемно и пользы практически не принес... Называлась причина плохой работы: «Не вошли в тесный контакт с народными контролерами». Но уж тут-то, извините, кто мешал комсомольцам? Если из простых вещей делать проблемы, то, конечно, до больших дел не доберешься...

Николай Фетисов, наладчик сварочного оборудования: С прошлого года завод включился в крупномасштабный экономический эксперимент.

Реплика с места: А как вы его на себе почувствовали?

Н. Фетисов: Бьет бригаду по карману! Ведь как получается? Допустим, наш завод перевели на новые условия, а смежники по-прежнему поставляют металл в тоннаже, но нужной номенклатуры нет. И приходит одного металла столько, сколько нам сейчас не нужно, а другого, нужного позарез, не хватает. Но договор в тоннаже поставщик выполнил. И вот заготовительный цех делает заготовки, которые сейчас не требуются. А то и вообще сидят и полмесяца курят или занимаются чем-то другим. А план-то дается на месяц! И чтоб его выполнить, им потом приходится по двенадцать часов работать. Оборудование быстро изнашивается. Ему, станку, не объяснишь, что «так надо», что «план горит»...

Реплика с места: Сейчас много говорится о хозрасчете. У себя в бригаде вы думали над этим?

Н. Фетисов: Надо сначала все как следует рассчитать. Мало дать план, надо, чтобы было, из чего его делать. А так... Придите сегодня к нам в цех, я покажу бригады, которые занимаются совсем не своим делом: долбят ямы под фундаменты нового оборудования, таскают железки, а план-то все равно с них не снимут.

КОММЕНТАРИЙ «СМЕНИ». Бригадная форма труда, хозрасчет... С этими понятиями связывается немало надежд, в них видятся мощные рычаги повышения эффективности работы. Однако кому-то, наверное, представляется, что ввести эти рычаги в действие легко и просто — стоит лишь издать соответствующее распоряжение.

Каждый год «Центросвару» (как, впрочем, и другим предприятиям) «спускается» задание: охватить бригадной формой труда такой-то процент работающих. Как вычисляется эта цифра? Достигнутый уровень плюс... А вот откуда берется «плюс», на заводе не знают. Полагают, что с потолка вышестоящих кабинетов.

— План «по охвату» толкает нас к формализму, — прямо сказал нам работник отдела труда и зарплаты В. Н. Григорьев.

А надо ли планировать «процент охвата», надо ли заводу отчитываться и по этому показателю? Особенно сейчас, в условиях расширения прав предприятий? Есть основные показатели по выпуску продукции, росту производительности труда и так далее — так неужели коллективу завода хуже видно, какими способами их выполнять? Ведь сам по себе «процент охвата» ровным счетом ничего не решает. И никому не нужен. Между прочим, заводские специалисты сами говорили нам, что бригадная форма труда перестала давать ожидаемый эффект. Уж не потому ли, что заводчане вынуждены гнаться за количеством бригад ради хорошей отчетности и меньше, чем требуется, заниматься их «качеством», то есть организацией труда, производством, инженерной и технологической подготовкой?..

Когда мы были на заводе, там ожидали и план «по охвату» бригад хозрасчетом. Но всерьез говорить пока можно лишь об «элементах хозрасчета» — такая распространилась обтекаемая формулировка. Хозрасчет предполагает учет всех производственных затрат. Может бригада, к примеру, вести учет расхода электроэнергии? Нет, потому что счетчик один на весь цех. И так по многим параметрам. Значит, прежде

чем вести речь о хозрасчете, надо установить обоснованные нормы расхода сырья, материалов и обеспечить бригады средствами контроля и учета.

На заводе ведется сейчас немалая работа по развитию бригадных форм труда, хозрасчета. Министерские «указания», мягко говоря, не помогают этому делу.

Реплика с места: Но ведь в прошлом году завод план по договорам выполнил на все сто процентов.

Н. Фетисов: Завод в целом — да. А в цехах? Я знаю, что многие бригады у нас в цехе частенько не выполняли договора... Да, бывало, что одна бригада, у которой есть в этом месяце металл, перекрывала невыполнение договорных условий другой бригадой. В следующем месяце наоборот. Из-за этого сколько раз не выдавалось премий бригадам: не выполнили — и все тут!

КОММЕНТАРИЙ «СМЕНИ». Мы бы хотели еще раз обратить внимание и на такие слова Николая Фетисова: экономический эксперимент «бьет по карману». Небольшая деталь: только в одном месте — коридоре заводоуправления, куда молодые рабочие заходят нечасто, мы увидели стенд, на котором в общих чертах изложены основные положения эксперимента. Ясное дело, он направлен вовсе не на то, чтобы в чем-то ущемлять интересы заводчан. Но, быть может, в столь упрощенном понимании экономической перестройки виновна простая неосведомленность о ее сути, о требованиях, предъявляемых нынче к каждому работнику промышленности? Никто — от рабочего до директора — уже не может стоять в стороне от новых требований. Поэтому каждый на своем месте должен ясно и четко знать: что конкретно от него требуется? Как он лично может влиять на ритм работы — главное условие стопроцентного выполнения договорных обязательств? Довести эти знания до каждого человека — важнейшая задача заводских служб, подразделений. В том числе и комсомольской организации.

Е. Харитонов: Перестройка, которая происходит сейчас в нашем народном хозяйстве, ускорение его развития, как уже не раз говорилось, требуют в первую очередь перестройки в умах — ломки устаревших представлений. Одно из них — представление о вспомогательных службах как о второстепенных. Допускаю, что когда-то так оно и было, хотя не уверен. Но уж сегодня-то это явно ошибочное мнение. Профессионалы века именуется в последние годы профессия оператора, управляющего «умными» машинами. И неправильно! Потому что «до ума» эти машины доводят наладчики, а без квалифицированного ремонтника, без необходимого инструмента у него или тех же заготовок, станок будет стоять. Да и техника теперь такая, что для работы на ней требуется все меньше

**МИРОСЛАВ ЖУКОВСКИЙ:
«ПРОБЛЕМЫ НАДО ЗНАТЬ В ЛИЦО!...»**



людей. Так что не оператор, а ремонтник и наладчик выступают сегодня на первый план. На любом производстве. А вот отношение к ним устарело. Потому и фигурируют эти профессии до сих пор в разряде, мягко говоря, не особенно престижных.

Отсюда и нехватка молодых квалифицированных кадров для вспомогательных служб, трудности с их пополнением. Ни одно из калининских профтехучилищ, насколько я знаю, не готовит слесарей-ремонтников, наладчиков. Вот и приходится обучать ребят этим профессиям прямо на заводе. А институты? Все современные станки оборудованы сложными гидравлическими системами, в то же время нет почти ни одного вуза, который бы готовил специалистов по гидравлике. Правильно ставит вопрос на страницах «Смены» молодой инженер Алексей Пешков из Павлодара: давно уже настала пора тщательно изучить,

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ:
«...ОБЩИЕ ЗАДАЧИ — И РЕШАТЬ СООБЩА».



сколько и каких конкретно специалистов готовить для народного хозяйства, какие новые кафедры надо открывать в институтах. Не мы — само время этого требует.

Александр Кадочников, инженер-конструктор: Я окончил Калининский политехнический институт. Работаю на испытательном стенде. Должен сказать, что то, чему нас учили, и то, с чем сталкиваемся мы в практической работе, очень отличается одно от другого. Практически все, как у Райкина: «Забудьте, чему вас учили в институте...» Приходится самим учиться на заводе как бы заново.

Вячеслав Макаров, комсорг отдела главного технолога: Это не так уж и безобидно. Не потому ли отчасти промышленные роботы не дают сегодня той отдачи, какую могли бы? Мы еще не умеем говорить с ними на «ты»...

А. Иванов: У меня предложение. Как всем известно, базовым для нашего предприятия является Калининский политехнический. Надо, чтобы после третьего курса, когда у студентов начинается специализация, они уже знали, что будут работать у нас; нам, комсомольцам, надо устанавливать и поддерживать с ними связи. Тогда выпускникам не придется учиться заново, они сразу будут включаться в работу.

КОММЕНТАРИЙ «СМЕНИ». На заводе введен твердый порядок: каждый молодой специалист сразу получает индивидуальное, конкретное задание по

совершенствованию техники, технологии, организации труда. Год он стажирется под началом опытного инженера, а потом проходит аттестацию. Но все-таки и здесь молодой специалист испытывает те же трудности, о которых во втором номере «Смены» рассказывал молодой инженер Алексей Пешков. А связаны они, как подтверждают калининцы, с разрывом между вузовской наукой и заводской практикой. Калининцы подтверждают: молодой специалист приходит в цех, не имея никаких навыков общения с людьми. До смешного доходит — боится идти в бригаду, не знает, как держать себя с рабочими, как разговаривать. Говорилось на собрании и о том, что во многих вузах до сих пор «проходят» станки, снятые с производства много лет назад, так что и по чисто технической части молодой специалист неважно «подкован». Поэтому нас попросили на страницах «Смены» задать вопрос Минвузу: разговоров уже велось немало, но когда же уровень подготовки специалистов будет соответствовать требованиям времени? А еще лучше — опережать их.

Юрий Видринев, секретарь заводского комитета ВЛКСМ: Здесь уже отмечалась та разобщенность, с какой мы подчас работаем. Цель нашего сегодняшнего собрания в том и состоит, чтобы сплотить воедино комсомольские организации цехов в целях совместного решения задач ускорения научно-технического прогресса. У нас есть уже примеры плодотворного творческого содружества РМЦ с отделом главного технолога. Настало время с помощью главных специалистов завода создать целую сеть молодежных творческих коллективов — например, на базе наладчиков РМЦ и электроцеха...

Николай Васильевич Скрипченко, заместитель главного инженера: От имени всех главных специалистов завода хочу заверить, что мы, безусловно, сделаем выводы из сегодняшнего разговора. И поставленные здесь вопросы совместными усилиями, несомненно, решим. Вообще я считаю, что в нынешней ситуации, когда завод расширяется, растет и возникает немало неожиданных проблем, нам надо таких вот собраний проводить побольше. Не только в РМЦ, а во всех коллективах, приглашая специалистов. И надо больше создавать именно таких бригад — творческих, комплексных, как в РМЦ и электроцехе, — создавать их немедленно. Кроме пользы, ничего не будет. Точнее, мы будем лучше знать друг друга, более эффективной станет наша общая работа на конечный результат. Ребята у нас очень способные, грамотные, прогрессивные идеи ловят буквально на лету. Помощь же мы им окажем и сами примем участие в совместной с ними работе.

...Молодой завод успешно завершил пятилетку: планы и обязательства выполнены по всем технико-экономическим показателям, сверх плана реализовано продукции на два с лишним миллиона рублей. Но здесь понимают, что на прошлые результаты ориентироваться нельзя. У завода немало неиспользованных резервов — это и показало комсомольское собрание.

Репортаж вели специальные корреспонденты «Смены» Владимир АНИСИМОВ, Павел БОНДАРОВСКИЙ и Евгений СТЕЦКО (фото).

ОТ РЕДАКЦИИ.

Уверены: проблемы, о которых говорилось на комсомольском собрании, волнуют не только калининцев. С ними сталкиваются многие рабочие коллективы, об этом свидетельствуют и письма — отклики на публикации под рубрикой «Молодой коммунист». Мы не считаем разговор завершённым и предлагаем читателям принять участие в совместном поиске решения наболевших проблем. Ждем ваших писем!



Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1411) МАРТ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Наша обложка:
делегат XXVII съезда КПСС, кавалер ордена «Знак Почета» мастер машинного доения колхоза «Родина» Макарьевского района Костромской области Елена Глуховичева.

Фото Альберта ЛЕХМУСА.

- 1** «ЧТО ЗНАЧИТ РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ». Фоторепортаж Владимира АНИСИМОВА, Павла БОНДАРОВСКОГО и Евгения СТЕЦКО.
- 4** ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА. Георгий ДАНАИЛОВ. «НЕ УБИТЬ МОЦАРТА».
- 7** Стихи Риммы КАЗАКОВОЙ и Раисы РОМАНОВОЙ.
- 8** Рассказ Анатолия КУРЧАТКИНА «СОЗЕРЦАТЕЛЬ».
- 12** ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ЛЮДИ, ПРОБЛЕМЫ, ФАКТЫ. Юрий РАГОЗИН. «ТРУДНОСТИ РОСТА».
- 16** Юрий НАГИБИН. «ГИМН ЖЕНЩИНЕ».
- 18** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 20** «ОРЛОВСКИЙ БОЙ». Фотоочерк Яна ВЛАДИНА и Сергея ВЕТРОВА.
- 21** МОЛОДЕЖНАЯ МОДА. «НА СВИДАНИЕ С ВЕСНОЙ».
- 22** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». П. УАЙАЛ. «СОЗДАТЕЛИ НОВОСТЕЙ».
- 24** «ОЗАРЕННАЯ». Воспоминания о кинорежиссере Ларисе ШЕПИТЬКО.
- 28** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ». «УДАЧА ИЛИ БЕЗВКУСИЦА?»
- 29** Повесть Николая ЛЕОНОВА «ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

КОГДА МЫ СМОТРИМ В ГЛАЗА ДЕТЕЙ

Прочешь блистательно написанную книгу по педагогике, согласимся, — сладостный, но редкостный десерт. Острота ума не как лишь личностное самовыражение, а как результат огромной, невидимой глазу работы мысли наполняет душу читателя не простым сопереживанием, но ощущением сотрудничества и соратничества, точно кто-то знающий и достойный взял тебя за руку и ведет по лабиринтам собственных мыслей, а ты узнаешь ходы, но решительно не узнаешь выходы, радуясь самой чистой радостью, что выходы эти есть, существуют и так удивительно неожиданны.

Человеческая натура склонна обрастать предрассудками, увы, очень часто они приходят к нам вместе с такой благородной тяжестью, как знание, как опыт, — и предрассудки эти напоминают шоры, некие мыслительные ограничители, не позволяющие нам согласиться с очевидным, а уж тем паче отыскивать в очевидном, с нашей точки зрения, неочевидность куда как более глубоких мыслей. Как бы нам сделать, чтобы избавиться от мнения, считающегося беспорным, что убеждение, дарованное одним знанием, совершенно исключает иные варианты, что опытность всегда беспорна и не терпит пересмотра. И раньше всего — как бы добиться этого в педагогике, науке явно неточной, зато весьма человеческой, я бы сказал — душевной, а душа, как это очевидно, во-первых, категория множественная, во-вторых, меняющаяся и, в-третьих, трудноуловимая.

Многие, в том числе опытные, педагоги чтут свое занятие, как всякую науку, делом постижимым, представляющим собой не более как сумму знаний плюс опыт, но прекрасно неточная наша наука скорей похожа если не на искусство, будем скромнее, то на ремесло — в высоком понимании этого слова, когда упорный ткач в одиночестве — тихом или шумном — ведет свой, ведомый лишь ему рисунок, а кузнец в снопах искр выколачивает из железной чушки ему лишь очевидный предмет, способный поразить совершенством конечных линий. Тайный замысел, помноженный на понимание материала — металла, пружины, — вот что роднит учителя с мастеровым, да еще штучность, единственность конечного результата. А отделяет от него, возводит в высокий ранг духовного кузнеца разность материала: тот, с которым имеет дело учитель, скроен из несовершенного совершенства — радостей и слез, песен и криков, проделок и ласковости, намерений и посягательства — всего, что зовется маленьким человеком.

Нет, не знания, хотя глупо отрицать их, нет, не опыт, хотя бессмысленно с ним не считаться, — а понимание и любовь, готовность поставить себя, взрослого, знающего и опытного, на место малого своего неразумного ученика — вот дрожжи, на которых взойдет — и всходит! — тесто, из которого уж и хлеб выпечь можно.

Понимание, да, повторим это слово. Не сумма знаний, нет, не набор рецептов — их вовсе не существует, ибо примененное и удавшееся к одному ученику один раз может оказаться — и оказывается! — совершенно неприменимым к другим, ибо у каждой звезды — свой свет, своя температура, своя атмосфера, а самое глав-

ное — своя удаленность от нас, и добиться победы можно, лишь относясь к детям — ко всем детям — как к звездам!

Книга опытного и знающего болгарского педагога Георгия Данаилова — Педагогика с большой буквы — тем блистательна, на мой взгляд, что оперирует он не понятием опытности и многознанием, а душевностью и пониманием.

В мышлении более всего он не щадит стандарта, а педагогику приближает к хирургии: скальпель его учительских суждений режет по живому. Я понимаю и принимаю его метод. Мне кажется, что боль, доставляемая таким скальпелем, приносит настоящее облегчение, а не загоняет болезнь внутрь организма.

Книга Георгия Данаилова называется «Не убить Моцарта», и в этом праведно полемичном заголовке выражена суть его высокогуманистических убеждений: каждый из детей бесконечно талантлив, надо только подобрать ключ к дарованию, а это уж забота и печаль взрослых — родителей, учителей. Смотреть на дитя и видеть в нем незримое никому сплетение дарований — вот высшее педагогическое предназначение тех, кто отдает себя высокому делу воспитания. Говоря «не убить», автор как бы предполагает иную, трагическую, возможность — ведь можно и убить. Можно и убить Моцарта в ученике, которого не разглядел учитель. Кто же в ответе за это бескровное убийство? И какой криминолог докажет, что оно совершено и перед тобой не обыкновенный шалопай с тяжелой наследственностью, к чему так, к печали нашей, часто апеллирует учитель, совершающий грех.

Ах, наследственность! Какую подарила она извинимости учителю несовершенству, педагогической бестактности, взрослому бездушию. Сколько списано — и еще спишется! — на нее судеб, топорно обрубленных торопливными, суетно спешащими за какими-то мнимыми, выдуманскими целями ложно умудренными людьми. Педагогическая помощь в отличие от скорой медицинской должна быть неспешно внимательной и понимающей, словом, человеческой, а человеческого-то как раз и недостает нам в погоне за успеваемостью, баллами, мероприятиями и всеми иными причинами, кои придают делу воспитания серьезность отчетной — в сводках — работы.

Особенно дороги моему сердцу суждения Георгия Данаилова о личности учителя — видно, потому, что и сам я исповедую ту же самую истину. Ведь в конечном счете только он, учитель, может задать сам себе этот вопрос: убил ли он Моцарта? Убьет ли? Способен ли убить? Он лишь один может возложить на собственную душу тяжесть безболезненного преступления — он же способен и ответить. Как он же — все он же! — может и убить Моцарта в Моцарте, загубить талант, затоптать личность, и он же, коли без дара человеческого, без совести, не спросит себя за содеянное. А еще чаще — не поймет даже своей греховности.

Да — все в учителе. Простите — все в человеке. Миллионы родителей тоже становятся учителями в большом и малом. Среди родителей не так уж много учителей, в том самом первоначальном смысле слова, когда один научает другого не только знаниям, но и сердечности, и доброте, и нормам людского общежития. Учитель-

ское предназначение куда выше! Он не просто образовывает и даже не только любит, он содеянное иными учителями, чаще всего родителями, научающими собственное дитя лжеистинам, обязуется эти истины вернуть к первоисточнику, к подлинности и чистоте.

Вот почему так любя мне мысль о совпадении понятий хороший человек и хороший учитель. Вот почему нельзя не согласиться с книгой, основа которой высокая человеческая истина, в которой все мы несем ответственность за несовершенство убийства таланта любви, несем ответственность за то, как раскроется из бутона прекрасный цветок, за то, в какую бабочку превратится тихая куколка. И вовсе не фантазмагоричны вариации, при коих из куколки этой вырвется чудовище без стыда и совести, монстр, попирающий любовь, нежность, ангел с волчьими зубами, способный перегрызть горло своей матери.

Нагнетаю, литераторствую?

Да вы только взгляните на детскую фотографию Гитлера, на это нежное создание, подарившее людям ужас и посеявшее смерть, которая посеялась еще восходит на земле коричневыми злаками неонацизма преддверия XXI века. Неужели они будут восходить и в новом веке? Прошу простить за горестный прогноз: будут. У зла, как и у добра, увы, есть своя живучесть. Даже не вдаваясь в непроходимые дебри патологического ненавистничества, коим стал современный гитлеризм, разве мало мы страдаем от таких бытовых мерзостей, как зависть, ложь, попустительство, карьеризм, кинодральство, лицемерие, бюрократство, подлость, предательство? Разве это категории одних лишь прошлых салтыковских эпох? И разве нынче это все те же извиняемые, оправдываемые когда-то «перехитки капитализма»?

Жизнь нас отрезвляет время от времени. Может быть, не так поступательно, не так точно и динамично, как бы хотелось, с отступлениями в стороны, с возвратами. И все же хочется верить, что идем мы вперед не по мерке «шаг вперед, два шага назад». Хочется верить, что наоборот — если и шаг назад, то все-таки два шага вперед.

Самые ясные, требующие одной только правды и честной логики, ответы слов делам, самые чистые, одним словом, — это глаза детей. Учитель — это не адвокат данностей, он адвокат честности. Таким образом, учитель — всегда борец.

Но бороться за мнимые идеалы нельзя. Борются лишь за то, во что верят. Вот почему в борьбе против бескровных убийств учитель должен быть не только лишь защитником: он обречен на вечное самоусовершенствование, на бескомпромиссность наедине с собой. При мысли об ответственности за будущее одного человека может стать страшно. При мысли о том, что ты можешь убить в ребенке Моцарта, может стать ужасно. Но при мысли об ответственности за поколения талантов мало страшиться и ужасаться. Тут надо выбирать: или ты отступаешь в сторону, или засучив рукава бросаешься в драку.

Равнодушным оставаться нельзя. Вот за это — за равнодушие, коли речь идет о воспитании, — я аплодирую профессору Георгию Данаилову.

Альберт ЛИХАНОВ,
писатель,
заведующий лабораторией
воспитательной работы
в детском доме Института
общих проблем воспитания
Академии
педагогических наук СССР

Если в одно прекрасное, солнечное утро мы почувствуем, что крики играющих на дворе детей превращаются в оглушительный гвалт, если мы не сможем приспособиться к их гомону и закроем окно, выбрав душную тишину, не следует расстраиваться, нет нужды обращаться к врачу. Вылечить это нельзя. Мы начали стареть.

Мириться с таким диагнозом не хочется никому. Мы искренне надеемся, что наши нервы перестали выносить детские крики по какой-то другой причине. Мы упорно ищем ее, но наши усилия тщетны. Противоречия между детьми и взрослыми существовали всегда, и самое верное средство разрешить их — предоставить это дело времени. Дети незаметно вырастают, взрослые стареют, потом и те, и другие уходят из мира. Однако в мире продолжают жить новые дети и взрослые, окна снова захлопываются, драма повторяется, и другие люди принимаются размышлять о ее причинах. Кое-кто из этих людей постарался записать свои мысли. Так появились книги о воспитании. Огромное их число доказывает, что воспитание никогда не удовлетворяло нас вполне.

Тогда зачем засел я за еще одну книгу о детях и взрослых? Верно ли, что писать надо только тогда, когда ты

НЕ

можешь сказать другим что-то новое?

С воспитанием я был связан целых сорок лет. Первые двадцать воспитывали меня, вторые — начал воспитывать я сам. Не знаю, вовремя ли отказался я от этой миссии. Побуждений для этого у меня было достаточно, но главным из них было опасение, что людям, перевалившим за сорок, свойственно внушать себе, что все, чем они занимаются, серьезно. Более того, поскольку у них остается все меньше времени и все меньше смелости, дающих им возможность меняться, они начинают верить, что все, что они делают, правильно. В поведении такого рода всегда кроется опасность для окружающих. Но относительно себя я не заблуждался. За двадцать лет педагогических усилий я никого не сумел воспитать так, как мне хотелось бы, — ни самого себя, ни своего сына, ни кого-либо из моих студентов.

Я много раз спрашивал себя: почему? Почему я потерпел неудачу? Вероятно, у меня не было нужных способностей. Ответ этот честен, но он не кажется мне достаточным. Добился бы я успеха, если б обладал всеми необходимыми достоинствами и дарованиями? Какое-то чувство подсказывает мне: нет.

Так вот, история этой неудачи, попытка откровенно объяснить ее причины и является целью этой книги.

I

Три феи-прорицательницы, склонившись над колыбелью, предсказывают будущее. Три неумолимые феи предрекают дни черные и дни счастливые. Первые две пониже рангом, третья же — главная, ей принадлежит последнее слово, «что она скажет, тому и быть!». Поверье это распространено среди многих народов и напоминает о том, что с давних времен и повсеместно люди задавались вопросом, предопределено ли будущее ребенка, записана ли где-то его судьба или все находится во власти случая. Говорит поверье и о противоречивости человеческой природы — каждый и хочет, и не хочет знать свое будущее. Мы прислушиваемся к предсказаниям и тут же их отвергаем.

Предопределенность была бы для нас столь же невыносима, сколь и полное неведение относительно нашего завтра. Лучше всего это известно самим прорицателям, они заседают при закрытых дверях, а изречения оракулов загадочны и многозначны именно в такой степени, в какой это нужно нам самим.

Лично я отношусь к ясновидению в узком и полумистическом смысле этого слова сдержанно и скорее отрицательно. В тех случаях, когда моему неверию противопоставляли обезоруживающие на первый взгляд факты, я выдвигал скромный, но серьезный, по-моему, контрдовод: до сих пор не нашлось ни одного ясновидца, который умел бы предсказывать цифры тотализатора.

О предопределенности будущего заговорили «научно», когда появилось учение о наследственности. Оно не было достаточно разработано, и именно это давало возможность выдвигать потрясающие гипотезы. «Яблоня всегда рождает яблоки» — и вот уже маленький неосторожный шаг ведет к выводу: «Преступник рождает преступника».

История научной мысли доказывает, что любое замечательное открытие всегда ведет ко всякого рода сомнительным обобщениям. Так, ньютоновской гравитацией объясняли даже химическое сродство, так возникло «все на свете — электричество» и, наконец, все стало «относительным».

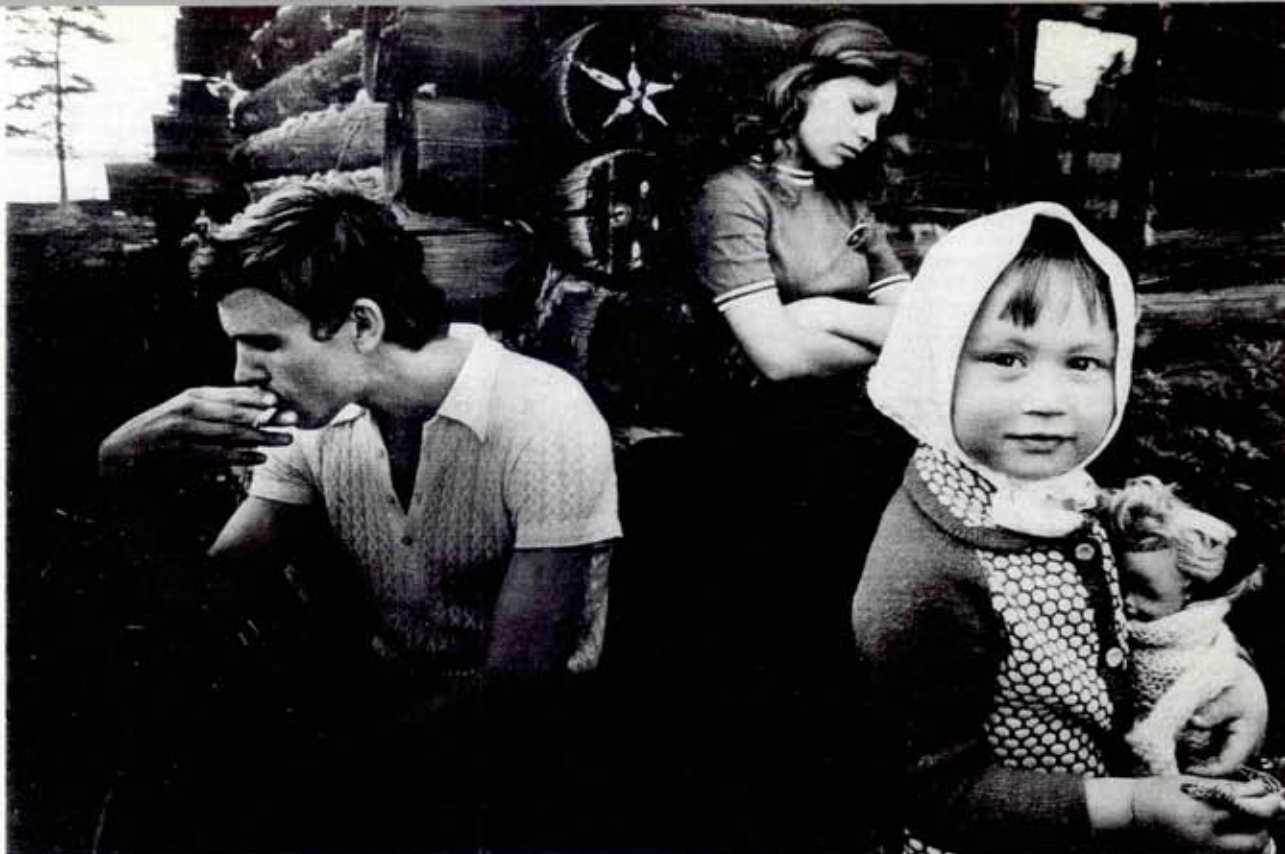


Фото Сергея ВАСИЛЬЕВА

УБИТЬ МОЦАРТА

Георгий ДАНИЛОВ

Когда наследственность сделалась модной, Ломброзо обнаружил свои соображения о врожденной преступности. Нацизм, учуя благодатную для себя почву, разделил людей на полноценных и неполноценных, и, хотя чистые германцы поместили себя в первую группу, наступило трагическое несоответствие между теорией и реальностью.

Вдохновенный произвол в обращении с теорией наследственности привел к такому количеству абсурдов, что следующую ошибку уже можно было ожидать. Многие отвергли самую сущность этой теории. Мендель, Вейсман и Морган были объявлены мракобесами, и в пятидесятые годы на экзамене по философии студент мог рассчитывать на успех, стоило ему назвать генетику «поповской наукой».

Начался изнурительный и вредный спор. Среда — это все! Достаточно создать подходящие условия, и картофельны вырастут величиной с дыню. Другими словами, благоденствие было объявлено едва ли не вопросом селекции. Кто-то поспешил отправить в ссылку закон о передаче по наследству приобретенных признаков, но тем не менее отказывался дать ответ на вопрос, почему определенные породы собак, несмотря на то, что на протяжении многих поколений у них отрезали хвосты, нахально продолжают рождаться с длинными хвостами. Итак, раз среда — это все, тогда и воспитание — все, и будущее начинало вырисовываться весьма оптимистично. Разумеется, в противовес этому безудержному оптимизму подавал голос и дух отрицания: «Наши усилия напрасны! Все тщетно! У человека все закодировано: характер, способности, пороки, даже болезни. Никто и ничто не перешибет слов той феи, что

оглашает над колыбелью новорожденного его генетический код. Что она скажет, тому и быть».

К счастью, и это оказалось неверным. Выяснилось, что если бы нашлись пастухи, которые оставили бы новорожденного Альберта Эйнштейна в логове волчицы, и та, проявив к младенцу благосклонность, взялась бы за его «воспитание», семью годами позже ни один профессор физики не решился бы стать его учителем. Найденный в лесной чаще ученик стал бы рычать, передвигаться ползком, и если бы ему показали написанное на листе бумаги $E=mc^2$, волчок Альберт скорее всего кинул бы листок, порвал его и выплюнул, потому что он не показался бы ему вкусным.

Пример примитивен, но неоспорим. Сегодня все эти громкие споры утихли. Наследственность и окружающая среда признаны соучастниками в развитии человеческой личности. Спорно лишь, что и в каких случаях оказывается сильнее и как эти два фактора влияют друг на друга, и все чаще остается тайной, как объединить их усилия во имя добра.

Вот я и проговорился — назвал это многострадальное слово. Рождаются ли дети добрыми? Мы так часто задаем себе этот вопрос, что не избежать его и мне, но я не хочу спешить с ответом, ибо слишком много недоразумений порождено не столько неверными ответами, сколько неточно поставленными вопросами. Что значит «рождается ли ребенок добрым»? Приверженец классической логики тут же вывернулся бы: дайте мне определение добра, и я попытаюсь вам ответить. Тогда понадобится целый курс этики, мы будем обязаны учить относительность морали, ее классовый характер, неоднозначность

понятий, и усталый дилетант в конце концов махнет рукой: «Да я ведь интуитивно чувствую, что такое добро и что такое зло». И все начнется сначала. Однако во всей этой высокой путанице есть все же нечто бесспорно ясное. При все своей неоднозначности и добро, и зло проявляются лишь в общении людей между собой, то есть они являются

категориями социальными и определяются поведением человека по отношению к окружающим.

А младенец? Он беспомощен, он плачет, смеется, хочет есть, пачкает пеленки, он мил и очарователен, смешон или грустен, но я не понимаю, что значит злой младенец. И что такое добрый младенец.

«Жил да был когда-то один очень злой младенец...» Ни одна сказка не начинается с этого, ни одна легенда. Даже в легенде об Антихристе, который, по определению, должен был бы быть злым младенцем, упоминается только, что младенец родился с двумя зубами во рту. Никаких других зловещих характеристик.

И если я должен высказать собственное мнение, то я полагаю, что дети не рождаются добрыми, как не рождаются и злыми. При этом я убежден, что они рождаются с предрасположением стать добрыми, что все дети с очень небольшими, притом болезненными исключениями могут стать добрыми людьми. За осуществление этой возможности, равно как и за противоположный результат, отвечает воспитание в самом широком смысле этого слова. Другими словами, я верю в начала педагогического оптимизма, и не потому, что исповедовать распространенную веру благоразумнее. Нет. У еретика есть бесспорное преимущество: он не рискует быть обвиненным в скучном традиционализме. Однако я иду на этот риск, так как все больше и больше убеждаюсь в том, что принцип оптимизма в воспитании опирается на глубокие и первичные начала в природе человека.

Мы живем в новом обществе, и оно единственное из всех существовавших на земле сумело создать представление

о том, какими должны быть личности, которые его отстаивают и развивают. Воспитание может быть созвучно целям общества лишь при всеобщем справедливом общественном устройстве. Задачи, которые ставит коммунистическое воспитание, ясны, но самый, на мой взгляд, важный вопрос нашего современного духовного развития заключается в том, соответствуют ли средства, которые мы используем, нашим принципам. Потому что если средства им не соответствуют, я не могу себе представить осуществленными и сами принципы. Я не могу представить себе социализм без глубоко социальных личностей, испытывающих естественную потребность жить в согласии с новой нравственностью, без счастливых и удовлетворенных людей, подавивших и преодолевших естественный эгоизм, готовых быть равноправными членами общества, которое ненавидит насилие, националистические, расовые и групповые предрассудки, без мужчин и женщин, освобожденных от десятков невротизирующих комплексов. Я не могу представить себе осуществленный социализм без воспитания, которое ревностно служит его идеалам, и не могу поверить, что оно приведет к искомому результату, если находится в руках воспитателей и руководителей, лишь формально исповедующих наши идеи.

Когда-то Макаренко изливал свой благородный гнев на всякую воспитательскую деятельность, лишенную ясной, точной и предварительной определенной цели: «В педагогической теории, как это ни странно, цель воспитательской работы обратилась в категорию почти забытую». В доказательство он приводил следующее определение: «Воспитывать детей — это значит прививать им положительные качества (честность, правдивость, добросовестность, ответственность, дисциплинированность, любовь к учебе, социалистическое отношение к труду, советский патриотизм и пр.)».

«В этом милом «научном» перечислении, — продолжает Макаренко, — меня все приводит в восторг. Больше всего нравится мне это «и пр.». Так как перед этим «положительным качеством» стоит «советский патриотизм», то можно надеяться, что «и пр.» будет тоже неплохо. А какая тонкость в понятиях: с одной стороны — честность, с другой — добросовестность, а между ними обложена добродетелью, как ватой, помещается «правдивость»... посмотрите, с каким старанием выписано слово «дисциплинированность». И это ведь всерьез, потому что перед ним стоит «ответственность»».

Ирония выдающегося педагога и сегодня сохраняет силу по отношению ко всем, кто считает достаточным обозначить цели воспитания как набор пожеланий. Я имею в виду не современную теорию, а существующую практику. Прежде чем появилась последняя редакция этой книги, один из рецензентов справедливо упрекнул меня за то, что мои ссылки на педагогическую литературу односторонни, что в последнее время появилось много новых трудов, которых я, очевидно, не знаю. Я задумался над тем, что мне предпринять. В мои намерения никогда не входило анализировать современную педагогику, это мне не по силам да и не отвечает замыслу этой книги. Разумеется, я мог бы подстраховаться двумя-тремя цитатами, но вместо этого я решил вычеркнуть большую часть тех цитат, которые я было использовал. Пусть лучше специалисты по педагогике сочтут меня добронамеренным профаном, чем я попаду в положение одного профессора, который обезоруживающе твердил: «Одни пишут так, другие этак, а кто прав, признаться, и не поймешь...»

Я не претендую на то, что скажу что-то новое и доселе неизвестное. Моя цель — указать на те обстоятельства и явления, которые мешают нашим детям становиться людьми лучшими и более социальными, чем мы сами. Моя цель — заставить читателей задуматься, и чтобы ее добиться, я не хочу проявлять умеренность в оценках. Вероятно, я буду впадать в преувеличения, в крайности. Статистическая объективность скучна мне. Она не отвечает нашим тревогам и волнениям. Ибо я не знаю явления более загадочного, более эмоционального, более трагического, чем то, как детство, исполненное разнообразных возможностей, чувствительное к красоте, восприимчивое к добру, детство, воплощение трогательной невинности, превращается в скучную, однообразную и расчётливую зрелость. Убийство Моцарта в каждом из нас, о котором говорил Сент-Экзюпери, продолжает совершаться. Не будем закрывать на это глаза, не будем пытаться это отрицать. Какая польза обманывать самих себя?

II

Когда-то в медицине существовало непреложное правило — врач не должен сообщать больному о серьезности его заболевания. Для этого были известные основания — считалось, что, если больной будет знать правду, это не поможет лечению, а лишь подорвет и без того ослабленные у страдальца силы сопротивления. Ныне в некоторых странах считают по-другому — больному лучше знать все. Вопрос сложный и спорный, но в обществе, где все больные и все врачи, ложь едва ли может иметь терапевтический смысл. Впрочем, некоторые социологи полагают, что не всякие статистические сведения надлежит предавать огласке, и соображения их напоминают соображения врачей, которые скрывают подлинную болезнь. Но врач по крайней мере сам же и берется за лечение — если он добьется успеха, не так уж важно будет, какую болезнь перенес пациент. Статистика же никого не лечит, а замалчивание ее выводов приводит иной раз к самым тяжелым последствиям.

Лет десять назад представитель одного юридического учреждения официально сообщил группе журналистов, что, по имеющимся данным, среди детей, совершивших преступления, число тех, чьи родители в разводе, меньше числа детей из «благополучных» семей. Юрист согласился на публикацию этих данных, но позже вычеркнул все конкретное и настоял на том, чтобы были опубликованы лишь его общие фразы.

Мне не верится, что подобный страх может сочетаться с нашими усилиями и надеждами на то, что жизнь наших детей станет лучше; я думаю, что и сам этот страх — результат плохого воспитания. Ведь опасаться того, что люди

находятся на каком-то инфантильном уровне и потому-де надо скрывать от них правду, — значит не только солидаризироваться с теми, кто с наслаждением говорит горькие слова о неразумности нашего национального сознания, но и еще больше его подавлять.

— Преступность среди несовершеннолетних в нашей стране растет.

— Молодежь до восемнадцати лет все чаще употребляет алкоголь. Празднование дня рождения или какого-либо другого события редко проходит у старшеклассников без вина и более крепких напитков.

— Число разводов среди молодых семей увеличивается.

— Преступления против общественной собственности умножаются, а это значит, что социальное чувство слабо развито.

То соображение, что все эти явления суть спутники цивилизации и урбанизации и что во многих государствах статистика куда страшнее, чем у нас, не может нас утешить. Социализм появился как отрицание того общественного строя, который самим существом своим предопределял эти общественные язвы. И если одни и те же тенденции проявляются в двух разных мирах, надо искать, что общее не устранено, какие болезни личности встречаются повсеместно и почему они распространяются и там, где общественный климат совсем другой. Вирус может быть одним и тем же, но силы сопротивления различны. Мы должны иммунизировать наших детей против этого вируса.

А достаточно ли мы сделали для того, чтобы они стали лучше нас? Да или нет? Я уверен, что мы честно адресовали им наши благие пожелания, но не оставались ли пожелания лишь пожеланиями, в лучшем случае намерениями? И почему, когда я слушаю разговоры людей, принадлежащих к моему поколению, я так часто слышу старый припев: «Мы были другими!» Разумеется, под другими тактично скрывается «лучшими». И действительно, как подумаешь, что из студентов одного курса, насчитывающего не больше сотни человек, не менее десяти стали профессорами, еще столько же — старшими научными сотрудниками, а почти все остальные достигли самых высоких мест на избранном ими поприще, нетрудно усомниться в способностях того поколения, которое мы создали. Правда, в наше время болгарская наука лишь начала бурно развиваться, и мы заняли свободные места. Сегодня мы продолжаем их занимать, так что нечего удивляться тому, что возможности у наших детей более ограниченные.

Да, но мы проявляли больше энтузиазма!

Верно. Проявляли. Прежде всего потому, что у нас были более ясные перспективы. Тогда наука все еще не была профессией в нынешнем смысле слова, и пример ее титанов начала века выглядел достижимым привлекательным, даже доступным, пусть и в более скромных масштабах. А что произошло спустя десятилетия? За тринадцать лет работы ассистентом я не помню случая, чтобы ко мне пришел студент и попросил консультацию по вопросу, не включенному в программу подготовки к экзамену. Новые студенты охвачены духом практицизма. Когда-то тройка по одному из основных предметов была равносильна катастрофе, теперь в большинстве случаев она стала целью.

— Трех баллов хватит? — Я часто задавал этот вопрос и всегда получал в ответ благодарную улыбку.

Образование постепенно перестает быть источником духовного наслаждения и превращается в этап, который надо преодолеть. И даже если мой собственный опыт односторонен и ограничен, подозрение, что сегодня молодые люди во всяком обучении видят прежде всего обязанность, которую необходимо формально выполнить, меня не оставляет.

Когда же диплом в кармане, наступа-

ет драма распределения, описанная и в литературе. Известно, что каждый, по своему желанию выбравший провинцию, по определению становится положительным героем.

Как получилось, что целый ряд занятий, которые прежде не только считались достойными, но вызывали преклонение и воспевались поэтами, сегодня потеряли свою привлекательность? Ремесло строителя-каменщика, резчика по дереву, кузнеца... Можно провести сколько угодно опросов в скольких угодно школах — никто к этим профессиям не стремится. Сокровенная мысль Сали Яшара¹ — сотворить своими телегами доброе дело, ибо песня их колес издали будет возвещать, когда и кто из странников возвращается в родной дом, — претерпела нынче странную трансформацию. Заблуждение, согласно которому труд чиновника выше, чем труд кузнеца, стало всеобщим. Оно очевидно, и тем не менее бухгалтер продолжает в глазах людей занимать более высокое место, чем каменщик. Даже та неоспоримая истина, что творческое начало проявляется намного активнее во множестве ремесел, чем в деятельности гордой социальной категории «служашие», бессильна убедить любящих родителей направить свое чадо в обучение какому-либо ремеслу.

У одного моего близкого друга золотые руки и неодолимое предрасположение к тонкостям техники. Он поступил в технический вуз, но теоретические предметы оказались ему не по силам. Пришлось бросить институт, он пошел на завод и очень скоро стал фрезеровщиком высшего разряда. На заводе его полюбили, в трудных случаях обращались к нему за помощью, гордились им, но родители не могли примириться с его профессией. У всех членов семьи высшее образование, а у него — нет. Они использовали все способы воздействия, чтобы заставить сына поступить в какой-нибудь вуз. Наконец, он сдался, поступил на филологический, на отделение французской филологии, четыре года семья жила очень стесненно, и наконец мечта осуществилась. Теперь наш великолепный фрезеровщик преподает французский язык в техникуме для поваров и официантов, получает зарплату в три раза меньшую, чем на заводе, и я не заметил, чтоб в его самоощущении произошла какая-либо такая перемена, которая оправдывала бы всю эту гонку за «образованием».

Никогда еще активность родителей не достигала такого пика, как в наши дни. Я не помню, чтоб мой отец больше раза появлялся на родительском собрании, стоял бы у меня над душой, когда я готовил уроки, не помню, чтоб как-либо моя плохая отметка вызвала семейную драму. Никогда не было такого разгула честолюбивых претензий и как следствие этого — такого количества частных уроков, дополнительных школ, курсов, бог знает чего. Никогда семья не тратила столько дополнительных средств на образование детей. Все во имя их будущего, во имя их блага. И эти усилия были бы оправданы и благородны, если бы не сводились к массовой невротизации и детей, и взрослых, если бы не преследовали неясных, смутных целей, если бы хорошие намерения не вырождались в корыстный практицизм. Процесс получения образования стал невротичным, направленным лишь на удовлетворение честолюбия, родители и дети участвуют в этом процессе чуть ли не в состоянии истерики, расплачиваясь за результаты слезами, бессонными ночами и днями, проведенными без игр и радости, мало этого — попираются нравственные принципы.

Я не хочу, чтоб у читателя сложилось представление, будто автор этих строк — отчаянный моралист, который гневается, когда не соблюдаются моральные заповеди, и угрожающе размахивает пальцем. Завтра поступать в вуз

¹ Сали Яшар — герой известного произведения болгарского писателя Йордана Йовкова (1880—1937) «Песня колес».

предстоит моему сыну, и я не могу покланяться, что, если ректор того учебного заведения, которое он выберет, окажется моим знакомым, я не явлюсь к нему и не скажу, не поднимая глаз: «Нельзя ли что-нибудь сделать?» Я ведь помню, как один мой коллега по институту пришел ко мне домой и подавленно произнес: «У тебя есть студент такой-то...» «Есть», — ответил я. «Его не допускают к сессии — ты не подписал ему зачетку». «Не подписал». «Будь добр, походи ему навстречу». Упомянутый студент вообще не появлялся на семинарах, и я сказал это коллеге. «Знаю», — ответил он, — но ты не знаешь, кто его отец?»

Я очень ценил своего коллегу, чудесного человека и отличного преподавателя, а сейчас он стоял передо мной потупившись, расстроенный, озабоченный, просто подавленный. «Кто же его отец? Большое начальство?»

Коллега не выдержал и воскликнул чистосердечно: «Никакое он не начальство. Наш мясник из углового магазина».

После этого трогательного признания я твердой рукой поставил в зачетке свою подпись.

Используя связи, можно забраться на многие вершины, но на Джомолунгму — никогда. Вероятно, когда-нибудь будет проведено серьезное социологическое исследование, единственной темой которого будет психология и механизм связей. Оно докажет, что с помощью знакомств, фальшивых дружб, натурального обмена услугами делается очень многое, больше даже, чем мы себе представляем. Многие вокруг нас приобрели звания и должности, заняли посты, которые никогда бы им не достались, не умей они манипулировать этими тонкими, невидимыми нитями, которые так оплели нас, словно все мы запутались в паутине, которую сами же и ткем. Разумеется, предпосылкой, которую нельзя игнорировать, являются несовершенства в развитии нашего общества, а связи — это способ их преодоления. Ведь если бы в магазине всегда было хорошее мясо, сын мясника не получил бы зачет по химии. Однако эти чисто экономические выкладки меня не удовлетворяют. Социальная справедливость не может рассчитывать лишь на благоденствие. Если, мол, будет все для всех, то и люди станут лучше. Но я боюсь, что к тому времени, когда это благоденствие наступит, люди, дожившие до него, окажутся духовно искалеченными, и не сумеют его оценить, и всегда будут находить, что чего-то у них нет, чего-то им не хватает, и будут гоняться за этим недостающим, используя старые средства.

Одному электротехнику надо было проехать двадцать километров, чтобы включить ток в восстановленном старом доме в обезлюдившем селе. Он согласился, сделав следующую оговорку: «Поеду, но не ради денег, которые мне заплатят. Деньги у меня есть. Видишь мой дом — девять комнат. Но говорят, что этот чокнутый, который развалюху купил, — журналист, а его жена — врач. Может, поеду в Софию, так я их там найду, а если когда лечиться придется, жена его, наверное, знает разных профессоров!»

Логика несокрушимая, и упрекать электротехника трудно. Единственное, что входило в противоречие с ответственностью такого рода отношений, было то, что техник должен был поехать в село во исполнение своих служебных обязанностей.

Никто не назовет такие отношения социалистическими, но надо сильно покривить душой, чтобы назвать их исключением. Отношения эти временные и будут изжиты. Таков ответ. Однако они не будут изжиты, пока дети электротехника и дети мясника не начнут думать по-другому. А это означает, кроме всего прочего, что они должны быть по-другому воспитаны.

Перевела с болгарского
Ника ГЛЕН.

Словно всю жизнь свою переломила...
Ясное «здравствуй!» звучит как «прощай!».
Я говорю тебе: милый-немилый,
милым не ставший... Какая печаль!

Милый-немилый, итог так ли важен?
Жизнь продолжается, грусть затая.
Милый-немилый, ничто нас не вяжет—
только проклятая память моя.

Будто песок золотой я намыла,
столько узнала, постигла, смогла!
Все же я счастлива, милый-немилый,
хоть эта вспышка была недолга.

Не удержать ни слезами, ни силой.
Но где-то там, в пролетевшем навек,
мне тоже быть твоей милой-немилый,
милый-немилый ты мой человек.

Мне все равно, с кем ты: с нею ли, с нею
или один—как звезда в вышине.
Милый!.. Да разве я право имею?
Милый-немилый, ты—милый вдвойне.

Милый, немилость твоя истомила.
В горле счастливая трель замерла.
И безразлично мне, милый-немилый,
что я кому-то мила-немила...

Март. Серый Крым. Туманна даль.
Сырой, тревожный воздух.
Но розово расцвел миндаль
и весь в пушистых звездах.

Шагнул из завтрашнего он
в холодный день весенний,
цветущим снегом занесен
восторга и везенья.

Фарфоровые лепестки,
природы выдох нежный,—
настойчивой моей тоски
противовес безгрешный.

Пишу стихи, полночной улицей шагаю,
у телефона испуганно жду звонка.
Сама к нему смятенно тянется рука...
Надежда, радость, пустота, восторг, тоска!
Все, что назначено тебе, в себе сжигаю.

А после встретимся, и, удивясь немного,
ты вдруг почувствуешь, поймешь внезапно ты,
что сожжены все наведенные мосты,
и что бредем мы в пустоту из пустоты,
и бездорожьем стала четкая дорога.

Я не заметила, как все во мне сгорело,
как опорожнился наполненный сосуд,
и никакие в жизни силы не спасут
тебя—во мне,—как ни жесток он, этот суд...
Всю душу вытрясла, все очи просмотрела.

Сожгла, спалила. И развеян пепел сладкий.
Потеря тоже! Не печалься, уходи.
Мой камертон не зазвучал в твоей груди.
Я—только я, ты—только ты, все впереди,
но—врозь, лишь дума у бровей—
похожей складкой.

О чем задумался? Задумалась о чем я?
Мне ветерок начала холодит виски.
Сгорело все. Сгорел и сам огонь тоски.
Над пепелищем облака темны, низки.
Нет ничего. Не кружит даже ворон черный.

Сожгла, спалила наваждеенье, откровенье!
...И лишь стихам—так ослепительно сиять,
и память молнией восторга осенять,
и возвращать невозвратимые мгновенья.



Заря аэропортная,
все снова впереди...
Любимый, я работаю.
Любимый, подожди!
Ну вот, сидела б рядышком...
Да я и так с тобой.
А жизнь—она, как ядрышко
под крепкой скорлупой.
Иду с усмешкой бодрою,
а мир продрог, промок...
Работаю, работаю,
держусь, как поплавок.
Вскипают полдни потные,
слетает ночь к нулю...
Работаю, работаю!
Люблю тебя, люблю.
И в дивный час свидания
не речь—одни слога,
не станет явным тайное—
понятнее слегка.
Разлука беззаботная.
Просторы—кораблю!
Люблю тебя. Работаю.
Работаю. Люблю.

А может, рок и впрямь сметал
уже мне все во благо
и будет розовый миндаль
надежды, вдоха, шага?

Миндаль твоих миндальных глаз—
взгляд к строгим скулам скошен,—
миндаль над нами, с нами, в нас
с горчинкою роскошной!

Поверить хоть на миг мне дай
в то, что возможно это!
...Над серым мартом взмыл миндаль—
веселый выпел света.

На что-то надо уповать.
Так будем уповать на то мы,
чем по наитию ведомы,
чему, быть может, не бывать.

Идем, куда душа велит—
святое, честное начальство,
хоть там, где правда, там так часто
по-настоящему болит.

Зачем посмела уповать,
когда мерцало в упованье
встревоженное понимание,
что буду слезы проливать...

Я плачу. Но не знаешь сам
и я постичь еще не в силах,
что столько раз скажу спасибо
по-детски искренним слезам!

Не выпал выигрыш большой,
и все же что-то пробиваем,
когда идем—и уповаем
всем сердцем, всей своей душой.

Забываю все, сумела всё забыть.
Подумаешь, переболела корью!
Срастила перелом... Еще не горе!
Но не могу в башку дурную вбить:
ну как ты научил меня любить,
когда не знаешь, что это такое!

Раиса РОМАНОВА

Напоена глубинным соком,
Иду я полем, по росе.
А сердце вырвалось,
как сокол—
и утонуло в красоте.

Простор родимый—не измерить!
Но что мой сокол,
рухнул в прах?..
Кого любить?! Кому мне верить,
Коль в небесах,
в засаде, страх?..

Коль рыщут,
рыщут над планетой,
Над этой трепетной травой
Немиротворные ракеты?
Неутешительный конвой?

Сорвется луч
с высот безмерных,
Я вздрогну: это ль взор беды?
Дождь полоснет,
как нож, по нервам:
Не радиации ль следы?..

Сияют детские головки.
Ужель погибнуть им в ночи?
...Закончись, зра перековки
Орал и перьев—на мечи!

Вода успокоилась
В Тускари серой.
Не морщится рябью,
Не ропщет волной...
Кристалльный и ломкий,
Несмело-осенний,
У берега лед
Обозначен каймой.

Туман забытья
Лег на гладь парашета.
Над Курском царит
Холодов полоса.
И чтобы мой дом
Отрезвить после лета,
Наотмашь сечет его
Клен по глазам.

Мой дом! Ободришь!
Пусть нас бросил попутчик,
Протру твои стекла:
Пути разошлись!
Мы будем на Тускарь
Поглядывать с кручи,
Он дальше пойдёт—
Обгонять свою жизнь.

Мы все принимаем...
Листва облетает...
Кудрявые травы
Сжигает мороз...
Любовь прогорает...
А нам не хватает
Соленых,
К щекам примерзающих
Слез.

Горячий дождь любви

Горячий дождь любви
На землю пал сырую...
Сообщники любви—
Светлы твои глаза.
И руки горячи,
И пальцы я целую.
А темная вдали
Гудит еще гроза.

Горячий дождь любви
Унес мои печали,
И стебли налились
Желаньем высоты!
Мой ласковый.

Лови
Мгновения в начале
Любви моей!
Они
Прекрасны, как цветы.

Когда взметет листву
Осенняя остуда
И бурая польнь
В оврагах запоет,
Горячий дождь любви
Как будто ниоткуда
К нам в память залетит
И сердце обожжет!

Песенка о рябине

Пылают гроздья. Лист не кружит...
Моя рябина, как заря,
Еще не тронутая стужей,
Горит в преддверьи сентября.
В окно я руку протянула:
Лучом пронизана насквозь,
Ладонь багрянцем польхнула,
Точь-в-точь рябиновая гроздь.
Еще мы молоды, рябина,
Соседка милая, с тобой.
Еще не вызрела причина,
Чтоб нам склоняться головой.

И жарок ягод цвет бесовский,
И гибок ствол, и лист не пал,
И жадный ветер августовский
Светло к ветвям твоим припал.
А я засовы отпираю,
И дверь так преданно тиха.
За белы руки принимаю
Возлюбленного жениха.
Пусть лета пройдена вершина,
Закат, как тетерева бровь,
Багров. И жаркая рябина
У окон шепчет про любовь.



СОЗЕРЦАТЕЛЬ

Автору рассказа, который мы предлагаем вниманию читателей, удалось подметить явление, вызывающее тревогу. Далеко не всегда, к сожалению, хорошие, честные, работающие юноши, сталкиваясь с приспособленцами, хулиганами, выпивохами, способны дать им отпор, занять активную гражданскую позицию. Инстинктивно отворачиваясь от того, что вызывает отвращение, недостаточно, ведь это не что иное, как плыть по течению. Не случайно писатель называет своего героя созерцателем, подчеркивая тем самым инфантилизм пареня, верно оценивающего окружающих его людей, но не вступающего в борьбу со злом. Ему только еще предстоит пройти школу жизни, закалить характер, стать настоящим мужчиной, рабочим человеком. Писатель верит, что так оно и будет. Однако встает вопрос: почему с таким опозданием взрослеют, мужают иные молодые люди, которые, получив аттестат зрелости, никак не достигнут зрелости гражданской, человеческой?

1

Осенью, когда стало холодно, ему полубилось ходить на работу в ватнике. Ватник был отцовский, купленный отцом для ежегодных отдельных выездов «на картошку», и в плечах оказался широковат, но от этого ему лишь еще больше нравилось ходить в нем. В его примитивном простом крое, напоминающем часто просторченный матрас, было, казалось ему, что-то особо мужское, крепкое, и он чувствовал себя в нем окончательно взрослым, сложившимся, совсем иным, чем был еще три-четыре месяца назад, когда сдавал экзамены на аттестат, потом в институт, — тот мальчик остался где-то далеко там, словно бы в другом мире.

Особенно приятно было ходить в ватнике с третьей смены. Надо лишь было чуть подзадержаться у станка, очищая его от стружки, затем не торопиться в душевой, слыша из своей кабинки сквозь шип и шорох с напором бьющей из отверстий воды, как все меньше и меньше остается в раздевалке голосов, выйти из цеха поближе к девяти, и тогда по пути к дому, если идти по левому тротуару, обязательно встречалась Оля. Она ходила вдвоем с матерью, всегда скорым, торопливым шагом — заводоуправление начинало в девять — и всегда, еще издали, завидев его, начинала улыбаться своей славной, чистой улыбкой.

Ему тоже, идя ей навстречу, хотелось улыбаться, но он стеснялся ее матери, нестарой, очень стройной и высокой женщины, также всегда с любопытством осматривавшей его, и позволял улыбке появиться на лице лишь уже тогда, когда они здоровались.

Иногда, все так же на ходу, они перебрасывались несколькими словами: «Как живешь?» — «Ничего. А ты?» — «И я ничего», — расходились каждый в свою сторону, и последнюю фразу она докиривала уже через плечо, повернув голову.

Ему было совершенно достаточно этих встреч, и ничего большего не хотелось.

Дома, разувшись, он проходил в ванную и вешал ватник за дверь в угол на отдельно вбитый крючок — там всегда было его место, и туда же полагалось вешать его и сейчас.

Квартира была пуста, молчаще тиха, только бормотал, случалось, в этой ее тишине невключенный репродуктор на кухне, на столе лежала записка от матери: колбаса в холодильнике, картошка, творог, яйца... Он привычно прочитывал ее, заранее зная привычное содержание, зажигал газ, ставил на огонь чайник, потом долго ел, положив перед собой на масленку какую-нибудь книгу, — ему нравились эти утренние светлые часы после возвращения со смены: жизнь была неоглядно просторна, громадна, справедливо-разумна и чиста.

В цех ему тоже нравилось приходить утром, в первую смену. Приходить загодя, минут за двадцать до смены — до общего наплыва народа, до толчеи в раздевалке. Цех, неохватно для глаза далеко уходящий, размывавшийся в коричнево-серой дымке из гари и пыли и опорные металлические колонны пролетов, и синеватую рассветом стеклянную крышу, и сами уставившие его плотно, без просветов станки до полного их исчезновения, был гулко тих, словно бы погружен в эту свою тишину, как в воду. Лишь откуда-нибудь, будто специально оттеняя эту тишину, доносился какой-нибудь одинокий, сиротливый звук: то ли визг фрезы, то ли шипение газорезки, — и во всем этом ему чудилась некая буквально-таки одушевленная, несуетная, возвышенная торжественность.

Какая смена ему не нравилась — это вторая. Весь день оказывался как бы одним убиванием времени в ее ожидании. Но главное, впрочем, заключалось не в этом. Когда работал во вторую, на занятия в институт приходилось ездить днем: аудитории были полупусты, все кругом незнакомые лица из других групп; это придавало жизни привкус ненастоящности, ущербности, и потому, только она начиналась, эта неделя второй смены, он уже ждал ее конца, как бы отбывая ее.

Как-то, возвращаясь из института после дневных занятий, у Дома техникумы он столкнулся с Пысаевым. Пысаев учился в 82-й школе, он его немного знал прежде по улице, а нынче, когда поступил на завод, оказался с ним в одной группе по изучению теории фрезерного дела.

— Студентам — наше вам! — засмеявшись, сказал Пысаев, вынул из кармана теплой кожаной куртки руку и подал ее. — Куда бежим, кого глядим? — У него было крепкокожное, тугоскулое, совершенно неподвижное лицо, и, когда он улыбался или смеялся, казалось, что про себя он сейчас вовсе не улыбается и не смеется.

— Из института бежим, — сказал Леша, пожимая Пысаеву руку. — А ты куда?

— Да ну все! — снова засовывая обе руки в прорезанные на боках куртки карманы, выругался Пысаев и сплюнул в сторону. — Гады! Третий раз хожу, на разряд не могу сдать. Сижу на ученической стипендии... — И вновь засмеялся, в упор глядя на него отливающимися белесостью, светлыми глазами. — Ты уже на разряде?

— Скоро месяц, — сказал он и почувствовал, что против его воли в интонации, с какой сказались эти слова, прозвучало довольно.

— Везучий, черт! — Пысаев вытаскивал руку из кармана, хлопнул его по плечу и всунул руку обратно. — Пойдем, нам вроде вместе.

Уже выпал и прочно лежал всюду снег, но все же он был еще непривычен, еще рождал чувство свежести, новизны, и было приятно чувствовать под ногой его плотный, туго пружинящий, поскрипывающий пласт.

— На ту сторону перейдем, — предложил Пысаев у перекрестка. Они пересекли его наискось, выйдя к гастроному, и Пысаев вдруг спросил, выбросив перед собой руку требующим жестом: — Рваный есть?

— Есть, — сказал Леша, произвольно сразу же потянувшись к карману брюк, в котором лежал кошелёк.

Он достал рубль, отдал, и Пысаев деловито хлопнул его по плечу:

— Сейчас я.

Только теперь Леша сообразил, на что он отдал деньги. Следовало бы, может быть, наплевав на рубль, уйти, пока Пысаев там стоит в очереди, но, с другой стороны, было неловко перед ним: выйдет, удивится, будет искать... И пока так стоял, колеблясь, Пысаев появился в дверях и сбежал с крыльца.

— Порядок, будь здоров! — сказал он, подходя. — Давай двинули, у меня тут одно местечко накрокано...

Во дворе дома, в котором размещался гастроном, находилась прогулочная площадка детского сада, на калитке ее висел замок, но рядом же с калиткой, метрах в пяти, было выломано несколько штакетов. Пысаев, изогнувшись, пролез в дыру и пошел по дорожке, и Леша, на секунду замешкавшись, пролез следом за ним. Они зашли в беседку, Пысаев встал ногами на скамейку, ухватился одной рукой за столб, а другой, потянувшись на носках, пошарил в темноте под скатом крыши на опорном бруске стропил.

— Тут, голубчик, — сказал он, соскакивая. В руках у него поблескивал мутный, с расплывчатыми отпечатками жирных пальцев граненый стакан. — Держи, — сунул он стакан Леше и, задрвав куртку, стал вытаскивать из-под пояса брюк бутылку. На закуску Пысаев купил колбасы. — Давай, — наполнив стакан, протянул он его Леше.

— Давай ты сначала, — сказал Леша. Пить его совсем не тянуло.

Пысаев выпил, выдохнул воздух, откусил от своего куска колбасы и снова налил в стакан.

Леша взял стакан, подержал в руке и стал пить. У него было ощущение, будто горло ему продрало наждачной бумагой.

Пысаев протянул колбасу.

— А ты в институте, — спросил он, — на вечернем?

Леша кивнул.

— А на дневной что, не проханже?

— Я не сдавал. — Леша жевал колбасу и торопился скорее съесть ее, перебить вкус во рту. — Документы подал, а как раз к экзамену ногу сломал.

— А я и не подавал. Мне точно не проханже. — Пысаев засмеялся, глядя на Лешу своими неподвижными белесыми глазами, взял со скамейки бутылку и набулькал из нее полстакана. — Хорош портвешок. С утра выпить хотелось, не кем было.

— Пей все, — сказал Леша с отвращением.

— Ну, ладно тогда. — Вышел ровно еще один стакан, Пысаев бросил, размахнувшись, бутылку к изгороди, выпил и, выдыхая воздух, вытер губы ладонью. — У тебя мечта есть? — спросил он с особой значительностью.

Леша не понял.

— Что значит мечта?

— Что, что... ну, мечта... ну, вот чего б ты хотел?

— А-а... — Леша потерялся. У него было чувство, будто Пысаев требует от него сейчас раздеться догола. — Не знаю.

— А у меня есть. На разряд дам, буду деньги получать, начну осуществлять. — Пысаев похлопал его по плечу, будто успокаивал. — «Яву» хочу. Красную такую, знаешь? Зверюга! Сядешь, ручку крутанешь, девочку сзади — и в лес. А?! Ничего?

— Не знаю, — снова сказал Леша. — Наверное.

Пысаев пошел провожать его и до самого Лешино дома говорил о том, как хорошо, как славно жить, когда у тебя есть красная «Ява».

— Давай. — Леша пожал его руку и, поднимаясь по лестнице на третий свой этаж, испытал острое чувство радостной освобожденности.

Дома оказался отец. Он сидел на кухне в ватнике, в валенках и пил чай с малиной — на столе перед ним стояла банка с вареньем.

— Ты чего? — спросил Леша.

— Да заболел что-то, — сказал отец. — Отпросился, сижу, видишь, отпаиваюсь, потеть сейчас буду. А от тебя вроде пахнет?

Леша махнул рукой.

— Да так это... Немного. Встретил одного. — Он засмеялся. — Мечта у него есть:

«Яву» купить, девочку назад посадить — и ручку газа до отказа.

Отец тоже улыбнулся.

— Ну, а что ж, — сказал он. — Мечту каждому нужно иметь. Хоть какую-нибудь. — Волнистые его седые волосы намokли от пота и прилипли ко лбу. — А у тебя, сын, есть?

— Не знаю, — сказал Леша, садясь к столу напротив отца. В голове позванивало, ноги в коленах подламывались. Он не думал о том, есть ли у него какая-нибудь мечта или нет, он просто жил.

2

Перед Новым годом у Лешы произошел конфликт с Лыковым. У Лыкова он с самого начала, как поступил на завод, был учеником, а потом стал подручным.

Им дали на обработку литую двухсоткилограммовую, всю коричневою от окислины чушку — какую-то деталь дробилки, технологический срок обработки ее составлял сорок шесть часов, пять с половиной смен. Обычно такие детали по договоренности со сменщиками, чтобы не ставить да снимать ее десять раз, обрабатывали вкруговую: один начинал, другой продолжал, третий кончал, но нынешняя оказалась сложной до того, что разбираться в чертеже пришли и начальник участка, и два технолога из техбюро, а потом вызвали и конструктора из отдела — передавать ее по смене получалось просто нереально: тогда бы, значит, нужно было объяснять каждому сменщику все заново. Чушка была не очень большой; если не передавать по смене, ее можно было установить на краю стола, и там бы она, не особенно мешая, могла простоять все положенные на возню с нею сорок шесть часов. Следовало только предупредить сменщиков, чтобы они не вздумали ненароком открепить ее и сбросить.



Рисунок Наталья СЕДУЛИНОЙ

Чушку поставили на станок через пять минут после начала смены, разобрались в чертеже спустя три с половиной часа, только после этого стали настраиваться — и пронастраивались все оставшееся время; когда, наконец, игла рейсмуса показала норму, до конца смены оставалось пятнадцать минут.

— Ну все, проклятая, — выругался Лыков, выключил станок, снял рейсмус с суппорта и убрал его в шкаф с инструментами. Он был весь мокрый от пота, и лицо у него от злости стало серым. — Слушай, дожись Вовку, скажи ему, чтобы не трогал, и Женке потом пусть передаст. А я пойду, сил больше нет.

Он ушел, а Леша остался дожидаться Володю Сальникова, который их сменял, но того все не было и не было, и не было его подручного, он пошел выяснять, в чем дело, и оказалось, что с нынешнего дня оба они в отпуске. Леша взял в конторке начальника участка листок старой, промаслившейся синьки, написал на нем: «Женя! Не скидывай эту дуру. Лыков» — и подсунул затем листок уголко под деталь.

Наутро, когда он пришел на смену, чушка лежала на полу возле станка. Лицо у Лыкова, когда он подошел к станку, было, показалось Леше, еще серее, чем вчера, когда закончили настройку.

— Это что такое?! — с яростью, в бешенстве скакивая набок челюсть, спросил он Лешу. — Ты что вчера?! В сортир поджал — дожидаться не мог?!

Леша никогда прежде не видел его таким.

— Что ты орешь? — возмущенно сказал он. — Я и не виноват вовсе...

— Иди ты... не виноват! — сказал Лыков, проходя мимо него к инструментальному шкафу и отгаливая на ходу рукой. — Иди, сказал! — обернулся он от шкафа. — Где хочешь работать, а со мной больше не будешь!

— Ну и катись сам, — бросил в его сторону Леша и пошел от станка к будке начальника участка, белевшей меловыми стенами в конце пролета.

Эту смену он не работал, а назавтра вышел на соседний станок в паре с подручным Жени Трофимова, демобилизованным парнем, появившимся в цехе на месяц позднее его.

— А, ну и отлично! — непонятно обрадовался начальник участка, когда Леша пришел к нему и рассказал, что произошло у них с Лыковым. — Это даже и неплохо! — и засмеялся, довольно покачивая головой. — У нас на двух фрезерных по пустой смене выходит, подручный Трофимова на самостоятельную просится, вот вы с ним вдвоем и будете. А Лыков с Трофимовым — те и по одному справятся.

Нового Лешиново напарника звали Николаем, он ходил на работу в солдатском хабэ и сапогах, всегда с сигаретой в зубах, и на лице у него было постоянное выражение веселости.

— Ну что, — все с этим же выражением веселости, искоса глядя на Лешу лукавым взглядом, спросил он, когда получили у мастера наряд и пошли по пролету в конец цеха искать свою деталь, — кто основным будет, кто подручным, как в бумажке, — потряс он листком наряда, — писать будем?

Леша не думал об этом и смеялся, протянул нечленораздельное:

— Ну-у... если вообще...

— Давай я основным буду, — перебил его Николай. — Я старше, если что — в любом случае на меня ответственность.

— Давай, — с облегчением согласился Леша, хотя обида остро, булавночно и кольнула где-то в груди.

Они нашли на площадке складирования свою деталь, позвали стропала, и он, вызвав кран, доставил ее на станок. Это была металлоконструкция — распорившаяся во все стороны сварная каракатица из десяти миллиметровых листов; когда крановщица опустила ее с маху на стол, она задрезжала отвратительно резко и гулко.

Настраивались они бог знает сколько — часа два. И Леша вспомнил, что никогда в общем-то и не настраивался один, всегда в какой-нибудь момент чуть-чуть помогал Лыков: подсовывал ли прокладку, легонько ли подбивал деталь молотком — и рейсмус тотчас показывал норму.

— Твою под корень, — весело сказал Николай, когда наконец настройка была закончена. Достал из пачки новую сигарету и, обмякая ее в пальцах, кивнул Леше на деталь. — Закрепи, слушай. Передохну.

Леша опять неприятно кольнуло в груди от его приказа — этим как бы закреплялось его иодчиненное положение, но ему не хотелось никаких споров, никакого выяснения отношений, и он молча взял ключ с надетой на его конец

для удлинения рычага трубой и стал закручивать гайки на крепежных болтах.

Потом они поставили в верхний суппорт фрезу — резцовую головку, тарелкообразный тяжелый круг, усаженный по внешней стороне коротколапными победитовыми резами.

— Двинули, да? — вопросом, но не обращаясь к Леше, проговорил Николай, нажал на пульте нужную кнопку, задал фрезе глубину проходки и включил у стола рабочую скорость.

Фреза, сливая резы в один сверкающий, прозрачный круг, тонко и нежно посвистывая, медленно стала приближаться к металлоконструкции. Верхняя плоскость металлоконструкции была толще других миллиметров на двадцать, снять следовало семь, и Николай запустил фрезу миллиметров на шесть.

— А по второму проходу сразу чистовую сделаем, и дело в шляпе, — сказал он Леше, отводя в сторону пульт управления — громадную металлическую панель, подвешенную в воздухе на пружинистом гибком шланге.

— Ну, конечно, — сказал Леша.

Фреза с хрустом вошла в металл, выстрелив из-под себя синеватым дымком и фиолетовым кольцом стружки, и металлоконструкция в тот же миг истошно заверещала под ней, вся задрезжалась, тонко загнусавила, завывала на все голоса. Леше показалось, что сейчас ее свернет с места, он подскочил к пульту и ударил снизу в торчащую из него с красным шариком на конце рукоятку общего выключения. Сразу все смолкло, фреза прекратила свое бешеное вращение.

— Ты чего? — не понял Николай.

— Что-то не то, по-моему.

— Да это ж металлоконструкция, что ты хочешь, — с веселой улыбкой протолкнулся мимо него к пульту Николай. — Так и должно быть.

Он нажал одну кнопку, другую, фреза снова закрутилась, металлоконструкция завибрировала, голося, но болты держали ее крепко.

Так они прошли всю плоскость в длину, перегнали суппорт и содрали металл с другой ее половины, и тут, когда уже собирались приспустить фрезу, чтобы пойти чистовой обработкой, увидели, что весь верхний лист металлоконструкции, который обрабатывали, перекорезило. Риску разметки местами полностью съело, ни о какой точности ни по какому классу не могло быть и речи.

— Что-то мы, Леха, с тобой не то делали, — потерянно сказал Николай, держа двумя пальцами сшавшую сигарету у губ и не глядя на Лешу. — Слушай, давай так, — помолчав мгновение, перевел он взгляд на него, — не будем обозначать в наряде для первого раза, кто основной, кто подручный... Ну, сам понимаешь... учитывая такое дело.

— Да давай, — усмехнулся Леша. — Учтывая... конечно.

Через неделю к нему подошел Лыков и попросил прощения. Точнее, прощения он не просил, просто в перерыв, когда Леша сидел на скамейке возле будки начальника участка с конспектом, подсел к нему и, поздоровавшись, спросил:

— Что, слышал, засадили с Колькой одну в брак?

— Засадили, — сказал Леша.

— Ходил, смотрел ее. Металлоконструкция. С нее миллиметрика по два снимать надо, не больше, да свободные концы призмами подпереть, чтобы не било. — Он почесал острый, худой подбородок и взглянул на Лешу. — Хочешь, возвращайся ко мне. С начальником участка поговорю, договоримся.

Леше непонятно отчего было стыдно и горько.

— Да нет, — опустив голову, сказал он. — Теперь уж неудобно, Колька после армии, на ноги ему становиться надо... он самостоятельно хочет, а один не справится...

Слова не выговаривались, он будто вытягивал их из себя. Лыков со своим таким острокостым, словно бы болезненным лицом был, конечно, тяжеловат, нелегко характером, может быть, даже несколько деспотичен, но Леше нравилось работать с ним. Лыков сразу же, на второй день его ученичества, дал ему встать к пульту, позволил гонять вхолостую, теряя свое рабочее время, суппорты, стол, переключать шпиндели с одних оборотов на другие, а потом, когда установили деталь, заставил его пройти вчерновую целую плоскость, другие же не подпускали к пульту даже тогда, когда он готовился уже сдавать на разряд.

И теперь ему до какого-то тягостно-болезненного подсаживания под ложечкой было жаль, что на этот шаг примирения Лыкова он не может откликнуться так, как бы ему хотелось, — согласием. И ведь совсем еще не набрался опыта... А

рядом с Лыковым открылись бы такие хитрости и тонкости, такие тайны, до которых самому приходится годы и годы. Но и не чувствовал уже он себя вправе бросить Николая.

— А что тебе до того, что ему самостоятельно хочется?— сказал Лыков.— Он тебя в подручные вышер, а сам еще...

— Нет, не могу.

— Ну смотри.— Лыков встал, губы его были жестко-самолюбиво сжаты, и глядел он в сторону.— Сам смотри, дело твое.

3

Новый год выдался ясно-морозный, безветренный, деревья стояли, схваченные белой опушкой инея.

Леша встречал его в бывшей школьной компании, была Оля— он танцевал только с ней, глаза ее озорно, чисто блестя в плещущем желтом свете свечей; потом вышел, как был, в рубашке с расстегнутым воротом, на улицу, под разгерметизированную глубину космоса небо, взвизывая от мороза студеным, звонким парком, так что звезды на нем были необычайно крупны и мохнаты. «Ой, да ты что!»— выскокила за ним следом через какую-то минуту Оля, схватила его за плечи, развернула и стала толкать к подъезду, и ему было приятно сопротивляться и подчиняться ей.

И опять этого было ему совершенно достаточно, и хотелось закрепить в себе, сохранить именно это счастливое состояние, этот миг упоения им, а все, что могло быть сейчас иное, большее, то было бы лишнее, чересчур, и он, улучив момент, когда она на кухне с другими девочками стала готовить чай, вышел в прихожую, быстро, улыбаясь сам себе, надел пальто, шапку, открыл дверь и выбрался на лестничную площадку.

Было четыре часа утра, звезды все так же мохнато светили из черной бездны, всюду горели окна, горели фонари.

На площади у завода, на огороженном ледяным барьером пространстве под громадной светящейся елкой, на двускатной деревянной горке-катушке толкалась, кипела толпа, стояла очередь прокатиться на тройке— трех вороных, покорно-ленивых лошадей.— ходил, затевал хороводы Дед Мороз с румяными щеками и в красной атласной шубе.

Леша постоял немного поодаль, улыбаясь, и пошел с площади домой.

— Эге, кого вижу!— высунулся вдруг откуда-то, будто из сугроба вылез, Пысаев. Он был в той же своей теплой меховой куртке, неприметной шапке, только рукавицы у него были необыкновенные: меховые, громадные, растремом закрывавшие руку вместе с рукавом чуть не до локтя.— Куда бежим, кого глядим?

— А!— улыбаясь, сказал Леша.— Привет. Так бежим, никуда. Глядим по сторонам.

— Ну, и я с тобой.— сказал Пысаев и хлопнул его по плечу.

Они свернули в переулок, прошли его, и вышли на другую улицу, и еще куда-то свернули, и вдруг оказалось, что забрели во двор того самого дома, где укрывались тогда в беседке детсадовской площадки.

В беседке на скамейке, глубоко засунув руки в карманы, уйдя носом в поднятней воротник пальто, громко всхрапывая на вдохе, сидел человек.

— Ну, ты!— размахнувшись, ударил его Пысаев по плечу.

Человек замычал, забормотал и, пытаясь опереться о скамейку, вытащил руку из кармана. Рука была без перчатки, голая, и на запястье желто блеснули часы.

Леша услышал легкий металлический щелк и увидел, что Пысаев быстрыми гребущими движениями пальцев стягивает с руки человека браслет с часами.

— Во, порядок теперь!— сказал Пысаев человеку, затолкнув его руку в карман, и быстро слезав своей рукой в карман к себе.— Сиди теперь, грейся. Мы пойдем.

Леша двинулся из беседки следом за Пысаевым, снег морозно скрипел под ногами, и у него было странное ощущение полной нереальности всего происшедшего сейчас.

— Ничего сработали?!— искоса глянув на него и не сбавляя шага, подмигнул Пысаев.

Лешу лихорадило. Он искал в себе нужные, те слова, чтобы сказать Пысаеву, и не было их в нем, никаких, кроме одного:

— 3-зачем, ты? 3-зачем?

Пысаев наступил на часы ногой и с хрустом прокрутился на них.

— Не хрена в беседках спать. Чтоб знал.— Улыбнулся Леша, обнял его за плечи.— Эх, Леха, остались мы с тобой без компаний!..

— Стой!— остановившись, высвободился он из-под руки Пысаева.— Замерзнет ведь тот. Надо его оттуда выгнать.

Пысаев не ответил. Леша увидел: он внимательно смотрит куда-то за его плечо.

— Вон он, твой голубчик, прется!— растягивая слова, сказал наконец Пысаев.— Ох, дела могут быть!..

Леша повернулся— человек из беседки шел в их сторону.

И сразу же опахнуло новым страхом: к ним идет?

Но человек, покачиваясь, молча прошел мимо.

У Лешы было чувство: лучше бы тот ударил его.

И так он и запомнился, Новый год: не тем, что было в компании, не Олей, не счастливым, упительным чувством словно бы парения... а этой уличной дрожью, этим стыдом, этим унижением...

4

В середине января в институте начались зачеты, срочно нужно было сдавать лабораторные, не сделанные вовремя чертежи.

С ним неожиданно начал сближаться Кротов, короткошей, квадратный парень с торчащей бугром грудью: звал его вместе делать лабораторную, подходил в перерыв покурить с ним. Он жил на одной улице с Лешей, через дом от него, оба знали это давно, но вместе с занятиями не ходили, теперь же Кротов, как только занятия кончались, обязательно оказывался рядом. Кротов работал техником-конструктором в институте, у него была совсем иная жизнь, вокруг него готовили и защищали диссертации, и его любимой темой было говорить о том, как получить степень и что она дает в жизни.

— Я себе уже наметил. Это точно, что нужно защищаться. Один институт по нашим временам— ничто,— помахивая, как обычно у него это было при ходьбе, своим небольшим, аккуратным коричневым портфелем, говорил он Леше. Фразы, как правило, строил он короткие и четкие.— Ну, я уже посмотрелся. Чего только не делают, чтобы защититься!..

Кротов отнесил от него Хвостова. С Хвостовым они сошлись в первые же дни учебы— сразу выделили один другого в общей, сливающейся в неразличимое лицо толпе и потянулись друг к другу: здесь, на вечернем, они двое на всю группу

были после школы. Хвостов нравился Леше, он был и прост, и надежен, и что-то, видимо, было для Хвостова привлекательное и в нем, Леше, кроме этой их возрастной одинаковости. Но как-то так незаметно вышло, что Кротов отжал Хвостова, не оставив для него возле Лешы места; Кротов был Леше вовсе не приятен и не интересен, ему казалось даже, что Кротов просто избрал его в друзья, чтобы иметь себе напарника в институтской жизни, но ему было неловко отворачиваться от столь явно и откровенно предлагаемой дружбы, он боялся, что может обидеть Кротова...

Потом занятия возобновились, и жизнь, как закатившийся было на тупиковый путь поезд, снова покатила по прежней колее.

Работал он по-прежнему подручным у Николая, норму они не вытягивали, и начальник участка, чтобы у них выходил заработный минимум, подкидывал им время от времени «сало»— какие-нибудь несложные в обработке, но дорогие детали. Николай, как основной рабочий, получил в кладовой новый синий комбинезон и сменил на него свое солдатское хабо, которое ему, оказывается, для цеха было жалко.

Жизнь как бы обмялась, устоялась, шла, катилась по своей колее ровно, без толчков— стала привычной.

На пороге уже стояла весна— ярилось в полдень солнце на высоком, глубокой чистой синевы небе, с крыши повсюду висели длинные пики сосулек, от снега пахло талой водой. Сугробы его просели, стали совсем черными, снегопадов больше не было, и город сделался неухоженным, запущенным, будто обросший щетиной человек. Хотелось скорее настоящей весны— тепла, ручьев, листьев на деревьях, и неумогу было ждать, сердце, казалось, лопнет от нетерпения. Казалось, жизнь как-то изменится с приходом весны, как-то обновится... и сам обновиться тоже.

5

— Эй!— помахала Леше рукой, подойдя к станку со стороны пролета, разметчица.— Начальник участка за тобой послал, там тебе звонят.

Он влетел в конторку, хлопнув дверью, и схватил лежащую на столе трубку:

— Але!

Звонил Хвостов.

— Здравствуй, Леш,— сказал он.— Я сейчас в институте, в центральном здании был, там объявление висит: на энергофак, на дневное отделение, прямо на второй курс дополнительный набор объявляют— тридцать человек.

— Ну, ты напугал меня.— От шума крови в ушах Леша еле понял, о чем ему говорил Хвостов.— Прямо сюда позвонил!

— Ну, извини, Леш.— В голосе у Хвостова прозвучала обида.— Просто я думал... ты ведь хотел на энергетический.

— Хотел,— сказал Леша. Он почувствовал себя виноватым перед Хвостовым. Кротов, тот бы ничего не помнил о его желании.— А что там нужно?— торопливо, чтобы поскорее замять свой упрек, спросил он Хвостова.— Приехать туда нужно?

— Да,— отозвался Хвостов.— Тут написано, за справками обращаться в деканат дневного отделения энергофака.

— Спасибо тебе. Спасибо большое. Извини, что сразу не понял. Я прямо сейчас и поеду,— сказал Леша и, не видя Хвостова, догадался по его довольному голосу, что тот улыбается:

— Давай. Я, как прочитал это объявление, так прямо подпрыгнул: вот, думаю, как раз что ты хотел.

Леша положил трубку, пододвинул аппарат по столу поближе к начальнику участка, с любопытством глядевшему на него, поблагодарил и вышел из конторки. Отправляться нужно было у сменного мастера, он нашел его, стал объяснять, в чем дело, и тот, недослушав, махнул рукой:

— Ну что, раз такое дело, двигай. Только с этим со своим, с Николаем, договорись.

Николай, расставивши ноги циркулем, закреплял штрель.

— Чего у тебя там?— спросил он сверху.

Леша объяснил, и Николай с веселостью покачал головой:

— Ну, ты даешь: там уж это объявление черт знает сколько висело, он его сейчас прочитал— надо все бросать и тут же лететь. На кой тогда мы эту дуру поставили: вертеть ее и вертеть, уйдешь— я точно до конца смены не справлюсь.

Леша посмотрел на длинную, массивную отливку, стоящую у них на столе,— деталь действительно была со многими перенастройками, с начала смены ворочали и кантовали ее ломиками уже два раза. Ему хотелось сказать Николаю, что если деталь останется на завтра и если он проворонит энергофак— это неравноценные вещи, и вообще в конце концов он лишь номинально подручный, по сути, так неизвестно еще, кто у кого подручным, но он не знал, как это высказать, какие слова найти, все это было в нем внутри и никак не выговаривалось.

Когда он приехал на энергофак, было уже около пяти часов, и в деканате он никого не застал. Сидела, правда, пудрилась какая-то женщина, но она тоже уходила уже.

— Ну что вы,— сказала она,— когда появились. Лето, отпускная пора, студентов нет, кто здесь сидит. Вступительные приемная комиссия проводит. Вот проведет, тогда мы здесь до ночи сидеть будем. Утром приходите.

Назавтра отпрашиваться с работы Леше было уже неудобно. Но была пятница, суббота и воскресенье выходные, и он успокоил себя, что прийти в пятницу или в понедельник— это практически одно и то же. В понедельник же утро и день получались у него свободными— следующую неделю он работал во вторую смену.

В понедельник в деканате он с ходу наскочил на самого декана. Декан был красивый пожилой мужчина в хорошем сером костюме и очень благожелательный.

— Вы все взвесили, вы не ошибаетесь, вы именно к нам хотите?— спросил он Лешу. Они стояли у стола той самой, что пудрилась тогда, знакомой Леше женщины, у нее над головой, и она слушала их.— Собственно, почему мы дополнительный набор объявили— столько у нас после первого курса отсеялось.

— Нет, я именно к вам хочу,— сказал Леша. Сердце у него бешено колотилось, он боялся, что все это неправду— такое везение.

— Ну, тогда все очень просто,— сказал декан.— Подайте заявление о переводе на наш факультет, принесите характеристику с работы. И мы рассмотрим.

Он ушел, а слушающая их женщина дала Леше лист бумаги, он написал заявление, и она, взяв его, передала другой женщине, за соседним столом.

Он трясся в трамвае через весь город к себе на завод, и у него было ощущение, что он не здесь, не в трамвае едет, здесь лишь его пустая телесная оболочка, сам же он, настоящий, летит следом за трамваем...

Начальник участка был на совещании у начальника цеха, и его пришлось дожидаться. Вернувшись, он собрал у себя мастеров, долго сидел с ними и только уже после этого позвал Лешу.

— А, вот что тебе тогда звонили!— догадался он, когда Леша попросил характеристику и объяснил, для чего. Надул свои и без того тугие щеки, выпустил воздух и прицелился языком.— М-да. Значит, уйдешь. А мне опять со школьниками план давать. Эх, жизнь!

— Я так и так уйду, наверное,— сказал Леша.— Осенью в армию заберут. У меня из-за ноги отсрочка была, я ломал ее...

— Ну, может, и не заберут. Ты все-таки в институте.

— Так что, не дадите?— потерянно спросил Леша.

— Как не дам? Дам. Не имею права не дать.

Вторник Леша пропустил, а в среду с самого утра пошел в цех.

И опять начальник участка был у начальника цеха, только теперь на «пятиминутке», и опять пришлось его ждать. Он появился, Леша встал со скамеечки сбоку конторки ему навстречу, начальник участка остановился резко и хлопнул себя по лбу:

— Забыл! Характеристику, да? Извини, забыл, ну совсем из головы вылетело!

— А когда?— смущаясь того, что приходится задавать этот вопрос, приставать к начальнику участка, спросил Леша.

— Та-ак,— протянул начальник участка, щуря свои и без того узкие глаза.— Сегодня, знаешь, точно не сяду. Завтра, пожалуй... Ты во вторую? Ну вот, как раз к твоему приходу.

Но назавтра, когда Леша пришел на смену, оказалось, что начальник участка заболел. Леша поискал у него между листами синек на столе— характеристики не было. Подергал ящики— ящики были заперты.

— Ты чего?— спросил его сидевший за соседним столом мастер.

— Да он мне тут сегодня характеристику должен был написать...— убито произнес Леша.

— Едва ли успел,— сказал мастер.— Пришел, на «пятиминутку» сходил, помялся час и ушел.

Начальник участка появился во вторник на следующей неделе. Леша был в третью, чистил еще станок, когда он прошел по пролету в свою конторку, и Леша тут же бросился к нему.

— В печенках она у меня, твоя характеристика,— с раздражением ответил начальник участка.— И на бюллетене я тоже не здоровьем своим, а ею должен был заниматься?

— Нет, ну я думал, может быть, вы ее тогда еще написали...— сбивчиво забормотал Леша,— где-нибудь в столе оставили... Мне вообще она срочно...

— А срочно, так мастера своего попросил бы. Раз меня нет.— Начальник участка сидел у себя за столом, Леша стоял перед ним, и начальник участка, не глядя на него, махнул рукой.— Будет тебе характеристика. Только не ходи за мной больше, сам найду.

Характеристику Леша получил в пятницу. Начальник участка появился в цехе, как всегда, за полчаса до первой смены, прошел мимо Лешиного станка и вернулся, поманил Лешу к себе рукой. Леша подошел, и начальник участка сказал ему, улыбаясь тугощечкой узкоглазой улыбкой:

— Ну, пойдём. Написал вчера. Лежит твоя желанная у меня в столе. У начальника цеха, в профкомке и комитете комсомола еще подписать надо,— протягивая Леше лист, сказал он.— Моя подпись есть, они подпишут. Счастливого тебе.

Характеристику Леша подписал только к вечеру, целый день прогонявшись за комсомольским секретарем, и поехал на энергофак в понедельник, договорившись— таки с Николаем, что задержится.

— Ой, миленький!— всплеснула руками женщина, принимавшая у него заявление, когда он подал ей характеристику.— Да где же это ты пропадал?! Да ты что! Дня за три обернуться следовало. Все, закончили мы прием.

Женщина отдала ему, вынул из папки, его заявление, он сунул его в карман, попрощался и вышел в коридор.

Уже был сентябрь, на дневном отделении начались занятия, только что прозвенел звонок, и из распахнутых дверей аудиторий вываливали толпы студентов.

Леша шел сквозь них и чувствовал, что может разреваться. На улице, не оглядываясь, хотя почему-то ужасно хотелось оглянуться, он пошел на трамвай, сел и поехал. Народу по дневной поре было немного, и, оказалось, можно сесть. Он закрыл глаза и не открывал их почти всю дорогу, до самого конца.

6

Пысаев неслышно подошел сзади, видимо, постоял немного, наслаждаясь своим неслышным стоением за спиной, и саданул пальцами под ребра:

— Чего стоим, куда глядим?

Леша вздрогнул от неожиданности и обернулся.

— А, это ты.

— Собственной персоной,— сказал Пысаев.— Слушай, дай тридцатку займа месяца на два, на три. Или полтинник лучше. Вот так!— чиркнул он большим пальцем по горлу.— Тут один в армию уходит, повестку получил и «Яву» продает. Новая совсем «Ява», весной только куплена.

Денег таких у Лешы не было. Ни с собой, ни дома. Если одалживать, следовало просить у матери, и он уже хотел ответить Пысаеву, что вечером нынче попросит, уже раскрыл рот, чтобы ответить так, и остановился.

— Нет у меня ничего,— сказал он. И почувствовал стыд, будто соврал.

— Точно нет?— переспросил Пысаев.

— Нет, совсем нет,— повторил Леша и не удержался, стал выгаскивать кошелек из кармана, показывать смятые рублевки, выспал на ладонь мелочь...

Пысаев ушел, Леша засунул кошелек обратно в карман и с силой ударил кулаком об округлое ребро суппорта, еще ударил и еще, так что боль стала ощутимой, выступили слезы и пришлось засунуть руку между коленями, баюкать ее.

Пысаев— друг? Кто?! Пысаев!.. Как это так вышло, что Пысаев? И Кротов еще...

Фреза, выходя за кромку детали, застучала. Леша спохватился, подал стол немного назад и включил суппорт, чтобы обрабатывалась перпендикулярная стенка. Он был один— Николай сегодня в Доме техучебы сдавал комиссии на третий разряд. Леше как подручному, раз у основного рабочего только третий, выше второго иметь не полагалось. «Да ты не кукуйся!— весело сказал Николай, объявляя Леше, что будет скоро сдавать на третий разряд.— Ну, у меня третий будет, а ты институт закончишь, мной командовать станешь». «Да бога ради,— сказал Леша.— Сдавай»,— но в груди, как тогда, давно уже, когда Николай предложил, чтобы основным был он, будто козылюло что-то, будто вошла туда тупая длинная игла, и так вот она и сидела до сих пор.

Николай не появился даже и к концу смены.

Леша выбил стружку из пазов стола, смел ее метлой в ящик, убрал в шкаф инструменты, помыл руки в эмульсии и пошел в раздевалку. В прежние времена

Леша переждал бы, пока схлынет основная масса народа, и только потом пошел бы переодеваться, но теперь он уже не делал так, теперь он и по утрам не приходил загодя, а впритык, к самой смене.

Минут через десять он уже стоял под горячими дымящимися струями, драл себя мочалкой и смывал мыло, с наслаждением подставляя тело воде. Душ он любил, как и прежде.

Дома, когда пришел, не было еще ни отца, ни матери. Он посмотрел в холодильник, что есть для ужина, и стал чистить картошку.

Первым вернулся отец, следом за ним мать, она принесла колбасы, начиненная Лешей картошка уже сварилась, стояла, укутанная в ватник, на табуретке, и сели ужинать. Под конец ужина по телевизору началась передача «Очевидное— невероятное», и Леша с отцом с чашками компота в руках переместились в комнату.

— Леш, тебе в институт сегодня, не засиживайся там особо,— крикнула мать.

— Помню,— не отрываясь от чашки, ответил он.

Была уже середина октября, уже третья неделя, как в институте возобновились занятия,— пошел второй курс. За столом рядом сидел Кротов, он же стоял рядом в перерывы, курил Лешины сигареты и рассказывал что-нибудь очередное о диссертациях. Хвостов маячил где-то в отдалении, на горизонте.

— Леша!— снова крикнула с кухни мать.— Тебе идти пора.

— Иду,— отозвался он. Встал, пошел на кухню отнести чашку, и за спиной зазвонил телефон.— Да?— вернувшись в комнату, торопливо взял трубку Леша.

— Здравствуй, Леш,— проговорил какой-то очень знакомый женский голос, но Леша не узнал, кто это.

— Да, здравствуйте,— ответил он.

— Ну вот, так я и боялась, что нарвусь на что-нибудь в этом роде,— засмеялись в трубке.— Почему «вы»?— И Леша понял, кто это. Оля.

— Ой, извини,— тоже засмеявшись, сказал он.— Не узнал, богатой будешь.

— Что богатой, счастливой бы,— сказала она с веселым вздохом, и в этом вздохе ему вдруг послышалось будто бы загадывание.— Леш, знаешь, в чем дело... У меня свадьба. Сегодня. Сейчас вот. А завтра мы уже уезжаем. И мне ужасно хочется тебя увидеть.

Он молчал. Он все понял и не понял. Свадьбы, женитьбы, замужества— все это было где-то в иной, не в его жизни, и вот она коснулась его, пришла к нему.

— Леш! Леш!— позвал в трубке Олин голос.— Ты что? Куда ты исчез? Ты что-нибудь не то, наверно, подумал. Я хочу, чтобы ты на свадьбу пришел к нам. Мне ужасно тебя увидеть хочется. Ведь завтра я уезжаю. Я хотела тебе позвонить раньше и как-то все...— Она на мгновение замаялась.— А мне тебя просто ужасно хочется увидеть.

Леша почувствовал, что оглушенность его проходит и он может говорить.

— Не здешний он у тебя, да?— спросил он.

— Моряк,— сказала она.— Из Петропавловска-Камчатского. Старший лейтенант.

— Ага. Понятно...— протянул он.

— Леш, ну!— уже нетерпеливо сказала Оля.— Идешь? Я тебя жду.

Надо было отвечать что-то, он замер, прислушиваясь к себе, и понял, что не должен идти. Ему нужно было сохранить в себе ее ту, утреннюю, с ее славной чистой улыбкой издали, с ее быстрым торопливым «Привет!» на ходу... Это нужно было сохранить, и это было важнее, чем увидеть ее перед расставанием, какое бы оно ни было, хотя бы и навсегода...

— Кто это?— спросил отец, когда он положил трубку.

— Оля Киреева из нашего класса,— ответил он.

Сходил на кухню, отнес наконец чашку, вернулся в комнату, собрал портфель и, одевшись, вышел на улицу.

Но в институт он не пошел. Он завернул в читальный зал ближайшей районной библиотеки, взял несколько книг, забрался в угол, разложил их перед собой, раскрыв, но ни из одной не прочитал ни строчки. Ему было не до этого. Ему нужно было место, где бы можно было ни с кем не разговаривать, ничего не делать, ни о чем, наконец, не думать. Он сел за битый коричневым дерматином стол, как погрузился в небытие, и, когда вынырнул, механически отозвавшись на возглас вошедшей в зал библиотекарки: «Закрываем, товарищи!»— у него было ощущение, будто он и в самом деле провел эти часы не в библиотечном зале, а в какой-то темной бесплотной пустоте— где-то в ином мире.

На улице шел мелкий, обычный осенний дождь, стучал уже почти доглаголетавшими ветвями деревьев ветер, жестяно блестели в качающемся свете фонарей лужи.

И из этого позднего осеннего вечера, из этого оседающего на лице водяной взвесью осеннего дождика Леша с ясной, пронзительной остротой видел себя того, давнишнего, казалось, навсегда позабытого и утраченного мальчика, едва научившегося удерживать в памяти свое прошлое, и он, нынешний, был, оказывается, точной копией этого мальчика, с той лишь разницей, что копией увеличенной. И получалось, что он, этот мальчик, будет жить в нем и дальше, всегда, всю его жизнь, никуда от него не уйти, не деться, никак не отделаться от него...

Но какой-то голос, то ли звучавший в нем самом, то ли словно бы разлитый вокруг него, неразборчиво и невнятно шептал, что даже песчинка, падая на камень, оставляет след, что сила противодействия равна действию; пусть изначальная энергия, переходя из одного вида в другой, и не исчезает никуда,— все течет и все меняется.

Голос утихал и наполнялся силой, снова утихал, раздвигался, и теперь их звучало в нем словно бы два, и один уж точно был в нем самом и с жадной страстью говорил о том, что надо скорее всего повторить— вновь пройти всеми теми путями, что ходил этот год, появиться в цехе, как прежде, за полчаса до смены, отбыть неделю смены второй, выйти в третью и потом возвращаться после нее, уже зная, что Оля теперь не встретится... Повторить это все и увидеть, как оно это все теперь.

О том, что через неделю его призовут в армию и Новый год он встретит в казарме, ничего об этом ему еще ведомо не было.

Дорогие читатели! Встречались ли вам такие ребята, как герой этого рассказа Леша? Не кажется ли вам, что он сам обрек себя на одиночество? Ведь как в семье, так и в рабочем коллективе он не находит людей, с кем мог бы поговорить по душам, на чей жизненный опыт, совет мог бы опереться. Или, может быть, семья, школа, среда ответственны за то, что он не научился отстаивать свою правоту, строить отношения с друзьями, плывет по течению? Да и вообще правдоподобны ли, жизненны ли ситуации, в которые он попадает? И если да, то как, по-вашему, мог и должен был он поступать в том или ином случае? Сталкивались ли вы в жизни с ситуациями, когда был выбор— пойти наперекор событию или молча отойти в сторону? И как вы в таких ситуациях поступали?

Ждем ваших писем.



УТРО В УРЕНГОЕ.

уренгойцев. Однако, как мы вскоре убедились, город богат не только газом,—и проблемами тоже.

Растет город. Это радует и тревожит. Трещит порой по швам «одежка»: не сшили навьорот.

Построили школу №2, а в здании образовалась трещина. Можно, конечно, сколько угодно ссылаться на геологические особенности тундры, ругать вечную мерзлоту, оправдывать свои ошибки в расчетах поспешностью, вызванной якобы необходимостью, но школьникам от этого не легче. И стоит теперь эта пустая школа как памятник безответственности. Говорят, будут ломать. А в других школах—по сорок—сорок пять человек в классах, занятия в две-три смены. О хорошем усвоении материала и о высокой успеваемости говорить в таких условиях трудно.

Озабочен директор школы №5 Игорь Семенович Негинский. Холодно у него в кабинете. Зато всех гостей города ведут непременно к нему показывать так называемый «зимний дворик» — большой зал, где ребята смогут отдыхать на переменах, где можно будет проводить всевозможные мероприятия. Говорят, таких школ в Союзе—по пальцам перечесть можно, а вот Уренгой повезло. Когда Негинский рассказывает об этом замечательном везении, в его голосе звучат гордость и грусть. Грусть—потому что в «зимнем дворике» до сих пор нет пола, хотя строители уже покинули объект, а холод стоит такой, что впору ходить в шубе.

Прохладно и во всей школе. Негинский, правда, нас успокаивал, дескать, вот что-то там подключат, и станет тепло...

Мне «по секрету» сообщили, что все школы в городе задуманы были с бассейнами. Но бассейны так и остались в чертежах.

В планах Главуренгойгазстроя на двенадцатую пятилетку записано: построить школ на 11760 учащихся, то есть вводить по одной-две в год. Если учесть, что каждая из имеющихся сегодня школ несет двойную, а то и большую нагрузку, и то, что численность детей увеличивается по крутой нарастающей,—удовлетворить сегодняшнюю потребность города в «дворцах знаний» можно будет только через пять лет. (То же самое можно сказать и о поликлиниках—в городе их хронически не хватает, огромные очереди, тесные помещения...)

Главуренгойгазстрой должен в двенадцатой пятилетке увеличить объемы работ в два раза. Это потребует колоссального напряжения сил, ритмичного снабжения стройматериалами. Но и при этом быстро решить все накопившиеся проблемы будет непросто. Видимо, просчеты в планировании были допущены много лет назад. Потому и приходится сегодня форсировать строительство школ, поликлиник, объектов соцкультбыта.

В восьмидесятитысячном Новом Уренгое нет ни одного кинотеатра, на демонстрацию фильма в клуб не попадешь (да и репертуар составлен как-то стран-

ТРУД

Юрий РАГОЗИН.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

М

альчик-богатырь, с удивлением осматривающий короткие рукава своей курточки, из которой он уже вырос. Таким мне представляется сегодня Новый Уренгой.

С момента его рождения мы следим за развитием города. Командировки журналистов «Смены» в Уренгой стали традицией. Мы рассказываем о его людях, достижениях, проблемах.

И все же писать портрет Уренгоя нелегко: город растет на глазах, меняется. Женя Пенкин, строитель, приехавший сюда восемь лет назад в составе отряда имени XVIII съезда комсомола, пошутил:

— Уренгой стал такой большой, что с друзьями теперь встречаемся раз в год: живем далеко друг от друга.

Тот, кто приезжал сюда всего лишь два-три года назад, не узнает сегодня город. Раньше, к примеру, бывало так:

— Не подскажете, как пройти к горкому комсомола?

— От светофора — налево, увидите длинную пятиэтажку из красного кирпича, на первом этаже с торца.

— А что, он один, такой дом?

— Один. И светофор в городе тоже один.

Сейчас в Уренгое и светофор уже не один, и пятиэтажек много, а девятиэтажек — целый микрорайон.

Чем дальше находишься в Уренгое, тем больше

город нравится. Азартом, темпами, мощью производства, людьми. И очень бы хотелось написать его портрет только в светлых тонах, посвятить весь рассказ достижениям уренгойцев. Рассказать есть о чем.

В конце прошлого года открылось железнодорожное сообщение между Тюменью и Новым Уренгоем. Раньше сюда можно было добраться только самолетом. И не без труда. Недаром тут все, вплоть до детей детсадовского возраста, знают, где находятся авиакассы. В день открытия железной дороги первый поезд встречали с цветами.

Праздником для уренгойцев было и то, что газовики Тюмени вышли на невиданный доселе в мире рубеж — миллиард кубометров газа в сутки. Однако уже сегодня действующие скважины работают порой с перегрузкой, а ввод новых мощностей затягивается. Это, как говорится, чревато последствиями: можно забыть скважины, и природа не отдаст тех богатств, которыми располагает.

В прошлом году пустили газоперерабатывающий завод. Уренгойский конденсат пошел по трубопроводу в Сургут. Использоваться он будет в основном для приготовления дизельного топлива (тонна конденсата заменяет две-три тонны нефти).

Можно было бы долго рассказывать о достижениях

**НА ЭТОМ ЗАВОДЕ ГАЗОВЫЙ КОНДЕНСАТ
 СТАНОВИТСЯ ТОПЛИВОМ.**



Экспедиция «Смены»: Западная Сибирь — люди, проблемы, факты

но: новые картины здесь идут с огромным опозданием).

Жаловались уренгойцы и на то, что не приезжают к ним известные артисты. Но если бы и приехали, где им выступать? В горкоме комсомола подали такую мысль: вот если бы все-таки приехала какая-нибудь «звезда», да сходил бы на ее концерт кто-нибудь из городских руководителей, да если бы ему концерт понравился, а «звезда» пожаловалась бы на тесный зал, и если бы он сам это ощутил, то тогда, может быть, он и дал бы указание поскорей построить новый клуб или киноконцертный комплекс. Ну, а если руководитель не выберется на концерт или концерт придется ему не по душе?

Смотрю на таблицу прироста численности рабочих в одном только Главуренгойгазстрое (в 1986 году — тысяча шестьсот человек, в 1987—1989 годах — по четыреста ежегодно) и думаю: а кинотеатр, который собираются строить, маленький. Когда в 1987 году его откроют, возникнет проблема с билетами. Если школ запланировано на пятилетку построить на 11 760 мест, детсадов — на 15 тысяч, хватит ли городу одного средних размеров кинотеатра?

Вспоминаются слова Михаила Сергеевича Горбачева, сказанные им на совещании партхозактива Тю-

менской и Томской областей: «Отношение к людям, забота о них — главный вопрос нашей политики. А для новых районов освоения он приобретает особое значение. В самом деле, как-то даже неудобно говорить о больших объемах — миллионах тонн нефти, миллиардах кубометров газа, когда не уделяется должного внимания удовлетворению культурно-бытовых запросов людей, создающих эти богатства. Выступал здесь буровой мастер и говорил, что самое большое поощрение в Нижневартовске — получить билет в кино. 200-тысячный город — и не имеет сегодня хорошего кинотеатра! О чем думают партийные, советские, хозяйственные работники?»

Мы встретились с секретарем горкома партии Светланой Федоровной Митрофановой. Люди, незнакомые со спецификой северных проблем, могут недооценить то, что делается у нас сегодня, заметила Светлана Федоровна. Когда мы затронули вопрос о перегруженности школ, о кинотеатрах, Светлана Федоровна остановила нас. Напомнила: два года назад приезжала бригада журналистов «Смены», которая задавала аналогичный вопрос: почему плохо с культурой, почему нет кинотеатра? «Мы же стараемся объяснять людям: все проблемы сразу не решишь». Трудно не согласиться с тем, что всех проблем не

решить сразу. Но трудно и смириться с тем, что эти проблемы с годами не становятся менее острыми. Нам показалось, что решать их тут пытаются чересчур уж последовательно: сначала жилье, потом школы, потом кинотеатр и т. д. Хотя, если разобраться, для нормальной жизни все это нужно одновременно (недаром и в постановлении партии и правительства говорится о комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири!).

Прекрасную мини-модель города мы увидели, побывав в жилом комплексе Красноградского управления

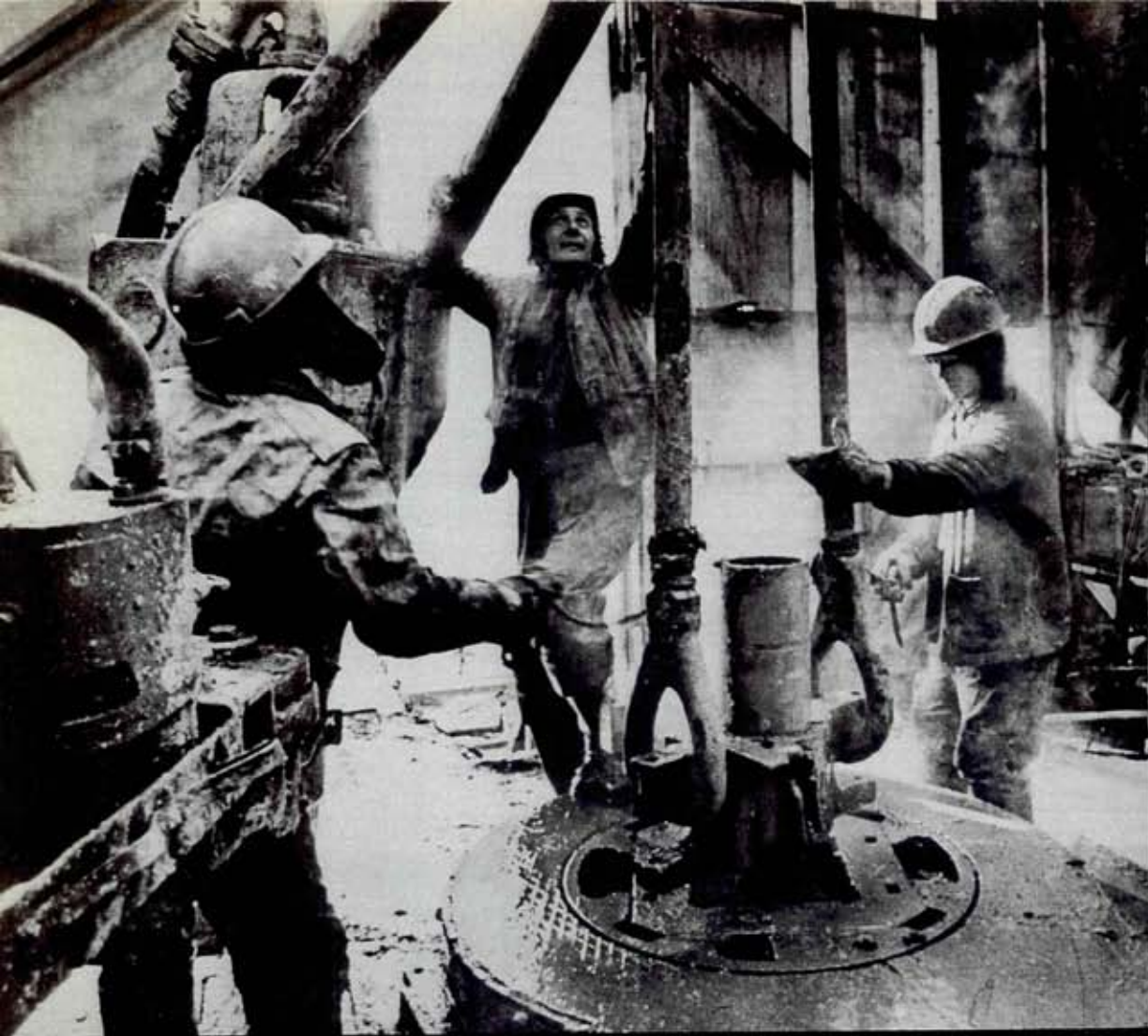
В ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ
ИМЕНИ ЖУРНАЛА «СМЕНА».

ИНЖЕНЕР-СТРОИТЕЛЬ ЕЛЕНА РЕТУНСКАЯ —
ЧЛЕН ГОРКОМА ВЛКСМ.



НОСТИ РОСТА





буровых работ. Здесь база производственного обучения, все хозяйство управления, обеспечивающее жизнь и работу вахтовиков, поочередно прилетающих бригадами на две недели из разных городов Украины и других республик и работающих на буровых за десятки километров от Уренгоя. Заместитель начальника управления по кадрам и быту Владимир Борисович Полозов не без гордости показывал нам свои владения. Семь общежитий по двадцать четыре места, четыре двухэтажных шестнадцатиквартирных дома, шесть коттеджей — каждый на два хозяина, детсад, школа, работающая без перегрузок, спортзал, где занимаются многие жители поселка, клуб, прачечная, магазин, маленькая поликлиника, автономная котельная. Все есть, все под рукой. Мы видели, как заливали хоккейную коробку.

Все сделано на совесть, капитально, ничего временного. «Быт должен опережать работу». — Эта фраза в устах Полозова звучала отнюдь не парадоксально. — Чтобы выполнить план, надо создать людям условия». План первого года прошлой пятилетки красноградцы немного не вытянули — обживались, зато когда устроились основательно, с пятилетним планом справились на славу.

Выходит, можно решать вопросы комплексно? Не лучше ли кроить одежду немного навыворот, чем потом свои просчеты с важным видом именовать проблемами и ссылаться на объективные трудности?

Уренгой — не первый город, выросший за последние годы на Севере. Так почему же повторяются ошибки ранее строивших здесь городов, почему мало используется их опыт? Об этом говорили многие местные жители, приводили в пример Надым. В Надыме, например, дома поставлены кругами, внутри таких «колец» — детсады, школы, магазины, спрятанные от ветров.

— У нас же, — рассказывали уренгойцы, — ветер с ног сшибает, планировка не продумана. Центр города — Ленинградский проспект — получился какой-то «слепой» и неудобный: сплошь жилые дома, ни магазина, ни бытовых учреждений. Летом при малейшем ветерке песок летает, как в пустыне. А почему? Когда еще только собирались строить Уренгой, хотели сохранить верхний слой тундры, пусть бы ягель рос. Не сохранили, вот песок и летает... Ну, а скажите, зачем железную дорогу проложили прямо по центру через весь город?..

Ответ на этот вопрос мы, кажется, нашли. При таком расположении дороги строительство ее явно обошлось дешевле. Вероятно, и с производственной точки зрения проходящая через город железная дорога удобнее. Но, позаботившись о том, чтобы людям легче было работать, транспортные строители упустили из виду: а каково этим людям будет здесь жить? К сожалению, подобные «упущения» встречаются в Уренгое нередко.

В двух уренгойских школах — №2 и №5 — среди старшеклассников мы распространили анкету с вопросами, охватывающими самые разные стороны жизни города. На вопрос «Что мне не нравится в Новом Уренгое?» ответы были очень схожими: «Негде проводить свободное время, культурные мероприятия на низком уровне, в городе скучно».

Самое популярное место отдыха старшеклассников — дискотека при клубе «Факел». Двухэтажное здание, с одной стороны — ресторан, с другой — небольшой зал для дискотеки и крошечный кинозал. Перед входной дверью — толпа желающих прорваться на дискотеку. За билетом надо стоять с утра.

Поднимаемся по ступенькам на второй этаж сквозь плотный строй курильщиков, едва различимых в дыму. Наконец попадаем в темный зал, где очень душно, тесно и оглушающе громко играет музыка. Говорить о том, что на этой дискотеке можно научиться хорошо танцевать, примерно то же самое, что обсуждать проблемы обучения плаванию в ванне. Как мне рассказали ребята, эту программу они слушают уже целый год. Я задал им несколько простых вопросов.

- Нравится?
- Практически все отвечали: — Да.
- Что конкретно?
- ???
- Что нового узнали о музыке?
- Ничего.
- Часто тут бываете?
- А куда еще пойти?..

Конечно, молодежи надо танцевать. Этот вопрос не предмет для спора. Но где, как, под какую музыку? В такой отупляющей атмосфере, как в клубе «Факел»? Подобные мероприятия не только не несут в себе эстетического заряда и не развивают вкус, но и вредят всей той работе, которую ведут сейчас райкомы и горкомы комсомола по организации увлекательного и полезного досуга.

Кстати, как ведут такую работу в Уренгое? Говорили мы на эту тему с первым секретарем горкома ВЛКСМ Николаем Сорокиным. Работники горкома, как выяснилось, если и бывали на дискотеке, то только на прослушивании и утверждении программы.

— Мы решили, — сказал Николай, — пусть смотрит за дискотечкой горисполком, у них — профессионалы в отделе культуры, а у нас нет культработников.

Не слишком-то активная позиция... В анкете был и такой вопрос: «Собираетесь ли вы уехать из Уренгоя?» Большинство ответов отрицательные. Немало было и таких: уеду на учебу, потом вернусь.

Осваивать Север — это значит не только использовать его богатства, но и жить на Севере.

Любопытная деталь: трое из пятисот старшеклассников в своих анкетах выразили сожаление, что в городе только один техникум, в который уже сейчас трудно попасть из-за большого конкурса, нет профтехучилищ, не говоря уже о филиалах вузов. Остальные планируют учиться в других городах, потому что не представляют себе, что можно продолжать учебу в Уренгое. А если бы была возможность учиться здесь, остались бы?

— Конечно, — говорили они, — но когда это будет? Это ли не проблема, возникшая оттого, что «за проблемы сразу не решишь»? И получается: пока мы подберемся от решения одного вопроса к другому, возникают новые проблемы-следствия.

По плану в 1988—1989 годах в Уренгое должны

НА БУРОВОЙ В ЛЮБУЮ ПОГОДУ ЖАРКО.

быть сданы два училища и техникум. Значит, если все будет хорошо, а не так, как с кинотеатром, то к занятиям можно будет приступить лишь к концу пятилетки. За это время школы Уренгоя выпустят в жизнь около восьмидесяти десятых классов и примерно столько же восьмых...

Да, растет Уренгой, растут и множатся и его проблемы. Уже принято решение, что базовым городом для Ямбургского месторождения будет Новый Уренгой: в Ямбурге — только вахтовый поселок. А рабочие руки нужны, и люди едут сюда со всех концов страны. К сожалению, не все серьезно обдумывают этот шаг, плохо представляют себе работу и условия, которые их здесь ожидают. А Север признает только подготовленных, крепких людей.

Вспоминаю случай, рассказанный мне Владимиром Борисовичем Полозовым. В один из февральских дней восьмидесять четвертого года начался сильный ураган. На буровой, расположенной в нескольких километрах от города, кончилось топливо. В дело пошло уже то, что слили из баков тракторов. Буровики передали по радию о критическом положении. Все они, восемнадцать человек, собрались в один вагончик и ждали помощи. Ураган неистовствовал. Падали опоры линии электропередач, в метре от лица уже ничего не было видно. Вереница мощных тракторов с топливом и продуктами пробивалась к буровой. Чтобы не сбиться с пути, по очереди выходили из трактора и ногами прощупывали дорогу, метр за метром. Сил идти хватало лишь метров на двадцать, надо было возвращаться в кабину греться. Одежда покрывалась льдом, с ресниц снимали буквально корки льда. Четыре километра продвинулись пять часов. Люди на буровой уже начали терять надежду, приготовились ломать мебель, чтобы топить печь. Но по радию их заверяли: помощь идет, ждите. И помощь пришла. Иначе и не могло быть. А пурга не прекращалась четыре дня подряд...



Конечно, такие ситуации крайне редки, но все же, собираясь сюда, не надо забывать о тех тяготах, с которыми сопряжена работа на Севере.

Утро, кабинет начальника зонального штаба ЦК ВЛКСМ в Новом Уренгое Юрия Гревцова. Рядом с его рабочим столом стоит чемодан.

— Солдат один приехал,— объясняет Гревцов,— негде было вещи оставить. Съездил домой, оделся, сегодня должен забрать.

— В прошлом году,— рассказывает Юрий,— нам планировали прислать два Всесоюзных комсомольских отряда: имени 40-летия Победы—тысячу человек, и «Стахановец»—пятьсот. А вне плана по индивидуальным путевкам приехало еще около двух тысяч добровольцев. Каково?! Обкомы комсомола, выдающие путевки, почему-то не считают нужным согласовывать с нами этот вопрос.

— А бывает, что отправляете с путевкой назад, домой?

— Редко.— Гревцов вздыхает.— Хотя вообще-то «индивидуалистов» я и принимать-то не имею права... Но, с другой стороны, как не принять? Человек ехал в такую даль, надеялся, он же не виноват, что обком нас не уведомил. В крайнем случае, если не удастся устроить человека на работу, пишем сопроводительное письмо в обком, чтобы оплатили обратный билет. Бывает, приезжают люди с ненужными здесь профессиями. Токарь, слесарь-инструментальщик, специалист по приготовлению фарша, чаевод... А чай пока в Уренгое не выращивают...

Открывается дверь.

— Можно?— Входит парень с большой черной шевелюрой. Приехал из Дагестана. Интересуемся, как получил путевку.

— Пришел в райком комсомола, сказал, что хочу поехать. И все.

Гревцов смотрит на меня и разводит руками: видишь, мол, как все просто. А ведь хорошо известно, что райкомы не имеют права выдавать комсомольские путевки, только обкомы.

— По какой специальности хочешь работать?

— Все равно, лишь бы платили хорошо. Могу слесарем-ремонтником, имею четвертый разряд.

— На сколько приехал?

— Лет на пять. Может, больше.

Гревцов направляет дагестанца в один из трестов, и мы уже вдвоем продолжаем разговор.

— Очень много солдат едет,— говорит Гревцов.— Вчера из двадцати четырех—восемнадцать водителей и шесть монтажников. Монтажников мы сразу устроили, а вот водители не нужны. Предложили им: хотите плотниками, бетонщиками—пожалуйста, нет—езжайте домой. Большинство уехали. Или вот отряд имени 40-летия Победы. Сто пятьдесят человек из Свердловска, пятьдесят из Челябинской области и триста воинов. Дали им прекрасное общежитие. И вот результат: из челябинцев осталось сорок пять человек, а из Свердловска процентов семьдесят уехали. Восемь человек из них были уволены за пьянку в общежитии. Одна из главных

причин отъезда—по семейным обстоятельствам. Сейчас около трех тысяч женщин сидят дома с детьми из-за отсутствия мест в детсадах.

Много проблем было с отрядом «Стахановец».— продолжает Гревцов.— Главуренгойгазстрой не смог сразу всех обеспечить работой. Обычно бывает трудно с жильем, ему мы и уделили максимум внимания. А оказалось, что не подготовлен фронт работ.

В дверь, кое-как протискиваясь, вваливается группа уволенных в запас воинов. Тридцать шесть человек.

— Нас послали в трест, но там нужны только плотники. А нам бы на буровую, на трассу. Мы заработать приехали.

УРОК МУЗЫКИ В ШКОЛЕ № 2 ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НЕГИНСКИЙ.



Гревцов вздыхает и шепчет мне:

— Вот видишь, и все вне плана!.. Надо распахивать...

А ведь что такое буровая, на которую так рвутся новички, прослышав о хороших зарплатах, они толком и не знают. Видели по телевизору...

Мы побывали на буровой, где работала бригада Рустама Сатвалдыевича Таджибаева.

— Вчера вскрыли газовый горизонт,— рассказывал Таджибаев.— Газ пошел... Сейчас находимся на отметке 1300 метров. Осталось 1750. По норме на скважину отводится семьдесят семь дней. Предыдущую мы сдали за тридцать пять. Как удастся? Бригадный метод. Очень строгая дисциплина, порядок. Вот и все.— Таджибаев пожал плечами и улыбнулся.

Буровики жаловались на оборудование. Оно пригодно для средней полосы, а не для Севера. На сильном морозе ломаются инструмент, обсадные трубы. Уходит много времени на ремонт. У буровой установки слабые дизели, устаревшая система обогрева. Хорошо, если бы приехал сюда кто-нибудь из представителей «Уралмаша» да посмотрел, как ведет себя их оборудование...

Мы пили чай в бытовке, сидели у батареи и отогревались. Было воскресенье, около минус сорока. Буровая работала. Здесь не знают выходных: процесс непрерывный. Посмотрели бы на работу этих мужественных людей ребята, охваченные желанием поехать сюда и приготовившие мешки для денег!..

Сколько же нужно Уренгю рабочих рук?

Есть годовой план по объемам работ в рублях, известна выработка на человека. План делится на выработку, получается необходимая численность. При этом не учитывается или мало учитывается, что люди здесь значительно перекрывают нормы и меньшим числом. Не случайно ведь стройка называется ударной. И выходит: планируемая численность больше, чем реально необходимая.

И, конечно, надо намного тщательнее отбирать ребят, по комсомольским путевкам направляемых на ударные стройки. Чтобы не было людей случайных.

Вот пример. Парень 1962 года рождения, получивший путевку номер 35 от 10 ноября 1985 года в Сумском обкоме комсомола, оказался... не комсомольцем. «Не хочу вступать,— говорит.— Я заработать приехал, какая вам разница—комсомолец я или нет!» А разница, думаю, есть. Даже то, что в наше время человек в двадцать три года оказывается вне Союза молодежи, вызывает недоумение. Еще большее недоумение вызывает то, как Сумской обком выдает комсомольскую путевку на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку не комсомольцу...

Снова открывается дверь в кабинет Гревцова.

— Принимайте Балтфлот!— На пороге трое моряков.

— Надолго к нам?

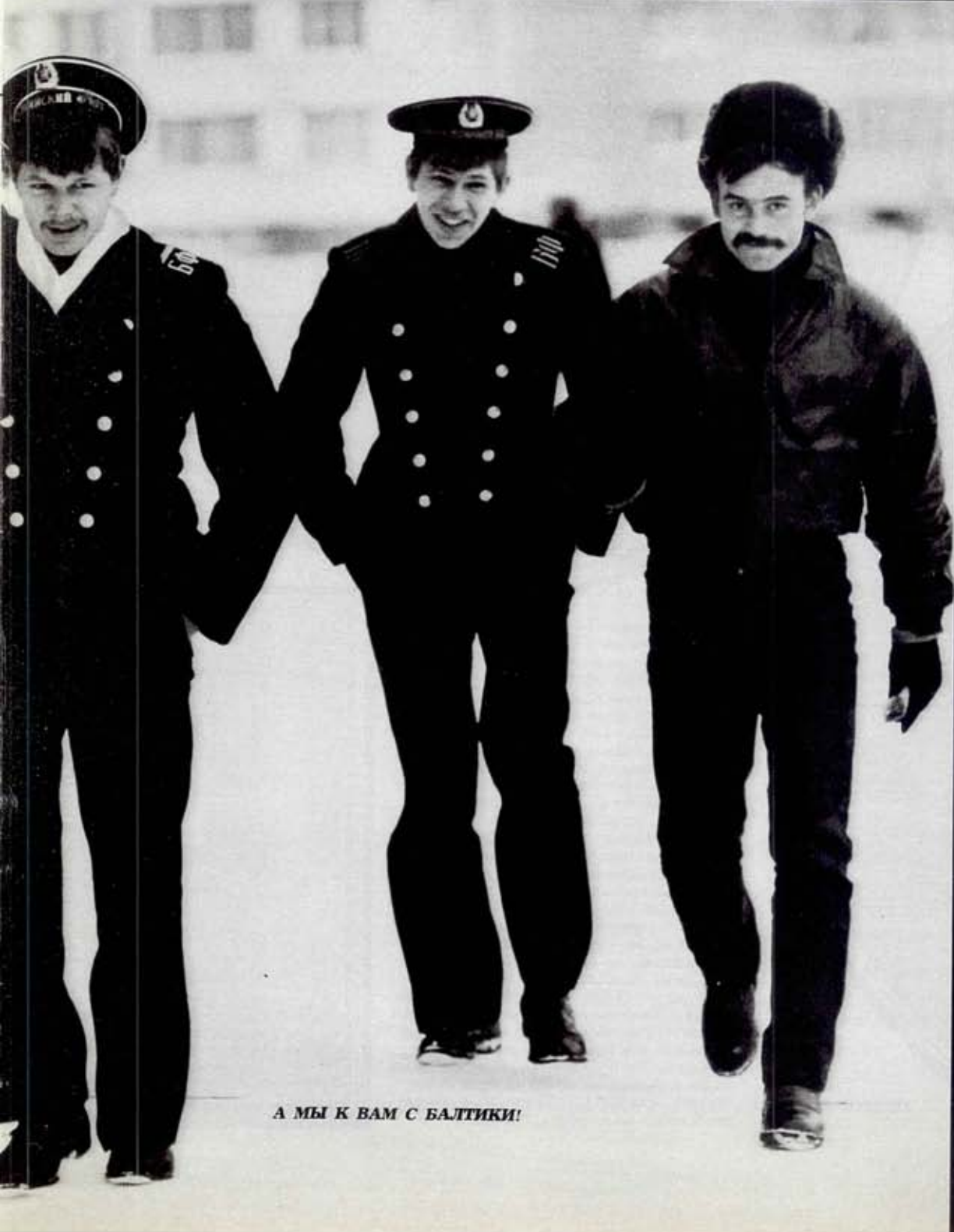
— Лет на десять.

— Замерзли?— Гревцов улыбается, оглядывая ребят, поеживающихся в бушлатах.

— Крепимся!.. Сколько сегодня? Тридцать пять? Ого!..

...Когда мы уезжали в аэропорт, было тепло, около двадцати. На прощание нам сообщили радостную весть: в северной части города, где будет новый микрорайон, рассчитанный на сто тысяч жителей, забыты первые сваи. По железной дороге шел длинный-предлинный состав с трубами. Я начал считать платформы и сбился.

Было утро. Холодное красное солнце медленно поднималось над горизонтом.



А МЫ К ВАМ С БАЛТИКИ!

ГИМН Ж

И. П. АРГУНОВ.
«ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ
КРЕСТЬЯНКИ
В РУССКОМ КОСТЮМЕ».



К. А. СОМОВ.
«ДАМА В ГОЛУБОМ».



Едва ли найдется художник, который не уплатил бы дань одному из величайших чудес света — красоте женщины. Быть может, лишь маринисты, для которых вся красота мироздания сосредоточилась в игре морских волн, пейзажисты да мастера чистого натюрморта, не оживляемого человеческими фигурами (это часто делал прославленный Снайдерс), остались глухи к женской красоте. Но даже Клод Моне — пейзажист до мозга костей — «проговорился» очаровательной «Женщиной с зонтиком», уплатив дань преданности собственной жене, а «Весне» придал, подобно Боттичелли, облик юной девушки

Н. А. ЯРОШЕНКО.
«КУРСИСТКА» (ДЕТАЛЬ).



К. С. ПЕТРОВ-ВОДКИН.
«МАТЬ».

в розовом, похожей на цветок. Когда же я смотрю на некоторые пейзажи Левитана, то чувствую скрытое присутствие женского существа, то «ewig weibliche», чему до последнего часа откликалась душа старого Гете. А в печальных натюрмортах великого голландца Хеды я всегда угадываю женщину; эту лимонную, чуть завившуюся кожу снимали бережно и ловко тонкие пальцы женщины, кубка касались женские уста, оставив на хрустале дымчатый следок; странная печаль драгоценных сосудов, столового серебра, надкушенных плодов, осушенных кубков в том, что этот интимный завтрак делила с кем-то прелестная женщина, и щемит сердце от чьей-то минувшей радости. Но сейчас мы будем говорить о тех, кто не косвенно, не украдкой, не исподволь, а во весь голос воспевал Женщину. Их тьма: от древних иконописцев, воплощавших женскую красоту в деве Марии, до тех художников нашего времени, что размыают эту красоту на составные элементы, то ли ради познания ее тайны, то ли в ощущении исчерпанности всех образов прекрасного. Впрочем, и сейчас достаточно живописцев, способных



ЖЕНЩИНЫ

В. Л. БОРОВИКОВСКИЙ.
«М. И. ЛОПУХИНА».



А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ.
«ДЕВУШКА В ПЛАТКЕ».



спелой, щедрой до избыточности, цветущей красоты. Как ни странно, несравненный гений Рембрандта не создал своего типа женской красоты, хотя перед его Данаей меркнут создания всех остальных кудесников, кроме Джоконды и Сикстинской мадонны. Иной образ красоты открыли грациозный и чуть печальный француз Ватто, жизнерадостные Буше и Фрагонар; изысканные головки Греза до сих пор не утратили своей безтревожной прелести. Строгая красота женщин Давида, позже Энгра... Совсем новый тип женской красоты пришел с импрессионистами.

Н. А. КАСАТКИН.
«ШАХТЕРКА».



видеть красоту естественным, бесхитростным и глубоким взглядом. Многим художникам удалось создать свой образ женской красоты. Улыбка, тронувшая уголки губ Моны Лизы Джоконды, зачаровала группу даровитых молодых живописцев, прозванных современниками «леонардески», потому что они на всю жизнь остались пленниками «леонардовой улыбки», ставшей символом вечной тайны, которую носит в себе женщина. А бесхитростная прелесть рафаэлевых мадонн, а утонченная, неземная красота боттичеллиевых женщин, его Весны, Венеры, Сепфоры, чьи удлиненные глаза «готовы излиться слезами», по вдохновенному слову Марселя Пруста, на худые нежные щеки. А совершенная красота спящей Венеры так рано ушедшего Джорджоне! Тщетно «усыплял» великий Тициан прекраснейших женщин, ему не удалось превзойти земляка, даже сравняться с ним, его Венеры — персть земная. Зато рыжеволосая Мария Магдалина и его золото-рыжая дочь, проникшая чуть не во все женские образы мастера, явили то, что мы называем «красотой венецианки». Имя великого фламандца Рубенса неотделимо от образа



В. А. ТРОШИНИН.
«КРУЖЕВНИЦА».

Когда парижане говорят «эти ренуары», они обычно имеют в виду не полотна мастера, а «девушек в цвету», свежие, скуластеньких, с матовой кожей и прозрачными глазами.

Быть может, слово «красота» в общепотребительном смысле неприменимо к иссушенным репетициями балеринам Дега и мюзик-холльным дивам Тулуз-Лотрека, скорее уж следует говорить об излюбленном женском типе. И все же есть своя грустная прелесть и в сухощавых, то схваченных жестким мышечным напряжением, то расслабленно усталых балеринах Дега, и в лотрековской певице Иветт Жильбер, и в его

танцовщицах: утонченной Джейн Авриль, жеманной Марсель Лендер и звезде публичных балов, чуть вульгарноватой, но великолепной Ля Галю. Ведь красота не в правильности черт, не в соответствии с неким классическим каноном совершенства, идущим из Древней Греции, а в свете жизни, но об этом дальше.

Свой тип женской красоты создали русские художники, и здесь царит такое же разнообразие: морозно-румяные девушки «исторического» Рябушкина, нежная фарфоровая прелесть «смолянок» Левицкого, земная скромная пригожесть крестьянок Венецианова, ядреные, огневые бабы Малявина, экзотическая томность видений Бакста. Советские живописцы утверждали свой идеал: широкоскулые, будто топором рубленные девахи раннего Иогансона, длинношеие, с опрокинутыми головами «инопланетянки» Тышлера, статные, крепконогие, загорелые спортсменки Дейнеки, здоровые, чистые сельские женщины Пластова — молоко, лен и земляника уделили им свои краски, беспечные «ню» Мыльниковы на луговой траве, у воды.

До чего же различны все эти женские образы! Что общего у сомовской «Дамы в голубом» с касаткинской «Шахтеркой», боровиковской аристократки Лопухиной со скромной «Курсисткой» Ярошенко, нежной тропининой «Кружевницы» с мощной «Матерью» Петрова-Водкина, символом оберегающей силы материнства?

И все же есть общее у этих красавиц разных времен, разного возраста, разного общественного положения, разного мироощущения — одухотворенность, свет хорошей души в глазах. Мне уже приходилось писать на страницах «Смены», в очерке «Красота юности», о нравственном начале того феномена, который называется красотой. Не будем повторяться, скажем лишь, что самая совершенная красота мертва, если в ней нет этического начала, если она не согрета человечностью и не становится частью всеобщей красоты мироздания, которая, по убеждению Ф. М. Достоевского, спасет мир.

Можно увлечься красотой демонической, гибельной, изломанной, злой (подобные образы оставили нам бельгиец Фелисьен Ропс и англичанин Одри Бердслей), но это увлечение или скоро пройдет, или иссушит, опустошит,

а то и погубит душу, мы же сейчас говорим о том, что делает человека лучше, чище, нежнее.

В женских официальных портретах Серова предстают создания редкой, замечательной красоты, помноженной на элегантность, изысканность, но когда проходит очарованность живописным эффектом, вы легко расстаетесь с ними. Ваша душа молчит. Но как же трудно оторваться от серовского портрета одной из дочерей Мамонтова, «Девочки с персиками», хотя ее неправильное глазастое лицо и надутые губы вовсе не так уж красивы — бездонно очарование юной доверчивой души, и этот образ навсегда останется с вами.

То же в полной мере относится и к «Шахтерке» Касаткина. Усталые плечи, тяжелые, натруженные кисти рук, бедная, рваненькая одежда, но какая жизнь в ее прищуренных глазах, в насмешливой, но не злой улыбке! Лицо бесхитростное, да не простое, в нем непокорство, скрытая до поры бунтарская сила. Такая еще покажет себя, когда придет час.

В «Курсистке» Ярошенко, идущей со связкой книг по мокрой городской улице, несмотря на подчеркнута скромный облик, есть внутреннее родство с шахтерской девушкой. В тихом лице, сосредоточенном взоре — непреклонность. Такая и в глухой медвежий угол поедет учить деревенских ребятишек грамоте, и листовки будет распространять, и начинать самодельную народолюбивую бомбу, а коли надо, так сама и метнет, и спокойно взойдет на эшафот. Вот как много вычитывается в скромной миловидности девушки, бредущей слякотными сумерками.

Никто так хорошо не сказал об этическом содержании красоты, как замечательный поэт Яков Полонский в своем стихотворении, посвященном портрету Лопухиной кисти Боровиковского.

*Она давно прошла,
и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет,
что молча выражали
Страданье — тень любви,
и мысли — тень печали.
Но красоту ее Боровиковский спас.
Так часть души ее от нас не улетела.
И будет этот взгляд
и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство
привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать,
мечтать.*

Странная мысль пришла мне вдруг в голову. Живописцы создали бесчисленные изображения мужчин: портреты реальных лиц и обобщенные, вымышленные образы. Среди них такие шедевры, как портреты, созданные Рафаэлем, Тицианом, Тинторетто, Веласкесом, Рембрандтом, Франсом Галсом, Рубенсом, Ван-Дейком, Гейнсборо, Давидом, Курбе, всех не

перечесать. Но есть ли что-либо равное Джоконде и Даме с горностаем, Сикстинской мадонне, Джорджониевой Венере и Венере Веласкеса, Данае Рембрандта?.. Я имею в виду образы, возносящие натуру, а не снижающие, «разымающие» или разоблачающие. Последних сколько угодно: первосвященники Рафаэля и Тициана, испанские короли, инфанты, придворные и военачальники из портретной галереи Веласкеса и те же уродцы более поздней поры, выведенные на позорнице Гойей, исполненные вульгарной силы жизни синдики и прочие толстомясые Франса Галса.

Глубокие психологические портреты, не лстящие натуре, оставили многие славные мастера от Рембрандта до Репина, Серова, Фалька. Это всё шедевры, но я — совсем о другом. «Мальчик» Пинтурикио, портреты Титуса — сына Рембрандта и выше всех — автопортрет Дюрера с чертами Христа — вот, пожалуй, все то, что приближается к бессмертным женским образам, коим мы поклоняемся. Выходит, самым счастливым творческим озарением дарили и дарят живописцев чаще всего женщины.

Но чему тут удивляться? Шиллер звонко воспеял достоинство мужчины, но как налил его голос, когда он принялся славить достоинство женщины!

Женщина вынашивает в своем теле личинку человека и в муках дает жизнь, кормит своим молоком, оберегает, называет ему все окружающее; с ней связано первое чувство любви и осознание своей обязанности миру, становящейся нравственным законом. Человек растет, и единый образ женщины-матери дробится, множится: первая учительница, школьные подруги, у мужчины — любимая, жена. Женщина собирает и провожает нас на войну, а то и сама идет, хоть она слабая женщина; а кто выхаживает нас в недуге, перевязывает нам раны, ждет нас бессонными ночами, мается с нами, забывая о себе, на всех путях наших? Женщина ведет дом, заботится о детях, обеспечивает наши рабочие будни и наши праздники, хотя сама работает на производстве или в учреждении. Она несет двойную, тройную нагрузку и никогда не ропщет, не опускает рук; она выставляет мерзлые очереди, приносит в дом отягивающие руки авоськи и цветы, а в свой час закрывает нам глаза и ухаживает за нашей могилой. И она красива — в шелках или в робе, бархате или спецовке, на сцене театра или на дорожных работах, от которых мы не можем и не хотим ее освободить, она всегда там, где труднее и хуже, и всегда неизмеримо выше нас. Слава женщине! Воспевать, восславлять женщину, ее красоту — нет некрасивых женщин! — ее силу и нежность, ее терпение и снисходительность, достоинство, с каким она несет свой крест, — святая обязанность искусства. В дивных творениях, подобных тем, чьи репродукции украшают страницы этого номера журнала, — искупление нашей вечной вины перед женщиной!

Из героя романа в стихах «В глубь времени» (Москва, «Современник», 1984 год) Алексея Платова похожа на жизнь многих современников Анатолия Софронова — людей нового, социалистического времени. Первые послереволюционные годы, начало трудовой биографии в новых исторических условиях, полное радостного чувства приобщение к великим делам страны, борьба с отжившим за утверждение идеалов молодого мира, особое сознание гражданского долга и, наконец, великая народная война с фашизмом.

Событийная канва романа Анатолия Софронова кажется предельно знакомой, донесенной к нам в песнях и книгах, документах и фотографиях, в полотнах Дейнеки и Кончаловского, запечатленная в камне и бронзе, — в ясном профиле художественно обобщенного времени.

Алексей Платов, несомненно, собрал в своем опыте черты пережитого самим автором романа. И выражается это не только в сходстве биографий: герой романа — поэт, работал и жил в Ростове, окончил педагогический вуз, бывал на Халхин-Голе, в годы войны журналист-политработник, — а в особенном чувстве времени, свойственном самому Анатолию Софронову. С одной стороны, это ощущение обостренно гражданское, политическое, а с другой — лирическое, с романтическим мироощущением соединенное. Сходство характера автора, хорошо знакомого нам художника слова, и героя, узнаваемого нами со

Читатель — «Смена» — читатель

ТВОЙ
АВТОПОРТРЕТ

Дорогие друзья!

В первом номере «Смены» за этот год мы открыли новую рубрику «От 15 до 30», опубликовали обширную анкету и обратились к читателям с просьбой ответить на нее. Что нас интересует? Круг вопросов, составивших нашу анкету, довольно широк: тут и учеба, и работа, и проблемы быта и досуга. Не остались забытыми вопросы семейной жизни, любви, брака. Словом, все, чем живет, о чем думает и мечтает сегодня молодежь, интересует нас.

Результаты анкетирования анализируются социологами и журналистами, на их основе будут подготовлены статьи, очерки, которые появятся на страницах «Смены».

Каждый день почта приносит нам сотни ответов на анкету. Читая их, мы замечаем, что кому-то тесноваты анкетные рамки, кто-то хочет не просто ограничиться сухим «да» или «нет», а высказаться обстоятельнее по какому-то вопросу. Что ж, пожалуйста. На любой вопрос анкеты можно ответить более широко и подробно. К примеру, вопросы, касающиеся борьбы с пьянством. Мы будем вам благодарны, если вы назовете конкретные примеры того, как в вашем городе, поселке или микрорайоне на деле утверждается трезвый образ жизни, какие шаги и меры в этом направлении предпринимают общественные организации и прежде всего комсомол.

Итак, мы ждем новых ответов на нашу анкету!

страниц романа,—несомненное. И чем дороже нам откровения Алексея Платова, тем больше мы чувствуем соединенность их с опытом конкретного исторического героя. Да простит нам Анатолий Софронов подобную вольность сопоставления, но она совершенно необходима, так как роман «В глубь времени» интересен и привлекателен для читателя именно исторической своей фактурой, досто-

жение традиционных гуманных начал, взятых новой культурой из опыта прошлого. Обращаясь к прошлому, автор своеобразно оценивает эту внутреннюю борьбу двух непримиримых идейных начал и тем самым характеризует время:

*«И мне забудутся едва ли
Года, когда на «Тихий Дон»
В атаку недруги бросали
За эскадром эскадрон.»*

*«Еще на памяти и свисты,
Зубовный скрежет, злобный стон,—
Литературные троцкисты
Пошли войной на «Тихий Дон.»*

Платова и падчерицы Маши. Наш герой оказывается выше личных интересов, отстаивая правоту своей идеи, находя силы терпеть терзания душевные. Ряд весьма выразительных оцен роман, где Платов встречается с Марией, убеждает читателя в этой его способности. Политическая линия романа прописана точно и убедительно, достоверность ее помогает и нам оценить душевную крепость предшественников, взявших на себя всю тяжесть борьбы с врагом.

Как и подобает эпическому произведению, судьбы героев романа «В глубь времени» нерасторжимо соединены с временем конкретным, историческим.

ностью, особого рода жизненной за-калкой, проявившейся и в годы послевоенные. Они упрочили свои лучшие черты в огне сурового времени, закалили волю и характер в борьбе за лучшую долю потомков, а поэтому имеют право на особый исторический взгляд на жизнь и на свой неистребимый никакими силами романтизм отношения к истории Отечества.

Роман Анатолия Софронова—поучительный урок. Даже в униженном «раскаянии» отчима—раскаянии неискреннем и вынужденном—есть черты поучения. Бессилие, бесплотное ничтожество, духовная всеядность этого человека ищут в трудное военное время защиты у народной силы. Той самой силы, которую он еще не так давно спесиво обличал.

Уроки любви к Отечеству, верности делу своего народа, готовности это дело защитить в битве с любым врагом, уроки сердечной преданности всему родному и близкому черпает читатель в романе Анатолия Софронова. «Глубь» этого трудного, горячего времени, в которое мысленным взором обращается вместе с нами автор, имеет конкретное воплощение в облике трудовых и патриотических свершений сегодняшнего дня. Ведь время не имеет конкретных пределов и все, что сделано до нас, неизбежно отзывается и в течении наших трудов. В сознании необходимости мысленного возврата к прошлому, которое появляется по прочтении романа, думается, и состоит главная поучительная его сила и достоинство.

Сергей ЛЫКОШИН



верностью, открытой в ясных переживаниях хорошо понятного нам героя. Главное для читателя, и в этом наибольшее достоинство романа,—точное изображение политической борьбы идейных и классовых сил в тридцатые—сороковые годы. Это выражено в духовном противостоянии Алексея Платова отчиму любимой девушки, который, несомненно, является носителем идей скрытого фашизма, ставящего целью уничто-

Зрелость и сила патриотического взгляда Алексея Платова углубляются и укрепляются. Платов—один из тех, кто оказался нравственно готовым к схватке с фашизмом, достойный представитель народа—победителя в будущей войне, человек цельный и честный в поступках и помыслах. Не случайно он морально выигрывает и в незримой, но по ходу развития романа постоянно длящейся дуэли с отчимом, который исподволь разрушает мир любви Алексея

Жена Алексея Платова—верный и умный друг—выстрадала свое семейное счастье ценой потери любимого первого мужа, погибшего в небе Халхин-Гола. Не разменяв своей любви к Алексею, Мария перестрадала разлуку и нашла спутника жизни на огненных дорогах войны. Боевые соратники и друзья героя романа черпают силы и берут уроки мужества у времени сурового, ни на что прежнее не похожего. Все они узнаваемы и хорошо знакомы нам душевной проч-

ВЫСОКАЯ ПРАВОТА

ТЕЛЕФИЛЬМ: Оценки и мнения

ТЕЛЕПРЕМЬЕРЫ 1985 ГОДА

- | | |
|---|--|
| 1. «Батальоны просят огня» (4 серии) | 27. «Неизвестный солдат» (3 серии) |
| 2. «Берег его жизни» (3 серии) | 28. «Ненаглядный мой» |
| 3. «В. Давыдов и Голиаф» (короткометражный) | 29. «Огненные дороги» (заключительные серии) |
| 4. «Володя большой, Володя маленький» | 30. «Осенние утренники» (2 серии) |
| 5. «Время зимних туманов» (2 серии) | 31. «Перегон» |
| 6. «Высокая проба» (2 серии) | 32. «Перед самим собой» (2 серии) |
| 7. «Грядущему веку» (5 серий) | 33. «Подружка моя» |
| 8. «Двое в песках» | 34. «Поживем—увидим» |
| 9. «Девять кругов падения» (2 серии) | 35. «Пока не выпал снег» |
| 10. «Дети солнца» (2 серии) | 36. «Противостояние» (5 серий) |
| 11. «Документ «Р»» (3 серии) | 37. «Родник Минг-Булака» (2 серии) |
| 12. «Дом, который построил Свифт» (2 серии) | 38. «Свадьба в лесу» |
| 13. «Дом на дюнах» | 39. «Свадьба старшего брата» |
| 14. «Дорога к себе» (2 серии) | 40. «Сказка старого дуба» |
| 15. «Завтра начинается сегодня» (2 серии) | 41. «Сказки второго волшебника» (2 серии) |
| 16. «Иван Павлов. Поиски истины» (5 серий) | 42. «Снег в июле» (2 серии) |
| 17. «Капитан Фракасс» (2 серии) | 43. «Снег в сентябре» |
| 18. «Картина» (3 серии) | 44. «Тайга» (короткометражный) |
| 19. «Когда становятся взрослыми» | 45. «Третий в пятом ряду» |
| 20. «Крутизна» | 46. «Тройка» |
| 21. «Любочка» | 47. «Чокан Валиханов» (4 серии) |
| 22. «Маленькое одолжение» | 48. «Чужой случай» |
| 23. «Марица» | |
| 24. «Меньший среди братьев» (2 серии) | |
| 25. «Накануне» (2 серии) | |
| 26. «Наше призвание» (3 серии) | |

ПОСЛЕДНИЕ ТЕЛЕПРЕМЬЕРЫ 1985 ГОДА

- | |
|----------------------------------|
| 49. «Самые быстрые в мире» |
| 50. «Снегурочку вызывали?» |
| 51. «Проделки Скапена» (2 серии) |

Значительное место в почте «Смены» занимают письма читателей, которые делятся впечатлениями от телефильмов, с неподдельным интересом откликаются на анализ тех или иных картин в статьях, публикуемых в журнале. Для того, чтобы наше общение с вами, дорогие читатели, приобрело еще более конкретный, взаимно полезный характер, мы и предлагаем вашему вниманию список телепремьер 1985 года, а также несколько вопросов. Прежде чем отвечать на них, укажите, пожалуйста, свой возраст и профессию.

1. Отметьте названия трех телефильмов, которые произвели на вас наибольшее впечатление.
2. Какие фильмы вам активно не понравились?
3. Сколько фильмов из публикуемого списка вам удалось посмотреть?
4. Что вы предпочитаете:
 - а) экранизацию современных литературных произведений,
 - б) экранизацию литературной классики,
 - в) фильмы по оригинальным сценариям?
5. На какие темы, по вашему мнению, надо снять телефильмы?
6. Фильмы по каким классическим и современным литературным произведениям вы хотели бы увидеть на телеэкране?
7. Что вы больше любите:
 - а) односерийные фильмы,
 - б) телесериалы?
8. Какие актерские работы вам больше всего запомнились в телефильмах 1985 года?

Три фильма, набравшие наибольшее количество голосов, получат дипломы читательского признания.

Дорогие читатели! Многие позиции этой анкеты требуют расширенного ответа. Просим вас присылать нам письма, в которых вы можете подробно высказаться, отталкиваясь от вопросов анкеты. С вашими ответами мы познакомим Гостелерадио и объединение «Экран». Таким образом разговор наш будет продолжен и, надеемся, воплотится в реальные дела.

Список телепремьер 1985 года и вопросы читательской анкеты были опубликованы в № 3 этого года. Для тех читателей, кто еще не подписался на «Смену» и по каким-либо причинам пропустил этот номер, мы повторяем вопросы и подчеркиваем: ими не исчерпывается тема, в своих письмах, дорогие читатели, вы можете подробно высказать свои соображения о том, что вас удовлетворяет или не удовлетворяет в фильмах, которые снимаются специально для телеэкрана.



О бойти все участки орловского часового объединения «Янтарь» дня не хватит. Современное предприятие с высоким уровнем механизации, своего рода индустриальный гигант. Счет продукции орловских часовщиков идет на миллионы, превосходя масштабы производства крупнейших западных фирм. В Подмосковье и на Чукотке, Памире и Командорских островах люди просыпаются от звона орловских будильников, по часам марки «Янтарь» сверяют время рыбаки Танзании и докеры Англии, шахтеры Польши и лесорубы Канады: Орловский часовой имеет экспортные связи с десятками стран. Выпускают здесь в основном традиционные будильники, настенные часы, так называемые каминные, напольные и часы специального назначения — фотолабораторные, медицинские, процедурные. Только в Орле делают часы шахматные, по которым отмеряется время матчевых поединков как будущих, так и состоявшихся гроссмейстеров.

Отдельный разговор — о внешнем виде часов, то есть о корпусе и циферблате. Ныне, когда во всем мире производство часовых механизмов превышает реальные потребности людей, никто не купит часы лишь потому, что они самые точные или самые жаростойкие. Они должны быть еще и обязательно красивыми, отвечать моде, вкусам, профессиональным наклонностям людей.

— Люди вновь проявляют интерес к старине, к ретро, и мы, часовщики, обязаны учитывать потребности по-

ИЗЫСКОВ ФОРМЫ — ПОЧЕРК ОРЛОВСКИХ ЧАСОВЩИКОВ.



купателей, — объясняет Александр Юрков, молодой художник-конструктор. — Но новые модели не должны быть подделкой под старину, аляповатым «кичем». Современным часам в стиле ретро присуща своя художественная стилистика, рисунок, сочетание цвета, конструкторское решение.

Стремясь создать новую форму, Юрков сам сконструировал литейные печи, составил металлический сплав, прочный и хорошо поддающийся обработке, корпус сделал изящным, узорным. Его модели в будущем встанут на конвейер, но уже сейчас они представляют фирму на самых престижных выставках.

Есть в объединении участок уникальный. Его производительность — около 30 часов в месяц. Здесь собирают напольные, двухметровой высоты, часы в корпусе из красного дерева, с «серебряным» боем. Работают на участке всего два мастера, им одним известны тайны настройки музыкальной клавиатуры часовых механизмов, не разгаданные до сих пор иностранными мастерами.

Но самый музыкальный участок — КИС, контрольно-измерительная станция, своеобразный ОТК. На гигантских стеллажах в несколько этажей одновременно отсчитывают время десятки тысяч всевозможных часов. Ходят они при современных механизмах и источниках питания почти бесшумно, но каждый час, да и получас тоже, все пространство цеха наполняется звоном, боем и переливами серебряной — орловской, неповторимой — чистоты.

ОРЛОВСКИЙ БОЙ

Ян ВЛАДИН.
Фото Сергея ВЕТРОВА

ХУДОЖНИК-КОНСТРУКТОР
АЛЕКСАНДР ЮРКОВ.





авайте условимся так: встречаемся у памятника Адаму Мицкевичу, послушаем, о чем журнит Вильняле, а потом побродим по Старому городу. Согласны? Тогда остается маленький, но тем не менее важный нюанс — как вы будете выглядеть?

Прежде чем советоваться с зеркалом, заглянем в Вильнюсский дом моделей и обратимся к молодому, но уже известному в республике художнику Элите Бальките. Итак, что нового в этом сезоне? — Пожалуй, наиболее любопытно то, — замечает Элите, — что сейчас мужской костюм сделал шаг в сторону женского. Он становится менее строгим, смягчаются его формы. Например, мужские брюки своей шириной, складками могут даже несколько походить на юбки.

Основной силуэт в молодежной моде — прямой или квадратный. Одежда, как и прежде, будто бы велика на один-два размера. Расширяется линия плеч, но она не жесткая, а округлая. Мягкость, лаконичность, практичность и функциональность — вот основные принципы новой одежды. Кстати, они свойственны и литовскому национальному костюму, а этногра-

фия — основной источник творческих мыслей наших художников-дизайнеров.

Несколько слов о длине юбки. Для совсем юных — выше коленей, для тех, кто постарше, более приемлема средняя длина, самая же экстравагантная — 20 сантиметров от земли.

Юбки, как правило, широкие, крестьянского стиля, присборенные на поясе. А спортивные — с большими карманами, которые можно пристегнуть или снять, на бретелях, с широким поясом, фигурными ремнями. Каждый способен создать для себя оригинальный комплект, используя элементы разных костюмов: от одного — пиджак, от другого — юбка.

В моде асимметрия. Но асимметрия не классическая, когда просто не пропорциональны детали. Она в покрое, в пошиве, в цветовом решении. Асимметричен, неровен подол юбки (а юбок можно надеть сразу

две или три!), пиджак спереди может быть длиннее, чем сзади.

Женские брюки — самые разные: прилегающие, зауженные и очень широкие, юбки-брюки со складками вокруг пояса.

Стеганое пальто начинает надоедать. Но это удобная одежда, поэтому художники к весеннему сезону предлагают стеганые костюмы, юбки.

В орнаменте тканей преобладают полосы, а сама ткань рекомендуется из натурального волокна: шерсть, поплин, фланель. Для демисезонной одежды — твид, габардин, шерсть.

Спортивный стиль остается у молодежи самым любимым. Но для праздничного вечера вам понадобится и более нарядная одежда. В ней та же объемная верхняя часть, но подчеркнута линия бедер. И не забудьте об украшениях из кожи или керамики. Они несколько увеличены, геометрических форм.

Попытайтесь сами моделировать свою одежду, — заключает свой рассказ наша собеседница, — как это умеют делать, например, вильнюсские студентки. Их фантазия иногда подсказывает новые идеи и профессиональному дизайнеру.

Валя
ЧЕПЛЯВИЧЮТЕ

Фото
Валерия
КАМЫШКО

НА СВИДАНИЕ С ВЕСНЮЙ



Молодежная мода

ЛАКОНИЧНОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ — ЧЕРТЫ, СВОЙСТВЕННЫЕ ЛИТОВСКОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОСТЮМУ. ХАРАКТЕРНЫ ОНИ И ДЛЯ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНОЙ ОДЕЖДЫ, КОТОРЫЕ ПРЕДЛАГАЮТ ВИЛЬНЮСКИЕ ХУДОЖНИКИ.

I. Общий план

К четырем часам все было готово. Статисты прибыли, камеры и микрофоны установлены, прочий реквизит размещен. Съёмочные группы на местах, укрыты и замаскированы. Ни один оператор, ни один объектив не должны быть видны: можно загубить все представление. Ошибки и случайности исключены. Совершенство — вот наш единственный закон.

Передача пойдет в самые лучшие часы — с семи до девяти. Кульминация ударит по зрителям, словно лягнет разъяренный мул, в момент наивысшего накала чувств. Разжигать страсти — дело Артура Бронштейна. Артур — ведущий программы, связующая константа в наших уравнениях. Не один час он провел, накладывая пепельно-серый грим. Его лицо — мрачная траурная маска, каким-то образом не просветленная слепящим светом юпитеров. На экране, в драматической обстановке, он будет выглядеть оцепеневшим от ужаса, обескровленным, пораженным до глубины души. Никогда не видел, чтобы Артур смазал реплику или допустил ошибку. Он не колеблется, не запинаясь, всегда находит, что сказать.

Сенатор Дуглас Уэстлейк приехал рано утром. Высокий, с прямой осанкой, начинающий сидеть — как ведущий Артур, только на экране он будет выглядеть благороднее и величественнее, преисполненным достоинства. Как и полагается кандидату на пост президента. Мы выделяем такие черты его характера, как спокойствие, уверенность и серьезность, зыждущиеся, однако, на юморе и оптимизме. Объединенная ТРК — Теле-Радио-Компания — готовила Уэстлейка к роли пять лет. Близилось начало передачи, но никаких следов напряжения или тревоги не проявлялось на его мужественном лице. Гипноз. Мы не стремимся к излишней жестокости. Это его последний выход.

Миссис Уэстлейк находилась, разумеется, рядом. Марсия Уэстлейк — сильная, решительная женщина, надежная подруга. Она привлекательна не броской красотой — ее образ задуман значительно шире. Он должен затронуть самые глубокие семейные струны в душах зрителей, потому что сразу после трагедии именно Марсия послужит эмоциональным фокусом. Нам нужен не просто символ, а стальная женщина, человек нагибаемой воли. Нагнетаемая нами атмосфера напряжения и истерии направлена на нее. Она — та точка опоры, которая требуется нашему рычагу; личность, которая в глазах публики воплотит в себе само страдание. Позже она послужит нашим орудием, чтобы сдвинуть и повернуть мир.

В гараже стоял лимузин, изумительная машина, «континенталь» с откидным верхом и сдвоенными тихо урчащими турбинами. Мощный, солидный, благородный автомобиль, достойный своей роли. Темно-синий, сверкающий, как грозовое небо.

Я — директор передачи. В кабинете, укрытом в недрах безучастной громадины ТРК, я планирую сражения, выбираю стратегию, строю тактику, даю сигнал для начала битвы. Вся ответственность на мне; я отвечаю за провал, я пожинаю плоды успеха. Для зрителей я ничтожество, ноль, невзрачное имя в титрах передачи или в конце выпуска известий. Им неведомы глаза, которыми они видят правду, — глаза, лишённые цвета, глаза, лишённые лица.

Город — Финикс. Финикс, взметнувшийся в пустыне лесом серебряных кактусов. Финикс, спокойный и рациональный, чистый и благородный, стоящий на знойном ветру совершенным оазисом хрустальных шпиль — медицинских игл, острых и стерильных. Финикс, — чудовище, растущее на продуктах собственного разложения, дерзкое, надменное, жестокое.

Финикс — идеальная сцена действия.

II. Завязка

Автомобильный кортеж двинется ровно в шесть. День мы провели в беспешных приготвлениях. Времени хватало на все с избытком. Пять лет мы ждали этого дня. Мы предусмотрели все возможные ошибки — и ошибки были исключены. По сценарию требовалась гигантская возбужденная толпа; все, занятые в массовке, находились уже на месте, получали последние наставления от девушек из административной и сценарной групп. Заняли позиции местные комментаторы; я со своего командного пункта лично буду наблюдать за их работой. Интервьюеры ждали занавеса. Последняя речь избирательной кампании, сообщали мы, не останется незамеченной. Чтобы удовлетворить потребность, порой эту потребность необходимо создавать — и мы рекламировали сами себя. Реклама потворствует невьявленному спросу. Реклама рождает бум; если зрители не знают, что важно, скажите им — они поверят.

Сенатор Уэстлейк с супругой взлетели на ракетоплане в пять. Они сделают один виток и спустятся к Финиксу. Эдди, наш бутафорщик, подготовил настоящее чудо; ракетоплан, известный всем как официальный транспорт сенатора во время избирательной кампании (каждый выход на сцену должен быть величественным), сверкал зеркальным серебром,

центр тяжести опоясывали яркие красные буквы с желтой окантовкой. Корабль новейшей модели — не стандартная стальная труба; приземистый, овальной формы, предполагающий силу и незыблемость. Надежный и гордый, идеально соответствующий образу сенатора Уэстлейка.

Я наблюдал за его посадкой в аэропорту Финикса ровно в 5.50.

Корабль плавно опускался на жадном термоядерном факеле подобно прекрасной серебряной пуле, которая вот-вот скользнет в ствол винтовки. Солнце расплывшимся желтым шаром сверкало на его зеркальном корпусе. Об освещении мы позаботились заранее, его будет достаточно и на приземление, и на трагедию. Посадка оказалась еще более эффектной, еще более захватывающей дух, чем мы планировали, — индекс эмоциональности подскочил к верхней границе допустимого значения. На первой стадии движения автомобильного кортежа накал придется снизить, иначе мы выйдем за рамки предсказуемого.

Громадная пуля села на корму, изрыгнула пламя и застыла на долгие пятнадцать секунд. Быстрый взгляд на показания приборов, считывающих индекс

эмоциональности. Как только было достигнуто насыщение, я велел пилоту опустить трап. Из пустого чрева корабля выполз блестящий язык. Еще одна короткая пауза, и настало время выводить сенатора с сопровождающими лицами. Я дал сигнал и тут же увидел их на мониторе. Они стояли на пустом трапе, приветливо махая и улыбаясь. Сенатор, жизнерадостный и энергичный. Миссис Уэстлейк в светло-голубом платье; смольные, со зрелой проседью волосы уложены в прическу «паж». Овации толпы на уровне пятнадцати децибелов, как и было запланировано. Приборы показывали оптимум, идеальное насыщение.

Я заговорил в микрофон:

— Отлично, сенатор, начинайте спускаться. Идите медленно, не проявляйте торопливости. На весь спуск по крайней мере двадцать секунд. Спокойно, с достоинством.

Он слышал меня через приемник, помещенный в кость за левым ухом. (Хирурги, разумеется, не оставили шрама.) С улыбкой на лице, поддерживая правой рукой жену, сенатор стал спускаться по трапу. На нем темно-серый костюм и легкий бордовый пуловер — здоровый, рассудительный контраст жемчужному ожерелью и узкому, облегчающему тело бледно-голубому платью Марсии. В густых мягких волосах поблескивала благородная седина. Он был красив.

Внизу сенатор остановился. Улыбка обнажила здоровые, ослепительно белые зубы, зубы сильного человека, лидера. Их установили наши лучшие стоматологи.

Показания приборов резко подскочили. Я бросил несколько слов в микрофон и увидел на экране монитора, как сенатор вежливо освобождается от окружения газетчиков и телекамер. В каждом его движении сквозила искренность, ничего показного, нарочитого даже на жестоко-объективных голографических экранах. Надо быть истинным артистом, чтобы произвести такое впечатление самообладания и уверенности. Уэстлейк был истинным артистом.

Лимузин ждал у края поля. Он словно мчался даже с неработающими двигателями. Отраженный солнечный свет отливал металлическим блеском, синим, бездонно-небесным. Дредноут на колесах, неумолимый хищник, безжалостный убийца. Суперавтомобиль — длинный капот, низкая крыша; его очертания струились полупрозрачными водорослями, ласкающими корпус стремительной подводной лодки. Императорский транспорт, экипаж властелина.

Прибывшие сели в машину. Но наши камеры не показали этого; современные боги должны быть свободны от унижения достоинства, от присущей простым смертным неуклюжести. Боги не сутулятся, им даже не подобает нагибаться — они скользят на крыльях или шествуют по воздуху, наши признанные кумиры.

Общий план издали — синей волной потекла машина, белый бетон под струящейся сталью.

Вид сверху — автомобиль мчится по сверхскоростному шоссе в величественном одиночестве. Мы освободили шоссе полностью. Экипаж пулей летит по центру белого ковра, его очертания смазаны скоростью — и операторской работой.

В безупречно чистом небе сверкает солнце. Пустыня сверху и пустыня вокруг. Камера показывает «континенталь» на фоне лилового горизонта, следит за его продвижением к застывшей, жестокой красоте города. Камера со спутника передает увеличенный,

слегка искаженный вид Финикса с высоты 1000 километров: сеть улиц, длинные тени башен, такие же прямые, как сами башни, периодические вспышки солнечных бликов. Все это сквозь чуть мерцающую голубую дымку. Вид сверху перемежается видами неумолимой синей рапиры.

На самом деле машина двигалась не так уж быстро. Показания считывающих приборов, как и сценарий, требовали по меньшей мере пятнадцати минут до въезда в город, чтобы успели нарасти напряжение и смутное предчувствие. Когда они достигнут пика, их задержат и направят по нужному руслу; гребень волны, пенясь, разобьется и замрет. Ходом автомобиля управляли компьютеры, напрямую подключенные к приборам. Ошибки не будет.

Шоссе раскалывало город пополам. Камера с вертолета показывала, как оно идет от аэропорта до Площади, словно стрела, словно копье, словно траксирующая пуля, белая молния сквозь плоскую серую пустыню. От Площади автомобильный кортеж направится к Дворцу. Три мили пути.

Машина въехала в город.

Я нервно взглянул на приборы. Показания пошли

СОЗДАТЕЛИ П. УАЙАЛ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ НОВ

вверх; через двадцать минут мы оставим позади пики дневных передач и достигнем нашей первой площадки. Индекс эмоциональности начнет превалировать над всем прочим. Мы транслируем на весь мир, в свое время для каждой временной зоны. Весьма опасный период: любая ошибка снизит уровень интенсивности и погубит Представление.

Изображение сопровождается проникновенным голосом Артура. Он еще не стал решающим фактором, но его значение будет расти. Артур — само Представление; тембр и интонации контролируют деликатную сеть зрительских мыслей и чувств. Даже если зритель не обращает особого внимания на слова, его нервная система настраивается на восприятие тончайших изменений окраски. Все, разумеется, продумано заранее. Здесь нет места импровизации.

Наступает очередь Эдди-бутафорщика. Когда машина вкатывается на Площадь и останавливается (толпа изливает восторг, неистовствуют фотографы), Эдди нажимает на кнопку, и корпус «континентала» меняет оттенок. Нельзя сказать, что цвет резко изменился: это было бы слишком очевидно, слишком грубо. Изменяется коэффициент отражения, и свет, падающий на поверхность машины, поляризуется. Электрически возбужденные жидкие кристаллы под обшивкой автомобиля реориентируются таким образом, что отражается свет только низкочастотной части видимого спектра. Изменение в цвете вызывает перемену в настроении. Изменив тон от прозрачно-небесно-голубого до закатно-сумеречного, Эдди изменил настроение зрителей — от приподнятого и выжидающего до полного накала обнаженных нервов.

Крыша автомобиля откатывается назад. Приборы регистрируют резкий скачок во внимании. Превосходно — как планировалось. Теперь показания быстро растут. Интенсивность восприятия закручивается в вихрь, в циклон вовлеченности.

Подсознательно они уже готовы к тому, что должно произойти.

III. Кульминация

Семь часов. Показатель эмоциональности взмыл вверх словно истребитель перед входом в пику. Считывающий компьютер восторженно изрыгал символы на люминесцентный экран; монитор показывал людские толпы, рабски плененные чарующей личностью Уэстлейка: все мысли настроены на единую ноту. Не лица, а миражи, оптические фокусы воздуха, раскаленного над жаровней пустыни. Наши камеры выхватывают их под сотней заранее вычисленных углов и ракурсов, дают общими и крупными планами, в движении и статике, изнутри и снаружи, как форму и как символ. Передается великая драма; назревают великие и ужасные чувства. Нарастающими приливами мы выуживаем их из моря сырого материала.

Сенатор и его супруга встают в машину. «Улыбайтесь!» — командуя я, и они улыбаются. Улыбаются искренне, улыбаются честно, улыбаются с любовью



Остэй

очень, очень уверенных в себе людей. Актеры до мозга костей.

Толпа—океан, калейдоскоп лиц, рев восторга и обожания. Все идет по плану.

Башни Финикса—высокие, омраченные тенями. (На голографических экранах: оскаленные клыки лунных утесов, иглы в замороженных глазах.) Башни—гнездо, насест для хищной птицы. Финикс, пожирающий себя в смерче рождения. Финикс—вечно молодой. Финикс—осквернитель могил и обидчик сирот.

Я скомандовал в микрофон, и в неистовом сплетении звука и цвета начался парад. Автомобиль сенатора—лоснящийся бык, окруженный роем надоедливых крупных шершней—полицейских машин—и мелких мух—мотоциклистов. Толпа томилась по быку. В их ртах—застоялый вкус крови. Перед их глазами—древнее зрелище боины, цирк Рима. Они голодны, и мы знаем, что им надо.

В меркнувшем свете солнца сенатор с супругой смотрят отлично, именно так, как нужно. Камера ловит уверенную, спокойную улыбку. Наплыв: расслабленная, ухоженная рука. Узды будут держаться крепко. Ваша судьба в надежных руках. Великий Отец. Его облик в двух измерениях рисуется глубже и четче, чем их—в трех. Они страдают.

Кортеж движется по идеальной прямой. Это наглядно демонстрирует камера на вертолете. Она молча следит за плебеями и принцем. Во главе колонны, доблестно и величаво,—синий лимузин, словно стальной наконечник стрелы. На флангах—рыцари, серебряные мотоциклисты. За «континенталем»—четыре полицейские машины бок о бок, фалангой, а затем вереница черных лимузинов поменьше—гарцующие кони сановников, настоящих и будущих. Они неотличимы друг от друга и сливаются в темный фон. Фон, не более того, для сенатора и его гордой седой головы. Все внимание—на него. За лимузинами—еще мотоциклисты; этих и вовсе уже почти не замечают. Позже они сыграют свою роль.

Артур неторопливо дает текст. Его голос спокоен, расслаблен. Он знает свое дело, промаха не допустит. Артур аккуратен.

Входит Эдди-бутафорщик и подмигивает мне. Эдди—отличный парень, любитель розыгрышей. Обожает иронию и юмор.

— Я проверил аппаратуру пять раз.

Эдди не просто рубаха-парень; Эдди тоже аккуратен.

— Для взрыва заряда необходимо замкнуть по рознь три независимых контакта,—с улыбкой сообщает Эдди, откидывая волосы с дождливо-серых глаз.—В Нью-Йорке и на Би-би-си-2 в Лондоне. Там все уже готово. Так что остановка за нами.

Я смотрю на фигуру, заполняющую экран монитора. Сенатор приветливо машет рукой.

— Когда ты отведешь колпачок кнопки «Пуск», на пультах в Лондоне и Нью-Йорке зажгутся зеленые

лампочки. Через десять секунд компьютер даст сигнал готовности.

— И можно нажимать на кнопку,—рассеянно заканчиваю я.

Голос Артура постепенно из мягкого баса переходит на резкий баритон. Действие на зрителей тщательно рассчитано, нервное напряжение вкрадывается в их души, сердца застывают. Изображения Артура на экране нет, но образ присутствует, незримо парит подобно зловещему черному ворону. Таким голосом возвещают дурные известия—глас эпохи, отточенный и траурный.

Голос Артура:

— ...кортеж прошел полпути. Сенатор спокоен и уверен. Миссис Уэстлейк с явным удовольствием отвечает на приветствия публики; она улыбается и машет рукой, словно вся встреча предназначена ей. Марсия Уэстлейк не новичок. Она прошла с мужем шесть избирательных кампаний, от первых выборов на пост мэра до нынешней президентской дуэли. Говорят, что она его «секретное оружие»...

У сенатора осталось меньше мили пути; его выход должен произойти в течение ближайших двух-трех минут, когда страсти накалены до предела, когда напряжение переходит в лихорадочный трепет. Черные крылья закрывают мифическое солнце, торжествуют дурные знамения.

Передо мной пульт. Колпачок откинут, предупредительные огни, как немигающие зеленые глаза змеи. Еще четыреста ярдов по этому бетонному коридору...

Остается только ждать.

Две минуты. Я сжимаю кулаки в бессильной ярости. Ласковые наплывы на кумира—так близок, так реален.

Затем... Отсчет, череда раскаленных цифр:

10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1...

Я судорожно втягиваю воздух.

Ноль...

— Ноль!—кричу я и вдавливаю кнопку.

На экране монитора хаос. Показанная крупным планом серебристо-седая голова, все еще с уверенной улыбкой на лице, вдруг разрывается. Микрофоны передают резкий треск, словно взрыв. Тело валится на голубое лоно миссис Уэстлейк...

Растерянность, беспорядок, смещение, ужас, паника. Миссис Уэстлейк молча встает в машине, голубое платье пропитано кровью. (Зрительские ассоциации: страдания Жаклин Кеннеди.) Мотоциклисты врезаются в обезумевшую толпу, рев моторов—захлебывающиеся пулеметы. Голос Артура срывается:

— Боже, боже, президент... сенатор убит!

Ложь на десятках миллионов экранов. Картины слетаются в калейдоскопическом вихре. Выхваченные камерой искаженные лица. Кровь и пустота в его открытых глазах.

Отличная работа!

Эдди всегда аккуратен.

IV. Развязка

Все прошло на славу, гладко и быстро. Они слепы, тупы и поверят всему, что мы им скажем. Те газеты и журналы, которые не принадлежат или не контролируются Объединенной ТРК, все равно получают информацию через нас. И выпустят ее в том виде, в каком мы ее подадим. Новости будут распространяться всеми возможными каналами. Это важные новости, не какое-нибудь повседневное дешевое пойло. Ново-

сти тонкие, хрупкие, деликатные, требующие особого отношения, взыскательные к форме; с ними нужно обращаться с математической точностью и логикой.

Мы всегда логичны.

Через несколько часов пошло сообщение, что преступник сумел скрыться. Публика восприняла известие с беспокойством, тревогой, испугом. Никаких следов убийцы. Убийца, убийца, убийца. Мы снова и снова повторяем это слово в сверхчувствительные микрофоны.

Мы вдавливаем в них это слово. Мы бьем по их обнаженным мозгам. Час за часом. Настойчивый голос Артура твердит им о страхе. Они впитывают, как губка. Великий Отец мертв; кто займет его место? Перемешивая трагедию с мрачными сообщениями о студенческих волнениях в Танжере, о положении на фронте в Гане, о забастовке в Скандинавии, мы подхлестываем их реакцию до неистовства, взбиваем пену эмоций в крем, густой и тяжелый, как масло.

Убийца, подлый, гнусный убийца, который может объявиться где угодно...

Но его не найдут. Никогда. Взрывчатка с радиодетонатором была внедрена в череп сенатора хирургами Эдди. Прямо за фронтальными долями, чуть вправо.

Миллиарды людей наблюдали смерть одного человека.

На расстоянии пяти футов. Их едва не забрызгало кровью.

Вот новости.

Словно гребень приливной волны, эмоции вскипали, вздымались и откатывались с ревом и грохотом. Бурлили и пенились потоки подозрения и ненависти. Беспорядки в Лондоне. В Хьюстоне и Лос-Анджелесе черный взрыв насилия и поджогов. Людские массы выползают из своих нор на улицы, крушат и давят друг друга в слепом бессилии. Беспомощно взывают к пустым небесам, потрясают кулаками, извергают проклятия. Мрачные рычат у своих телевизоров. Кроткие хныкают у своих телевизоров. Безразличные пожимают плечами у своих телевизоров.

А телевизоры рычат, хныкают и зевают им в ответ.

Нужны эмоции, любые эмоции, все эмоции.

Миссис Уэстлейк, вдова мученика. Миссис Уэстлейк в черной вуали, сила и достоинство, твердость и непреклонность. Наши камеры передают ее образ—стойкость, несмотря на страдание; это фокус эмоций, фокус истерии.

Уэстлейк был истинным артистом; он сыграл смерть безупречно. Марсия, жена-уничтожительница, пережила его с невозмутимым великодушием. Она знала каждый шаг, владела каждой сценой.

Вскоре Представление закончилось. Театр опустел.

Занавес.

V. Авторские лавры

В день вступления в должность дул холодный ветер, но одежда Марсии с электроподогревом. Синее платье, аналогичное тому, что было на ней в день трагедии. Первая женщина-президент, которую выдвинули и избрали создатели новостей—Объединенная ТРК.

Она заговорила. Я приказал дать общий план—коротко. Затем наплыв. Ее глаза уверенно сияли в шесть миллиардов лиц у экранов.

Тиран. Великая Мать.

Ее голос звучал громко и твердо, почти жестко. Речь была пропитана большим оптимизмом и малым смыслом. Речь, которая имела значение, даже если не имела никакого значения. Речь, созданная холодным разумом необъятной пропагандистской сети. Хорошая речь, добрая и смелая, мудрая и пустая. Речь для публики.

Для каждого из них, до последнего. Переданная в лучшее время, тщательно продуманная и взвешенная. Показатели эмоциональности зарегистрировали уверенность и надежду. Даже чуточку восторга.

И изрядную долю послушания.

Но это было неизбежно.

В конце концов кто может устоять против чего-то столь вездесущего и убедительного, как новости? Кто посмеет хотя бы подвергнуть их сомнению?

Завершение на высокой ноте.

Аплодисменты статистов, ликование Артура, облегчение и удовлетворенность публики.

Красный глаз медленно потух. Мы закончили, работа выполнена на славу. Мы все—одно целое, миллиарды связанных друг с другом человеческих существ. Новости дня изложены правдиво и точно, со всей прямотой. Это часть моей мечты, цель, ради которой мы трудимся. Мы не гонимся за славой или властью: я скромный, тихий человек, слуга работы и судьбы.

Вот мое credo, простое и ясное:

— Да обратится все невежество в знание, да осветится тьма, да перейдет одиночество в любовь. Новости—это лишь то, что известно публике.

Перевел с английского
Владимир БАКАНОВ.

СВЕТОНОСНОСТЬ

**Валентин
РАСПУТИН**

Она входила, и становилось светлее...

Хорошо помню, как Лариса Шепитько позвонила мне в один из моих приездов в Москву и осторожно сказала, что хотела бы снять «Прощание с Матерой». Мы договорились о встрече. Я шел на эту встречу с двумя, так сказать, задачами: во-первых, посмотреть на режиссера

Шепитько, буквально поразившую меня картиной «Восхождение», и, во-вторых, постараться не отдать свою «Матеру» в кино, даже и такому режиссеру, как Лариса Шепитько. Не стану задним числом говорить, что у меня уже и тогда были тревожные предчувствия (их, очевидно, не было) — просто мне хотелось оставить «Матеру» в своем собственном, родовом жанре, в прозе, оставить ее лишь для читателя, который в силу своего положения читателя имеет возможность наедине с книгой лучше понять и принять нравственную правду

Когда из жизни уходит художник, людям остаются его творения. Но не только они. Остается память о встречах с ним, атмосфере, в которой он жил и творил, влиянии, которое он оказывал на окружающих, в душах и сердцах остается его облик — внешний и внутренний, едва ли не физическое ощущение того творческого и нравственного накала, какой он излучал.

Таким художником была кинорежиссер Лариса Шепитько.

книги, когда, разумеется, таковая в книге присутствует.

Лариса убедила меня очень скоро. Вернее, она не убеждала, нисколько не убеждала, а стала рассказывать, каким представляет себе этот фильм, и говорила так живо и так горячо, взволнованно, что я и забыл, что старался не отдавать «Матеру». Вот эта неистовость, самозабвение даже на начальных подступах к работе поразили меня тогда больше всего. Она говорила как бы не для меня и не для себя, а для кого-то третьего, кто мог присутствовать при нашем разговоре и от кого зависело, быть или не быть фильму. Меня же лучше всего убедили наши сходные позиции в отношении к проблемам, о которых я пытался говорить в повести и которые собиралась продолжить Лари-

са в фильме. Убедило не формальное, а творческое, художническое прочтение повести, желание выделить проблему не только общества в целом, но и каждого поколения в отдельности за все, что мы делаем на земле.

Две вещи не переставали удивлять меня в Ларисе Шепитько за время нашего знакомства. Я пытался понять их, разгадать. И не мог. Впрочем, объяснение тут может быть лишь одно: это было свойство природы не только очень талантливой в своем деле, но и природы особенной, выделенной среди многих и многих высокой, точно дарованной духовностью. Не знаю, много ли таких людей среди нас — должно быть, очень мало. Как правило, судьба не дает им жить долго (они это чувствуют), и в этом тоже какой-то свой смысл, который мы не можем или не хотим разгадать. Мы принимаем их за таких же, как мы, а они нечто иное. Они, похоже, и в мир-то приходят, чтобы показать, каким должен быть человек и какому пути он должен следовать, и уходят, не выдерживая нашей неверности — неверности долгу, идеалам, слову, вообще нашей неверности. Но память о них и помогает, должно быть, оставаться нашей совести.

Я любил наблюдать, как говорит и спорит Лариса. Ничего подобного ни у кого я больше не встречал. Она вступала в разговор спокойно, задумчиво, с паузами, как бы не зная еще, стоит или не стоит всерьез отдаваться ему, стараясь как можно больше услышать от собеседников, но затем с какого-то оп-

Автору одного из материалов о ней, Юрию Визбору, не довелось при жизни увидеть свои заметки опубликованными. Читая эти заметки, видишь не только Ларису Шепитько, которой они посвящены, но и автора, талантливого писателя и актера, человека яркого, тонкого, доброго, интересно работавшего в искусстве и интересно размышлявшего о нем.

ОНА С

**Глеб
ПАНФИЛОВ**

В жизни все откладывалось на потом, в смерти «потом» не бывает.

Когда трагически оборвалась жизнь Ларисы Шепитько, я думал только об одном — почему так мало видел ее, почему в нашей среде не успел хоть раз по душам поговорить с ней, почему так редко звонил без дела, так мало общался по делу, которое и суть, и смысл нашей жизни... Почему у меня нет от нее писем, почему я сам никогда не написал ей...

Сейчас, когда решился на бумаге вспомнить о ней, понимаю, что встречи наши были отрывочны и случайны, слова необязательны — мы так и не собрались сказать друг другу о том, что болит, чем каждый из нас мучился. Блуждая в своих проблемах, мы не успели выйти на ту площадку, где бы они сблизились, хотя бы на минуту стали общими, а ведь мы заняты одним делом, и в этом деле у нас было столько общих болевых точек...

Как же мы не встретились на них, не объединились — ведь, кто знает, даже если бы и разошлись, то разошлись, может быть, связанными исповедью, откровением души. Нет, не было этого, хотя, казалось, вот-вот должно было произойти. Мы были, что называется, в пути друг к другу, да я не ускорил шаг. Зато судьба поспешила — на взлете, на

03



ределенного момента вдруг увлеклась, «заходила», воодушевление, какое-то внутреннее могучее горение нарастало все больше и больше. И это было чудо: она говорила быстро, точно, красочно и убедительно, говорила вдохновенно и без усилий. Та огромная мыслительная работа, которая происходила внутри, была совершенно незаметна. От случайного, стихийного порыва, мимо прекрасных, редко случайных мест, по которым она вела нас, она приходила к верной цели. Она словно воспаряла над предметом разговора, иногда самым обыденным, увлекала и нас за собой, и этот «вышний» взгляд не был напрасен, он затем приобщался в работе и в чувствах многим из нас.

Несомненно, это был ум по-мужски точный, по-художнически богатый и по-женски красивый.

И еще одно качество трудно было заметить в Ларисе. Это ее светоносность. Именно светоносность, всякое другое слово окажется неверным. Она входила — и сразу становилось светлей и теплей в комнате. Она начинала говорить — и от первых же ее слов наступало удовлетворение: вот о чем надо говорить... Она вся как бы излучала свет. При ее деятельной, азартной натуре, пожалуй, он не был успокаивающим. Он был мягким, но и тревожным, приводящим к нешуточным размышлениям: где мы? что мы? что нам делать дальше?

Порой кажется, что она все это знала и делала огромные усилия, чтобы не выдать себя.

ЛЮБИТЬ ТАЛАНТ

Белла АХМАДУЛИНА

Так случилось, так жизнь моя сложилась, что я не то что не могу забыть (я не забывчива), я не могу возыметь свободу забыться от памяти об этом человеке, от утомительной мысли, пульсирующей в виске, от ощущения вины. Пусть я виновата во многом, но в чем я повинна перед Ларисой? Я долго думаю — рассудок мой отвечает мне: никогда, ни в чем.

Но вот — глубокой ночью — я искала бумаги, чтобы писать это, а выпал, упал черный веер. Вот он — я обмахиваюсь им, теперь лежит рядом. Этот старинный черный кружевной веер подарили мне после моего выступления.

Ну, а при чем веер? Вот я опять беру его в руки. Лариса держала его в руках в новогоднюю ночь в Доме кино. Я никогда не умела обмахиваться веером, но я никогда не умела внимать строгим советам и склонять пред ними голову.

— Я покажу вам, как это делается, — сказала Лариса. — Нас учили этому во ВГИКе.

Лариса и веер — стали общая стройность, грациозность, плавное поведение

руки, кружев, воздуха. Я склонила голову, но все же исподтишка любовалась ею, ее таинственными, хладными, зелеными глазами.

Откуда же она взяла такую власть надо мною, неподвластной?

Расскажу, как помню, как знаю. Впервые отчетливо я увидела ее в Доме кино, еще в том, на улице Воробьинского. Нетрудно подсчитать, когда это было: вечер был посвящен тридцатилетию журнала «Искусство кино» — и мне было тридцать лет. Подробность этого арифметического совпадения я упоминаю лишь затем, что тогда оно помогло мне. Я поздравляла журнал: вот-де, мы ровесники, но журнал преуспел много более, чем я. Я знала, что говорю хорошо, свободно, смешно, — и согласная приязнь, доброта, смех так и поступали в мою прибыль из темного зала. Потом я прочитала мое долгое, с прозой, стихотворение, посвященное памяти Бориса Пастернака. Уж никто не смеялся: прибыль души моей все увеличивалась.

Но что-то сияло, мерцало, мешало-помогало мне из правой логи. Это было сильное излучение нервов — совершенно в мою пользу, но где мне было взять тупости, чтобы с болью не принять этот сигнал, посыл внимания и одобрения? Нервы сразу узнали источник причиненного им впечатления: Лариса подошла

ко мне в ярко освещенном фойе. Сейчас, в сей предутренний час, через восемнадцать лет, простым художественным усилием вернув себе то мгновение, я вижу прежде не Ларису, а ее взгляд на меня: в черном коротком платье, более округлой, чем голос, чем силуэт души, чем тонкость, притаившаяся внутри, да просто более плотную, чем струйка дыма, что тяжеловесно, — такова я, пожалуй, в том внимательном зоре, хищно, заботливо, доблестно профессиональном. Сразу замечу, что по каким-то другим и неизвестным причинам, но словно шлифуемая, оттачиваемая этим взором для его надобности, я стала быстро и сильно худеть — все легче мне становилось, но как-то уже и странно, рассеянно, над и вне.

Но вот я вглядываюсь в Ларису в тот вечер, в ее ослепительную невидимость в правой ложе, в ее туманную очевидность в ярком фойе: в отрадность, утешительность ее облика для зрения, в ее красоту. И в мою неопределенную мысль о вине перед ней: словно родом из Спарты, она показала мне стройно и мощно прочной, совсем не хрупкой, да, прочной, твердо-устойчивой, не хрупкой.

Пройдет не так уж много времени, будет лето, Подмосковье, предгрозые, столь влияющее на собак, — все не могла успокоить собаку, тревожила, тосковала. Придут — и н-н-н-не смогут сказать. Я прочту потупленное лицо немого вестника — и злобно возбраню правде быть: нет! нельзя! не смей! запретно! не

НАМИ

подъеме жестоко оборвала жизнь Ларисы.

Помню, Инна Чурикова тогда сказала: «Знаешь, Глеб, у меня такое чувство, будто в атмосфере пробили дырку, и туда что-то уходит, а забить нечем...»

Незаменимых нет? Чувш! Это античеловечная, антигуманная позиция. Любим человек неповторим. Лариса Шепитько была УНИКАЛЬНА!

Я не знаю ни одной женщины, похожей на нее. Именно женщины, потому что первое впечатление — это было потрясение от ее красоты. Сначала и прежде всего красота, а потом уже начинаешь понимать ее отторженность от собственной красоты, ее независимость от своей внешней уникальности. Но первое впечатление — «Боже, до чего хороша!»

...В Западном Берлине шла пресс-конференция — фильм Ларисы Шепитько «Восхождение» получил Гран при. Большая комната набита людьми — не продохнуть. В глубине, за большим столом сидела... королева, супер-звезда, победительница конкурса красоты, ради которой собралась эта разношерстная фестивальная публика. Надо сказать, что я не оказался исключением — опять, уже в какой раз, был потрясен ее красотой. Конечно, она понимала и знала о том, что незаурядно красива, и могла бы стать актрисой, но не могла.

Я долгое время не понимал, почему. Почему не актриса, не кинозвезда? И в конце концов понял: даже самая большая роль не смогла выразить ее так

полно, как авторский фильм. Именно авторский. Не случайный, а ею задуманный, выстраданный. Отсюда и победы, и неудачи. Отсюда постоянная борьба за свое место в искусстве, за свое индивидуальное обозначенное место, что трудно. Трудно для себя, неудобно для других. Может, поэтому всегда казалось, что она держит защиту, в любую минуту готова отразить удар, ждет даже тогда, когда, казалось бы, ждет его неоткуда. Эту дистанцию между собой и собеседником она устанавливала сразу, и не каждому удавалось ее преодолеть. Но в этом не было ожесточенности, озлобленности, не было и, как многие думали, гордыни. Лариса не нападала — она защищалась. Она заранее спасала то, что хотела выразить своим искусством, и эту борьбу начинала задолго до того, как наступала реальная для нее необходимость. Хуже всего, по-моему, ей было тогда, когда она не работала. Когда не знала, что делать, или только нащупывала это «что-то». Но, начав работу, она преображалась — это был ее праздник, ее женская вольница, ее могучая человеческая стихия. Она любила всех, кто работал рядом с ней, но требовала от них такой же отдачи, такой же неистовости... И ненавидела всех, кто мешал, кто отставал от нее, а соответствовать ей было нелегко, как и всякому одержимому своим делом человеку.

Я хорошо знаю, как выпадают из поля зрения те, кто не имеет отношения к твоей работе, а ты в ней — днем и ночью. И как раздражают те, кто не понимает, кто равнодушен, кто чужой, все равно чужой, потому что вне твоего состояния, твоей, на этот момент, «болезни».

У Ларисы не было случайных картин — в каждой она пыталась выразить

свое сложное отношение к жизни, свое понятие жизни. Она принадлежала к числу тех художников, для которых не существует отстраненного искусства, и потому все ее картины — мировоззренческие. Все прошло сквозь нее, разработаны ее мыслью, причастны к ее душе... Все — о тех коллизиях, о тех человеческих состояниях, в которых «кровь людская — не водица». Потому, наверно, не случайность (хоть и чудовищная, трагическая случайность) ее смерть на картине. О ней, как ни о ком другом, можно сказать, что она жила и умерла в своем деле, в своем искусстве.

Я хочу и не могу вспомнить, что же именно она мне говорила. Наверно, это потому, что смотреть на нее было интересней, чем слушать. Ее лицо всегда выражало больше, чем слова. Природа ее была так богата и гармонична, что пустота светских бесед не могла до конца ее выразить. Я, конечно, помню, какой уютной и женственной она была хозяйкой: в ее доме не было случайных вещей — они были одухотворены ею, они были частью ее. Я хорошо помню, какой мягкой и нежной становилась она в присутствии сына. Какими высокими, не побоюсь сказать, изысканно-уважительными были ее отношения с Элемом... Я помню, какой неподдельный испуг был в ее глазах, когда однажды она увидела меня, сильно похудевшего, после тяжелой болезни... Но вот наших разговоров о самом главном — нет, не помню. Наверно, их и не было, иначе бы запомнил. Наверно, это свое, глубоко личное мы еще не научились доверять друг другу. Она шла к своей лучшей картине, к своей выстраданной картине — и этот главный наш разговор был, уверен, верен.

Но как скрупи мы при жизни на добрые

слова, и как щедры наши враги на злые. Другим почему-то стыдно любить вслух, а недругу совсем не стыдно открыто ненавидеть...

Помню, на одном приеме в том же Западном Берлине какая-то сотрудница советского консульства обрушилась на Ларису с потоком обвинений в адрес ее картины «Восхождение» — прежде всего за то, что она якобы «оправдывает немцев...». Лариса побледнела, но сразу как-то вознеслась над этой нервически-возбужденной дамкой. «Мне не привывать», — сказала она. — Когда вышли «Крылья», меня хотели побить за то, что я издеваюсь над фронтовиками...

И те, кто хочет быть, бьют, а вот те, кто хочет, кто готов защитить, в спешке, суете часто забывают о своем благородном порыве. Кто знает, сколько раз, когда ее хотели «бить», Лариса чувствовала себя не столько беззащитной, сколько одинокой. Беззащитной она не была никогда. Она всегда умела постоять за себя. Всегда была мужественной и сильной. И сегодня ничто так не защищает ее, как собственные фильмы. Но сколько раз она, наверно, ждала наших звонков, а мы не звонили. И сколько раз в своем гордом одиночестве мысленно отказывалась от всякой помощи, а мы не пытались напомнить ей, что только позови, только захоти, — мы здесь, мы рядом... А может быть, она и сама была как тот, с которым, по ее словам, «надо было дружить на расстоянии, чтобы сохранить эту дружбу». Может быть... Но теперь это расстояние не преодолеть. И одно утешение, что мы по-прежнему друзья, что она с нами, — раз так часто думаешь о ней, раз так жизненно необходимо понять, чем она была для нас и что в ней, в ее картинах навсегда осталось с нами.

ЗРЕВШАЯ

позволяю, нет! Предгрозые разрядится через несколько дней, я запутаюсь в струях небесной воды, в электричке, в сложных радугах между ресниц — и не попаду на «Мосфильм».

Был перерыв в этом писанье: радуги между ресниц.

Но все это будет лишь потом и этого нет сейчас: есть медленный осенний предрассвет и целая белая страница для насущного пребывания в прошедшем времени, когда наши встречи участились и усилились и все зорче оставались на мне ее таинственные, хладные, зеленые глаза.

Впрочем, именно в этой драгоценной хладности вскоре стала я замечать неуловимый изъян, быстрый убыток: все теплело, слабела и увеличивалась зеленая полынью. Таяние тайны могло разочаровать, как апрельская распычатость льда, текучесть кристалла, но кратким заморозком самообладания Лариса превозмогала, сковывала эту самовольно хлынувшую теплоту как некую независимую бесформенность и возвращала своим глазам, лицу, силуэту выражение строго-студеной и стойкой формы, совпадения сути и стати.

Неусыпная художественная авторская воля — та главная черта Ларисы, которая, сильно влияя на других людей, слагала черты ее облика. Лариса — еще и автор, режиссер собственной ее внешности, видимого изъяснения личности, поведения. Поведение не есть просто прилежность соблюдения общепринятых правил, это не во-первых, хоть это обязательно для всякого человека, поведение есть способ вести себя под общим взором к своей цели: сдержанность движений, утаенность слез и страстей.

Эту сдержанность, утаенность легко принять за прочность, неуязвимость. Я любовалась повадкой, осанкой Ларисы, и уважение к ней опережало и превосходило нежность и жалость. Между тем я видела и знала, что ее главная, художественная жизнь трудна, непуста: вмешательства, помехи, препоны то и дело вредили ее помыслам и ее творческому самолюбию. Это лишь теперь никто не мешал ей и ее славе.

Влиятельность ее авторской воли я вполне испытала на себе. Лариса хотела, чтобы я снималась в ее фильме, и я диву давалась, замечая свою податливость, исполнимость: я была как бы ни при чем — у Ларисы все выходило, чего она хотела от меня. Это мое качество было мне вновь и занимало, и увлекло меня. Лариса репетировала со мной сначала у нее дома, на набережной, потом на «Мосфильме». Все это было совсем недолго, но сейчас я четко и длинно вспоминаю и вижу эти дни, солнце, отрадную близость реки. В силе характера Ларисы, несомненно, была слабость ко мне, и тем легче у нее все получалось. Лариса открыто радовалась моим успехам, столь важным для нее, столь необязательным для моей судьбы, ведь у меня совсем другой род занятий. Но я все время принимала в подарок ее дар, ярко явленный в ее лице, в ее указующей повелительности.

Все-таки до съемок дело не дошло, и я утешала ее:

— Не печальтесь! Раз вы что-то нашли во мне — это не пройдет с годами, вот и снимете меня когда-нибудь потом, через много лет.

Лариса сказала как-то грозно, скорбно, почти неприязненно:

— Я хочу сейчас, не позже.

Многих лет у нее не оставалось. Но художник вынужден, кому-то должен, кем-то обязан совершенно сбиться в то время, которое отведено ему, у него нет другого выхода. Я видела Ларису в расцвете ее красоты, подчеркнутой и увеличенной успехом, отечественным и всемирным признанием. Это и была та новогодняя ночь, когда властно и грациозно она взяла черный кружевной веер, и он на мгновение заслонил от меня ее прекрасное печальное лицо.

Милая, милая, хрупкая и беззащитная, но все равно как бы родом из Спарты, — простите меня.

ВСЕ МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ

Юрий ВИЗБОР

Обе эти женщины были настолько прекрасны, что хотелось в их присутствии либо заискивающе молчать, либо говорить только умное-остроумное. Белла, подогнув под себя ноги, устроилась на диване, и полоса солнечного света из кухонного окна пересекала длинную книжечку сценария, которую она держала в руках. Она называла меня Сашей, читая вслух свои места в диалогах. Лариса, не отрываясь, атаковала Ахмадулину своими огромными глазами и, существуя в те годы мода на экстрасенсов, наверняка посторонний наблюдатель счел бы, что присутствует на сеансе передачи мыслей на расстоянии.

Лариса Шепитько приступила к работе над новым фильмом, сценарий которого был написан ею и Геннадием Шпаликовым. Фильм этот назывался «Ты и я». Если говорить коротко, то фильм наш был историей двух людей, драма которых происходила оттого, что ради случайных и необязательных удач, ради престижных перспектив два талантливых ученых-медика отложили свой талант на время (как они полагали), устремившись в мир материально-деловых завоеваний и в конце концов сделали чиновниками от медицины. Однако мучительная мысль о том, что жизнь их проходит даром, что обворовали они себя и других, тех, кому они могли помочь, не брось свое дело на полдороге, — эта мысль, эта мука стали главным содержанием их драмы, а все остальные события, пусть важные и значительные в иных судьбах, для наших героев приобрели окраску фона, мелькающего как нечто несуществующее. Мало того, что они стали духовными неудачниками, они сделали несчастной и женщину, для одного из которых она была женой, для другого — вечной и тайной любовью. В этой истории не было счастливого конца, так обожаемого кинематографом. Это был фильм о расплате за одну, но самую существенную ошибку в жизни, о необратимости времени человеческой жизни, о тонком понимании таланта как предмета не только личного, но и общественного достояния.

Кроме того, тот киноязык, которым собирались говорить авторы картины со зрителем, был сложен. Фильм предполагал со стороны смотрящих некоторую степень сотворчества, его внутреннее пружины не подпирались назойливой объяснительностью, его дорожные знаки предполагалось читать на высоких скоростях мышления. Для одних героев фильма события развивались в течение одного дня, для других в течение полтора лет. Упреки в элитарности картины сыпались бесконечно.

Выйдя на экраны, эта лента не могла конкурировать с боевиками того года, в которых молодые люди бойко крошили врагов, обмениваясь веселыми репликами. Картина наша, если я не ошибаюсь, заняла в год выхода на экраны последнее место по числу зрительских посещений. В тот же год, отправленная на международный кинофестиваль в Венецию, она завоевала приз «Золотой лев».

Меняются времена, меняется и отношение к стилю и языку. Спустя десять лет, в ноябре 1981 года, я пытался посмотреть нашу картину в кинотеатре Повторного фильма, но так и не смог достать билет ни на один сеанс. Впрочем, я не обольщаюсь на этот счет: картина «Ты и я» была создана для определенного круга зрителей, и не вина картины, что в год ее рождения этот самый круг был либо не информирован о ее появлении, либо, если называть вещи своими именами, не был готов для восприятия подобного рода кинематографического мышления.

Однако все это было еще впереди: и

несуетная радость от маленьких побед, и черные дни неудач. А пока шло время кинопроб, время мучительного для каждого режиссера выбора. В Ларисе всегда присутствовала ясность желаемого — вот это было прекрасно! Если она останавливала свой выбор на каком-то человеке, она ясно говорила это и добивалась своего. Если она испытывала колебания, она никогда не прибегала к мелкой лжи (ради возвышенных — естественно! — целей). Она никогда не утверждала в подобных случаях: «Без вас я не представляю картины», и т. п. Она давала ясно понять, что это всего лишь кинопроба, вариант прочтения роли, попытка осмысления небольшого участка кинодраматургии на уровне пробы. Так, на одну и ту же роль в картине пробовались Юрий Соломин, Георгий Тараторкин, Леонид Дьяков, Владимир Высоцкий. Высоцкому, чьи успехи к тому времени в кинематографе были достаточно скромны, роль, предложенная Ларисой, явно позволяла выйти за рамки его привычной характерности. (В какой-то степени актер — раб того представления о нем, которое извлекают из его первой или удачной роли режиссеры. Так незримо и подспудно образуются штампы в понимании творческой индивидуальности актера. И только прозорливость и смелость иных режиссеров помогли нам увидеть в Юрии Никулине лирика, в Анатолии Паланове — героя, в Людмиле Гурченко — глубокую разносторонность и т. д. Я знаю это по своему скромному опыту: после роли Бормана в «Семнадцати мгновениях весны» мне со всех сторон стали дружно предлагать играть в кино различных пыгателей, главарей банд и т. п.) Кинопроба наша с Высоцким прошла удачно, мы были вдохновлены возможностью совместной работы. Однако слишком много раз утомительный и нервный путь переговоров, фотопроб, кинопроб приводил Володю к неудачам. Увы, так случилось и в картине «Ты и я».

В ту первую репетицию мы работали вместе около трех часов. Я видел, что Белла не старалась понравиться, а, как бы осматриваясь в чужом доме, пыталась понять, что здесь за человек живет. Текст, роль в ее исполнении звучали совершенно непривычно, просто непредполагаемо. Героиня, которую она пыталась осознать, была на протяжении всего фильма моей партнершей. Я мало сомневался в актерских способностях Беллы, не раз присутствуя на ее замечательных выступлениях и наблюдая, как от ее вдохновенного чтения исходит сила, рожденная не только поэзией, но и высоким актерским творчеством. Однако я полагал, что в условиях кинопроизводства, когда лишь наработанное и твердый профессионализм способны в короткое съемочное мгновение, зажатое между двумя утомительными и абсолютно нетворческими периодами объяснений и перебранки с ассистентами, осветителями, электриками, звуковым цехом, а иной раз между двумя вяло текущими месяцами скандалами, стать тем фундаментом, стоя на котором можно помыслить и о творчестве. Мне казалось, что для Беллы это станет непреодолимым препятствием, тем более что о существовании его она сейчас просто не догадывается.

Лариса позвонила вечером. «Ну как?» — спросила она без всяких подходов к теме. «Дело Моцарта», — ответил я, — играть на скрипке. Играть в хоккей с шайбой для Моцарта не обязательно». Кажется, Лариса не ожидала такой категоричности, да и я, честно сказать, ничего подобного от себя не ожидал. Тут в трубке, как говорится в известной песне, «тишина раздалась». После некоторой паузы Лариса сказала: «Хорошо. Я сейчас приеду».

Вот что было замечательно в этом

человеке — то, что она всегда шла прямым путем. Она принадлежала к той редкой категории художников, которые знали не только, чего они хотят, но и как этого достичь. Она шла к цели, сосредоточившись с обстоятельностью, а приводя их в форму, удобную для творческого процесса как такового, шла максимально прямо, не делая секретов из конечного пункта, к которому она стремилась.

Мы репетировали с Беллой два месяца. Места для репетиций были самые разные — дом Ларисы, моя квартира, «Мосфильм» и даже поляна в Витеневе, где на берегу водоохранилища в палатках отдыхали мои друзья — альпинисты, автогонщики, воднолыжники. Каждую пятницу они съезжались сюда из своих кабинетов, строительных площадок, слесарных мастерских, конструкторских бюро для того, чтобы вместе провести два дня среди рычания катеров, бесконечного ремонта двигателей, веселых разговоров и негромких песен. Здесь царила дружеская коммуна, которой руководил огромный роста мрачноватый геолог, которого звали Вим; здесь под присмотром одной-двух отпускных тещ ревелись наши дети, здесь жарилась на альпинистских примусах «Фебус»-яичница, и Стас, неоднократный чемпион Союза с изумительной фамилией Гесс-де-Кальве, отлеживался после аварий на гоночных трассах. И Белла, и Лариса очень легко и просто вписались в эту «запорожскую сечь», и уже никого не удивляло, если мужу Ларисы, режиссеру Элему Климову, кто-нибудь из «местных» говорил: «Климов, ты как свежий человек поди-ка принеси воды». Однако эта общая шумность не мешала нам мизансценировать среди берез и вообще жить разговорами лишь о предстоящей картине. Вместе с тем я видел, с каким живым интересом Лариса присматривалась к этим людям — здоровым, сильным, не отягощенным вялым самокопанием и бесконечными сомнениями, которые, увы, столь нередки в кругу художников.

...Мы репетировали в Витеневе всего несколько раз, вспоминали эти репетиции много лет. За эти же два месяца я должен был совершить и совершил то, на чем при всех самых дружеских-преддружеских отношениях жестко настаивала Лариса и чего не смогли со мной сделать ни укоры друзей, ни советы домашних, — похудеть на десять килограммов. «На Западе», — говорила Лариса, — есть так называемые брачные контракты. В них обговариваются условия, при несоблюдении которых супруги разводятся. Наши с тобой условия — десять килограммов. Считаю, что женился на кинокартине». Да, в общем, это был роман, конечно, предчувствие счастья работы, время совместных чаепитий, бесконечных переизобретений, цитирования мест из еще не сыгранных и не снятых сцен. С Геней Шпаликовым мы затеяли несерьезную переписку в стихах. Слава Зайцев, делавший эскизы для наших костюмов, клятвенно заверял всех наших домашних и просто знакомых, что он непременно всем сошьет по костюму. Картина была еще не начата, но все мы уже ходили на концерты «нашего» композитора Альфреда Шнитке. Еще я не знал, каким образом мне удастся сыграть в требующей некоторой акробатики сцене в цирке, а уже Мстислав Запашный, знаменитый цирковой артист, стал нашим близким знакомым. И всем этим дружеским хоромом управляла Лариса, у которой хватало времени и сил на все и на всех.

Незадолго перед запуском картины в производство состоялась наша кинопроба с Беллой. Я не преувеличиваю, и мне не изменяет память: в тот момент, когда сцена была сыграна и снята, Лариса с криком «Стоп, камера!» бросилась целовать Беллу.

За день до начала съемок Лариса без

звонка приехала ко мне и в дверях сказала: «Беллы у нас нет». Не знаю, с этого ли дня надо отсчитывать несчастья, выпавшие на долю нашей картины и ее режиссера, которая не страшилась ровным счетом ничего, даже своих собственных болезней. Сегодня, однако, она не знала, что делать: просто уже не было времени отстаивать право режиссера пригласить на роль поэта, а не актрису.— с завтрашнего дня начинал щелкать безжалостный счетчик кинопроизводства — сметы, декорации, деньги, план. Но поиски актрисы оставался ровно один вечер. Как ни странно, актриса появилась на моей кухне через десять минут. Она была моей соседкой и в тот вечер, к счастью, была дома. Она пришла в накинутах на плечи черном пончо, села в углу, ябко кутаясь в свое покрывало, и за то короткое время, пока Лариса расхаживала по кухне и произносила перед ней пламенную и печальную речь, ей предстояло решить, стоит ли ей ввязываться в такую сложную ситуацию. Сложную, потому что легко приходиться на пустое место, но не на чужое. И я прекрасно понимал ее. Честное слово, в тот вечер ей требовалось немало мужества и веры, чтобы тихо сказать: «Хорошо, я попробую, Лариса». Этой актрисой была Алла Сергеевна Демидова.

Мне не очень верится в то, что люди работают для чистого искусства как такового. Люди работают для людей (исключая те случаи, когда они уныло творят для денег). Мы работали для Ларисы, конкретно, персонально для нее. В ней была вера, вот в чем дело.

Я встречал режиссеров, которые безоговорочно верили в себя, но это в общем-то шло от глупости, от понимания кинематографа как ремесла, а не искусства, от понимания себя как некоего начальника и т. п. В Ларисе была настоящая вера в дело, в искусство, в нас в конце концов. Вера в доброту и необходимость нашей работы, и она, эта вера, была абсолютно материальной субстанцией, на которую можно было весьма реально опереться. С ней было исключительно тяжело работать тем, кто не привык или не хотел работать. Она никогда не надеялась на всякие «это и так сойдет», «этого в кадре не будет видно», она требовала работы на все сто процентов.

К съемкам сцены в цирке я готовился полтора месяца. Игровая ситуация такова: с женой своего друга, то есть с Аллой Демидовой, мы случайно попадаем на цирковое представление. У обоих приподнятое настроение, веселье, которое проистекает от отчаяния, когда уже терять нечего. Мой герой — министерский служащий, давно, тайно и безнадежно влюбленный в свою спутницу. На арену выходит замечательный клоун Андрей Николаев и вопрошает зрителей: «Где джигиты? Где настоящие джентльмены? Кто оседлает непокорного арабского жеребца?» И вот мой герой в блейзере и при галстук, стараясь выглядеть в глазах своей спутницы героем и «настоящим мужчиной», вызывается это сделать и спускается на арену. Циркачи видят, что вызвался протачок из публики. Они мигом цепляют на него страховочную лонжу, сажают задом наперед на «непокорного арабского скакуна» и пускают его по кругу. Герой мой выделяется на скачущем коне неловкие, вызывающие смех трюки, и, когда видит, что подруга его уходит, возмущенная нелепостью всего происходящего, он прыгает с коня и начинает, аки купидон, летать над цирковой ареной на страховочной проволоке. Блейзер задран, галстук развеивается на ветру. Приземлившись, он тут же порывается убежать с арены, но его не отпускают насмешники-циркачи. Тогда назло себе, судьбе, всей нелепости своей жизни он подбегает к случайно стоящему на арене ведру с водой и опрокидывает его на себя. Хотели моего позора? Пожалуйста! Желали посмеяться над мной? Извольте!

Наконец наступил день съемок этого эпизода. Цирк заполнен тремя тысяча-

ми статистов. Нескончаемые недоразумения между работниками цирка и мосфильмовцами. Вопросы согласования по времени, движению на арене, движению камеры, свету и т. п. Лошади, костюмы, реквизит. «Лариса Ефимовна, я смеюсь после жонглера?», «Лариса Ефимовна, тут силовой щиток выбило, нужно гнать лихтваген со студии», «Лариса Ефимовна, ведро с теплой водой или холодной для Визбора?», «Лариса, посмотрите, у меня затылок в порядке? В смысле красоты?», «Лариса Ефимовна, окружение просится на десять минут сходить в буфет»...

В общем, начали снимать где-то часа в три дня. Лариса работала как горновод у мартена. Ничего не получалось: то артисты подводили, то жонглер, то лошадь, то свет, — ничего не получалось, хоть криком кричи. Во время одного из дублей меня в спешке так перетянули поясом, что после полета я приземлился на арену уже в бессознательном состоянии. Время шло, ни одного просто внятного дубля не было снято. Нависала угроза срыва всей сцены, а повторить ее в другой день не представлялось возможным, все это было слишком дорого. Дело усугублялось тем, что в каждом дубле я опрокидывал на себя ведро воды и должен был после этого, естественно, сохнуть. В маленькой гримуборной, где меня сушили и переодевали, собиралась мрачная атмосфера неудачи. Лариса, уже чередуя интеллигентные фразы с самыми простецкими, не сдавалась. Думаю, не много нашлось бы людей, с таким упорством сопротивлявшихся этому крошечному аду. Сам я был вконец измотан бесперебойными душами то горячей, то холодной воды, скачками на лошади, полетами на проволоке, но мои чисто физические затраты ни в какое сравнение не шли с той невероятной работой, которую целый день проделывала Лариса, воюя одновременно на десятках фронтов.

Наконец настал тот момент, когда все стало как-то складываться и осталось только отнять сцену. И здесь неожиданно потухли мощные осветительные приборы — пробило десять часов вечера, и труженики света на законном основании стали собираться по домам. Лариса, выхватывая из сумки собственные деньги, ринулась вверх на цирковую галерку.

На арене смолкли крики и разговоры. Три тысячи статистов обернулись наверх, туда, где стояли двое, отключившие свет. Никто не слышал того униженного и позорного разговора, никто не сможет теперь рассказать о нем: Лариса уже не расскажет, а те двое, думаю, не рискнут и вспомнить об этом. При гробовой тишине, когда было слышно, как потрескивают угли во вновь разгорающихся осветительных приборах, Лариса спустилась вниз и сказала: «Нам дали полчаса. За полчаса мы должны снять всю сцену от начала и до конца». Было 22 часа 05 минут. Ровно в 22.30 свет был снова погашен, на этот раз окончательно, но мы успели все снять.

Ларису увезли домой. Через полчаса ей вызвали «скорую помощь».

Лариса слегла. Говорили, что у нее инфаркт, сама она отрицала это, посмеивалась. Несколько последующих сцен картины снял Элем Климов, бросивший все свои дела ради того, чтобы картина Ларисы не останавливалась...

На пузатом и душном самолете Ан-10, тогда еще летавшем с пассажирами, мы вылетели в Краснодар — Лариса, Элем Климов, его брат Герман и я. Это была чистая авантюра, причем совершенно несерьезная. Лариса была несказанно измучена нашей только что закончившейся картиной. Надо было срочно куда-то убежать из Москвы.

«Организатор отдыха на юге», то есть я, имел лишь адрес: «Геленджик, автопансионат «Кубань», где в то время находилась сборная страны по горным лыжам и куда меня как-то мимолетом звали. Ко мне примкнула Лариса, к Ларисе — муж, к мужу — брат. Как ни

странно, но вот такие чисто авантюрные номера чаще всего оказываются удачнее и запоминаются больше, нежели глубоко продуманные и подкрепленные тяжелой артиллерией писем и звонков мероприятия по осаде всяческих многоэтажных крепостей на Черном море.

Мы поселились в молодежных бетонных «бочках», вокруг которых плескалось «море веселья». Мы мечтали только об одном — высвататься от души и выкинуть из головы долгоиграющую мучительную пластинку фильма. Он был снят, и уже невозможно с ним что-либо было сделать. Мы испытывали к только что появившейся картине весь набор родительских чувств — от угрюмых обвинений в гениальности до веселого ощущения бездарности. Мы стремились немедленно забыть наши многочисленные переживания, лица, разговоры и поэтому энергично ринулись к предметам, давно забытым нами, — морю, стадиону, прогулкам по набережным, вечерним шашлыкам, которые обмахивали фанерными дощечками грустные молодые мужчины. Мы вечером даже пошли на веранду для танцев. Веранда была как веранда, обычное приморское дело. Пасть эстрады, где свешивались полуотворнутые штормовыми ветрами фанерные листы. Мертвящие лампы дневного света. Скопления женщин.

— Ну, берегитесь, — засмеялась Лариса, — сейчас местные кадры вас расхватают.

Массовик, сменивший унылого аккордеониста, воскликнул: «Граждане женщины! Прошу к исключительно интересной игре! Прошу изъявить желание со стороны женщины!» Мы все посмотрели на Ларису. «Дураки!» — сказала она нам. Тут возле нас появилась новая пара. Столичные, красивые, молодые. Красивый вертел на пальце ключи.

— Вот и танцы, — сказал Дима (имя его станет для вас очевидным из последующих событий). — Прелесть.

Он легко обнял Люсю (ее имя тоже станет вам известно) рукой, свободной от ключей.

— Я, — сказал он, — ты, «Жигули» и море. Все сбылось.

Тут я заметил, что Ларису больше совершенно не интересует происходящее на площадке. Она отодвинулась в глубокую тень и не спускала глаз с подошедшей пары. «Знакомые ее, что ли?» — подумал я. Между тем на площадке приз-вам массовика рискнула соответствовать лишь одна женщина, крепкая, рослая. И высокая желтая прическа была на ней как шапка черкеса. Остановившись в центре круга, она, вызываясь подняв подбородок, ожидала конкурентов. Никто не шел. Массовик продолжал зазывать в микрофон. Дима легко подтолкнул свою спутницу.

— Ты что, с ума сошел?
— А что, прекрасная будет хохма! — сказал он, разгораясь от идеи. — Тайно удрать на юг и в первый же вечер на пошлейшем аттракционе... А? Люсь, давай!

— Я очень устала, — ответила она.
— У нас вот тут есть желаящие! — закричал Дима и стал вытаскивать свою подружку в круг. Blondинка в красном сощурила глаза, пытаясь определить, откуда исходит дерзкий вызов.

— Вот и начало сюжета, — тихо сказала Лариса. Она монтировала все, любой жест, взгляд, пейзаж. Она так была устроена.

— Есть еще желающие? — спросил массовик.

— Есть, но только они не хотят, — отвелили из темноты.

Массовик дал знак аккордеонисту, и тот извлек из инструмента душераздирающий туш.

— Никогда так не снять, — сказал Элем.

— Никогда, — сказала Лариса.

Оказалось, что игра состоялась в том, что надо было вспомнить максимальное количество мужских имен и при произнесении каждого имени двинуться на шаг вперед.

— Драматург! — сказала мне Лариса. — Записал бы.

— Я на отдыхе, — ответил я.
— Начали! — воскликнул массовик.
— Степан! — страшным голосом сказала блондинка и совершила первый шаг.
— Р-раз! — крикнула толпа вокруг площадки.
— Иван Романыч!
— Два!

Дальше следовали: Коля, Додик, Владимир, Сашок, Константин, Терентьев Федор Анисимович («Без личностей!» — закричал массовик), Павлик, Семен, еще раз Семен, другой (массовик: «Это не по правилам»), Боря с автобазы, очкарик, как звать не знаю (массовик: «Очкарик не имя, гражданка забывает!»). Все вокруг кричали, каждый считал необходимым высказать свое мнение и о Федоре Анисимовиче Терентьеве, и особенно о никому не известном очкарике без имени. Победно оглядывая темноту, блондинка вернулась на прежнее место. Тут же к Люсе подскочил фальшивым опереточным шагом массовик с карандашиком микрофона в руке. Люся взяла микрофон, сделала один шаг и сказала:

— Дима.

И остановилась, и протянула микрофон массовику.

— Ну? — сказал массовик.

— Все, — сказала Люся.

— Как все? Выходит, что же — единственное число?

— Вот именно, — сказала она и, дав в себе слезы, быстро пошла к спасительному краю темноты. Здесь курил уже известный нам Дима, твердо и без колебаний сказавший:

— Ты просто идиотка.

— Что? — спросила она.

— Зачем все это афишировать?

Здесь же масса людей отдыхает с «Мос-

проекта»!

— Фантастика, — сказал Элем.

— Правильно мы назвали картину, — сказала Лариса. — «Ты и я».

Сейчас мы видели еще один ее вариант, на другую тему, но с тем же названием.

(Как-то в середине картины Лариса вдруг усомнилась в названии — хорошо ли оно? По ее просьбе я придумал несколько вариантов названия, в том числе и «Библиотечный день». Мне казалось это название неплохим. У моего героя был действительно «тот день» — день для работы с рукописями.

Кроме того, название это имело и другой смысл — день, когда можно подумать, остановиться среди суеты. Но в итоге Лариса вернулась к старому названию.

Ты и я — две судьбы, их взаимосвязь, диапазон взаимной ответственности и в главном, и в мелочах.)

Система случаев в этой легкомысленной поездке для нас сложилась очень благоприятно: на следующий день мы случайно встретили двух наших симпатичнейших приятелей — геолога Вима и автогонщика Стаса и укатили из Геленджика в бухту Бета на их замечательную «Победу» (усиленные рессоры, танковый аккумулятор, V-образный мотор «Шерман» 120 сил). Мы сняли дом недалеко от моря, и по ночам было слышно, как шумят волны. Лариса в основном занималась вопросами кормежки пятерых мужчин. Как истинная хозяйка, она садилась в торце стола и орудовала половником. Иногда она кого-нибудь выгоняла из-за стола по причине невымытых рук. Все, чем мы занимались целый год, теперь казалось далеким и почти нереальным. Мы часто вспоминали ту красивую пару с геленджикской танцплощадки, укороченный вариант фильма с нашим названием. По сложным вопросам любви и дружбы у нас обычно выступал Вим, большой специалист в этой тематике. Слова «единственное число», произнесенные замечательным массовиком, вошли в наш местный сленг. Мы играли в волейбол, рыбачили, ходили в горы и даже заблудились. Мы ходили в летнее кино, где простыня с артистами шевелилась под морским ветром. Все это вместе могло быть названо счастьем, впрочем, это и было счастьем — тогда, когда мы были вместе...

ИСПОВЕДЬ ДУШИ

Дорогая редакция! Не могу не поделиться тем необычайным волнением, которое я испытала, просмотрев фильм «Пришла и говорю», встретившись на экране с нашей замечательной певицей Аллой Пугачевой. Я шла в кинотеатр, ожидая увидеть чудо. И мои надежды сбылись! Пусть фильм этот и не «живой» концерт с участием певицы, на который удавалось попасть моим знакомым, но благодаря искусству кино я увидела это сценическое представление, эти «марафоны любви и горя», которые проводит Пугачева «один на один» со зрительным залом. Фильм помог мне понять, как работает певица, создавая свои произведения, создавая образ упрямой, гневной, любящей, ранимой природы. Каждая ее песня — это исповедь. Это рассказ о самом сокровенном, личном, но и глубоко общественном самосознании, это ощущение тонко и остро чувствующего жизнь человека, оформленные в песенный образ. Вряд ли кто из эстрадных певцов умеет так раскрывать свою душу, самобытность, индивидуальность, как это делает Пугачева в кинокартине. При этом она не щадит себя, заставляя зал волноваться, заставляя каждого из нас заглянуть в собственную душу.

Алла Пугачева — наша самая театральная певица. Она сама театр, поскольку природа наградила ее редчайшим в наше время даром врожденного лицедейства, умением творить с «лица необщим выраженьем». А это следует ценить и беречь.

Ее экранный образ, сам фильм рассказали о том, как она живет, что волнует и ранит ее, что радует. Я увидела женщину, не лишенную элементарных, всем понятных переживаний, женщину, которая умеет быть близкой многим, выходя на контакт с каждым зрителем, каждым слушателем. Я, например, весь фильм сопереживала Алле Пугачевой, захваченная, очарованная силой ее таланта. Я забыла про свои горести и проблемы, а их, поверьте, было в последнее время немало. Да за одно это Пугачева достойна «миллиона алых роз» и простого человеческого «спасибо» — от души, от сердца. Ведь у нас порой не хватает времени

на душевный, откровенный разговор друг с другом. Часто мы не хотим помочь, поддержать друг друга в минуту трудную. Мы слишком захвачены суетой и озабочены своими делами. Правильно поет Алла Борисовна: мы «скудимся на любовь». И певица неистово восстает против этого душевного рационализма, всеядности чувств, против этой оккупации суетой и страстишками. Она предлагает жить, она честна в своем творчестве и взглядах на жизнь. В этом ее, достойная уважения, позиция активной, сильной личности.

Для меня песни Аллы Пугачевой из фильма были как раз тем задушевым разговором, после которого чувствуешь себя легко, словно тебя поняли, словно ты вырвалась на протор и сумела преодолеть в себе нечто давящее, черствое. Во время фильма я была наедине с певицей и благодаря ее голосу, ее интонации ощутила в себе новые силы, желание жить как-то по-новому, ярче, что ли! Она словно «подзаряджала»

Среди обширной читательской почты нашего музыкального клуба не могли не привлечь к себе внимания два письма, в которых абсолютно по-разному оценивается фильм «Пришла и говорю» с участием популярной певицы Аллы Пугачевой. Мы решили опубликовать эти оба письма, потому что они свидетельствуют о том, какие разноречивые оценки вызвал фильм у зрителей.

УПАЧЕВА или

БЕЗВКУСИЩА?

ФАЛЬШИВАЯ НОТА

Уважаемая редакция! У меня возникла настоятельная потребность поделиться с вами соображениями по поводу одного музыкального — что, правда, никак не следует из его названия — фильма. Называется этот фильм «Пришла и говорю» с Аллой Пугачевой в главной роли.

Прежде всего хочу сказать о том, что фильм «Пришла и говорю» открывает, если можно так выразиться, какую-то новую для нашего кино линию, ибо сделан совершенно не в традициях музыкальных фильмов прошлых лет, таких, скажем, как «Веселые ребята» или «Карнавальная ночь». Однако возникает вопрос: стоит ли отказываться от хороших традиций, тем более что «Пришла и говорю» вовсе не открытие, а лишь жалкое подражание западным лентам типа «АББА» или «Танцор «диско»?»

О сюжете, содержании фильма даже как-то неловко говорить всерьез. Появляется, например, в начале картины некий молодой франт, бегающий за Пугачевой по пятам и потом вдруг исчезает. Кто это такой? Друг, муж, ухажер?

Ну, хорошо, готов согласиться, что сюжет для этого фильма не так уж важен. Но никак не могу согласиться с пропагандой самого что ни на есть дурного вкуса в эстрадных номерах. На протяжении всего фильма то и дело пляшут полуобнаженные девицы с бороватым парнем, извиваются, дергаются, все движения у них какие-то непримечательные, вульгарные. Они окружают певицу, когда она поет, и вполне естественно, что о содержании песен речь уже и идти не может.

Или такая сцена: хозяйка дома музицирует на рояле, а ее пес заунывно подпевает. Неужели кто-то может оценить такую сцену как остроумную?

А потом героиня фильма начинает жаловаться на свою «страшно тяжелую жизнь». Ее не понимают, обижают, а она борется и страдает. Все происходящее на экране должно убедить нас в этом, причем завершается «трагедия» схваткой певицы с каратистом, в которой она, естественно, побеждает. Это, если говорить откровенно, больше смахивает на фарс, чем на произведение искусства. Все в этом фильме фальшиво, надуманно и потому выглядит как аляповатая картинка.

Скажу честно, после фильма я вышел из зала оглушенным, ошарашенным. В глазах мелькали разухабистые танцоры, коты, автомобили и самолеты, толпы почитателей и собирателей автографов...

Но вот что интересно: зал-то был полон. И очень многие зрители, по их словам, получили от просмотра фильма огромное удовольствие. Многие придерживаются точки зрения, что это, мол, настоящее современное искусство, а фильм «Пришла и говорю» — новое слово в кинематографе. Неужели у многих людей сегодня такие низкие критерии, такие испорченные вкусы?

Алла Пугачева — безусловно, талантливая артистка. Она, видимо, сегодня является кумиром молодых почитателей эстрады. Но ведь чем талантливее человек, тем больше с него спрашивается. В конце концов популярность накладывает на артиста и особую ответственность. Ведь важно не просто прийти и говорить, а прийти и говорить нечто глубокое, трогательное или серьезное, но обязательно проникающее в души людей, заставляющее их задуматься о себе и о жизни. Многие же песни Аллы Пугачевой, которые она исполняет в фильме, заставляют молодых только «балдеть» (извините за то, что пользуюсь словом из лексикона многих молодых любителей эстрадной музыки).

Да, Пугачева — кумир. И поэтому должна особенно требовательно относиться к тому, что она пропагандирует своим творчеством, своим искусством. Я не могу при всем желании понять, на кого рассчитана даже атрибутика, сопровождающая певицу на протяжении всего фильма: шубы и кружевные пеньюары, «мерседес» и бриллианты... Когда я видел все это, никак не мог представить себе, где, в какой жизни, в какой среде может происходить действие. Мне отвечают: эстрадное представление вправе позволить

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, дорогие читатели, перед вами два полярных суждения о фильме «Пришла и говорю». А что думаете вы? С какой точкой зрения вы согласны? Или, может быть, у вас есть иные соображения об этом фильме? Надеемся, что вы выскажете свое мнение.

Ждем ваших писем.

меня своим существованием, своим упрямством, силой воли. Кстати, фильм я смотрела три раза и уверена, когда будет трудно или грустно, — пойду снова.

Этот фильм понравился почти всем моим друзьям, кому-то больше, кому-то меньше, но никого не оставил равнодушным, безразличным. А те, кто относился и относился к ее творчеству предвзято, никогда не смогут оценить его по достоинству. И не надо упрекать этих людей, их надо жалеть. Мне вообще кажется, что снобы не смогут понять и полюбить Пугачеву, она поет не «за», а «против» их благополучия и душевного здоровья, она против рациональной настойчивости и пробивных, так ценившихся сегодня способностей. Она приветствует доброе, прекрасное, возвышенное, радостное. Хотя в некоторых ее песнях я услышала очень грустные мотивы, которые понятны и близки всем женщинам, не хочется верить, что Алла Борисовна — одинокий человек. Наверное, ее окружают интересные люди. Она просто не может быть одинокой, хотя... я понимаю, как это трудно — не быть одинокой. Желать этого гораздо легче...

Напоследок хочу рассказать историю моей подруги. Это для того, чтобы было понятно, что значит для людей Алла Пугачева. Живет в нашем городе одна девушка. Она очень сильно болела. Так вот, знаете, что дало ей силы подняться с больничной койки? Песни Пугачевой из фильма «Пришла и говорю». Да-да, именно эти песни заставили мою подругу поверить в себя, найти силы бороться с болезнью. Вот вам невыдуманный пример того, как искусство влияет не только на настроение, но и на судьбу, на жизнь человека.

Прошу вас, если будет возможность, передайте, пожалуйста, от меня лично и от всех почитателей таланта Аллы Пугачевой: «Спасибо вам, Алла Борисовна, за прекрасный фильм «Пришла и говорю»! Нам очень нужны ваши песни, и главное — будьте счастливы!»

**Светлана ЧЕРЕНКОВА,
Петропавловск-Камчатский**

себе некие условности. Но ведь условности условностям рознь. И отрыв от реальной жизни тоже должен иметь какой-то предел.

И еще один довод, который мне приходилось слышать: вам не нравится — это ваше личное дело, а очень многим нравится, и залы на демонстрации этого фильма всегда полны, так что давайте о вкусах не спорить.

А по-моему, необходимо спорить о вкусах. Залы полны именно потому, что дурной вкус прививается гораздо легче, чем воспитывается вкус хороший. Помните об этом тем более необходимо, что подавляющее большинство зрителей, собирающихся на сеансах фильма «Пришла и говорю», — молодежь, чаще всего совсем юные девушки и парни. Вкусы у юных еще не устоявшиеся, и я уверен в том, что из них можно воспитать как людей с хорошим вкусом, так и неспособных отличить пошлость от настоящего искусства. За воспитание хорошего вкуса несут ответственность прежде всего исполнители, особенно такие популярные, как Алла Пугачева. Но ведь и не только исполнители, а и критики, журналисты, старшие товарищи, не говоря уж о родителях.

Конечно, короткой беседой об одном фильме вопрос не решишь. Формирование художественного вкуса человека — процесс длительный. Но, в первых, всегда надо с чего-то начать, а во-вторых, в данном случае ситуация представляется мне — не хотелось бы сгущать краски — прямо-таки тревожной, потому что речь идет не о вкусе одного какого-то человека, а о массовом явлении. Ведь может так случиться, что подобная безвкусица повлияет на восприятие искусства целым поколением юных «ценителей шика и модерна».

Обращаясь в журнал «Смена», который я выписываю уже десять лет (впервые подписался, когда учился в девятом классе), я преследовал одну единственную цель: призвать молодых любителей эстрады, с такой восторженностью встретивших фильм «Пришла и говорю», отдать себе отчет в том, что не все прекрасное так ярко блестит и так громко о себе говорит, что нельзя подменять настоящие музыкальные фильмы такими безвкусицами, как этот, — последнее относится, конечно, не к зрителям, а к создателям фильма.

**Игорь БОДНАРУК,
инженер, Одесса**



Николай ЛЕОНОВ
ПОВЕСТЬ

НА ДОБРЕЧЕН ПОБЕДУ

Астахов отвез Нину Маевскую в Кривоколенный переулок. Выйдя из дома, девушка замолчала, знала: Павла не остановить, лучше подчиниться, он всегда и во всем добивался своего.

— Из дома не выпускай, к шести утра отвези в аэропорт, проводи до трапа, — сказал Астахов. — Мне там появляться нельзя.

Хозяин дома тряхнул кудрявой головой.

— Я тебя понял. — Подтолкнул Нину к дому, и она оказалась сразу на крыльце.

Астахов больше ничего не сказал, кивнул и уехал, у него на сегодня еще были дела.

На следующий день, сразу после тренировки, он поехал в район новостройки. Он немного опоздал, у подъезда пахнувшего сыростью дома, среди разбитых бетонных плит стоял грузовик, нагруженный мебелью. Трое парней в стареньких тренировочных костюмах разгружали мебель. Павел быстро переоделся, включился в работу.

Получил квартиру товарищ Астахова Андрей Ткаченко, которого сразу можно было узнать по суетливым движениям, командному голосу и по тому, что таскал он меньше всех.

Работали тяжело, ремней и иных приспособлений не было. Громоздкие вещи в узких пролетах разворачивались впритирку и то, если их поднимали на вытянутых руках.

Этаж был третий, без лифта.

Один из «грузчиков», метатель молота или толкатель ядра, положил на спину холодильник и шел по лестнице, роняя с лица тяжелые капли пота.

Наконец подняли последнюю этажерку, последнюю связку книг. На кухне поставили стол, развернули газетные свертки с нехитрой закуской, открыли четыре бутылки с молоком.

Хозяин поднял стакан.

— Спасибо, ребята.

— Это тебе спасибо, Андрюша. — Метатель глотнул из бутылки половину, вытер губы ладонью. — Ты же мог и стенку приобрести, и квартиру получить не на третьем, а, скажем, на седьмом. Без лифта.

Все рассмеялись. Гигант опорожнил бутылку, опустил руку, достал из-под ног полную.

— Смеемся, а Игоря схоронили... — сказал хозяин.

Неловко молчали, стараясь не смотреть на Астахова. Гигант хлебнул молока, загудел:

— Паша, я парень простой. Болтают, мол, тебя тянут... Скажи, мы не позволим.

— Ты, Коля, как твой молот, — обронил хозяин и хлопнул парня по гулкой спине. — Тяжел и незатейлив.

— Андрей, ты машину когда получаешь? — вкрадчиво спросил Астахов.

— Жду открытку. — Хозяин просветлел лицом. — Какую дадут? Может, шестерку? Я десять штук на книжке зажал. Жду.

— Значит, десять тысяч у тебя есть, — так же вкрадчиво протянул Астахов.

— У меня, Паша, всегда есть, — довольно ответил хозяин.

— А машину с грузчиками нанять? — спросил Астахов.

— Ты что? — Хозяин поперхнулся. — Попрекаешь? А дружба?

— Друга беречь надо, а не разменивать на рублики, — сказал Астахов.

— Чемпион! Эгоист! — Хозяин встал. — Весь праздник испортил.

— Это верно. — Один из молчаливых все время спортсменов поднялся. — Николай незатейлив, Павел — эгоист, а мы с Витьком просто дураки. Бывает.

Все встали, пошли к выходу, метатель вернулся.

— Не сердчай, устали. Живи, радуйся. — И пошел догонять товарищей.

Когда снимали отпечатки с колес его «Волги», Астахов жалел, что нет здесь московского сыщика.

Все-таки, что ни говори, а кто милиционером родился, тот милиционером и умрет, рассуждал Павел, наблюдая, как работают эксперты. Нины нет, колеса он заменил, ему было спокойно. Так малый ребенок, чиркнув спичкой, видит только заворачивающийся огонек, пока не пахнет жаром и не будет поздно. И успеют ли сильные руки вынести его в жизнь?

Когда прокурор, выслушав Леонидова и придирчиво прочитав документы, вздохнул и подписал постановление об избрании меры пресечения в отношении Астахова Павла Александровича — заключение под стражу, — герой разговаривал с Ниной Маевской по телефону.

В Киеве, как и должно, принял ее по высшему разряду, поселили в люксе на Крещатике, цветы, театр. Красиво. Девушка разговаривала с Павлом мило, а он понимал, что все между ними кончено. Почему кончено, он не знал. Внутри было пусто, холодно и спокойно. И хватит сантиментов, пора в Москву, здесь жить больше нельзя, от внимания деградирую, не человек, а бабочка, булавкой прищипленная.

Заснул Астахов, как обычно, сразу. Сны он видел редко.

Только поднялось солнышко, город вызвал на свои улицы дворников и поливочные машины, начал умываться, прихорашиваться.

В шесть Астахов выбежал в сквер.

— Паша, привет! — Дворник поднял метлу.

Вернувшись с пробежки, Павел включил магнитофон, совсем тихо зазвучала музыка. Он принял душ, надел тренировочный костюм с буквами «СССР» на груди — на улице надевать стеснялся, — начал готовить завтрак и одновременно стол для занятий.

Движения его были, казалось бы, осторожными, поставил чайник и сковородку, достал из холодильника масло и два яйца, взял тряпку, перешел в комнату, протер стол, положил на него стопку учебников, тетрадь и ручку. Вернувшись на кухню, разбил на сковородке яйца. Вот тогда в дверь позвонили.

Астахов открыл дверь, на пороге стоял Кепко.

— Петрович! Заходите. Завтракать будем! Какими судьбами...

Анатолий Петрович переступил порог, залепил Астахову такую пощечину, что голова у него мотнулась в сторону.

В комнате Кепко сказал:

— Одевайся, едем в прокуратуру.

На кухню горела, чадила яичница.

10. Как ищут убийцу

Ищут ягоды и грибы, ищут полезные ископаемые, убийцу устанавливают и задерживают. Причем задер-

жание не есть победа добра над злом. Требуются доказательства, причем непроверяемые, иначе как задержал, так и отпустил, а в личных делах «задержателей» появятся нелестные и не облегчающие их дальнейшую жизнь слова. Поэтому бытующее среди некоторых обывателей мнение, мол, милиции главное — схватить и посадить, не соответствует действительности. Любой сотрудник уголовного розыска знает: не задержал преступника — поругают, задержал необоснованно, бездоказательно — изобьют. Человеку свойственно из двух зол выбирать меньшее.

Когда Анатолий Петрович Кепко привел Павла в прокуратуру, старший оперуполномоченный Гуров сидел в соседнем кабинете и рассуждал, что установить убийцу, может, и удастся, как только Астахов заговорит, в конце туннеля появится свет, а вот с доказательствами будет совсем плохо. Трудно предположить, что человек, совершивший убийство с заранее обдуманным намерением, если на него строго и осуждающе посмотреть, рухнет на колени, начнет раскаиваться и писать чистосердечное признание.

Странное дело, о розыске преступников говорят много, а о розыске доказательств практически не говорят. Классическая формула такова: оперативник — обязательно самбист и стрелок экстра-класса — опускает мозолистую руку закона на плечо преступника и говорит: «Финита ля комедия». Преступление было совершено так-то и так-то, перед выходом на дело преступник ел шпроты, штаны на нем были серые, ботинки одинаковые, запереться бесполезно.

Возможно, так случается, и Гурову просто в работе не везло. Даже в самых очевидных случаях после задержания преступника необходимо было разыскивать доказательства. Порой доходило, казалось бы, до парадоксов. Но так только казалось, на самом деле сбор доказательств является не чем иным, как элементарным соблюдением законности.

Ожидая, пока прокурор закончит беседовать с Астаховым, Гуров вспомнил один случай. Лева только начал работать в уголовном розыске, как на обслуживаемом им участке объявился специалист по «разуванию» автомашин. Заявления поступали поутру, когда владельцы безгаражного автотранспорта выходили к своим дорогостоящим дитятам. Те стояли на аккуратно уложенных кирпичах, колеса «уехали» в неизвестном направлении. Довольно быстро Лева «специалиста» установил, сделать это не составляло особого труда, так как его знали на территории очень многие.

«Специалист» при встрече на улице с Левой раскланивался, владельцы стучали кулаком по столу, писали в инстанции длинные, обличающие милицию заявления. Гуров работал, это хорошо знакомое всем понятие в приложении к сотруднику уголовного розыска означает, что он бегал по территории днем и ночью. Днем он искал место, где колеса закончили свое путешествие, ночью пытался задержать «специалиста» в момент проведения операции. Начальство перешло с Гуровым на «вы» и называло лейтенантом, жители района поглядывали презрительно. Публика, имеющая бронированные места у лианых палаток и винных отделов, относилась к Гурову насмешливо, но с пониманием. Давали советы: «Наплюй на частных, с них не убудет», «Загни Васюка — так звали «специалиста» — в кабинет и вложи ему по первое число, пусть сменит место боя, город большой, чего он к тебе прицепился». Через месяц с лишним Гуров задержал Васюка с колесами в руках. Он не бегал, не отстреливался, сказал, что жадность фрайера сгубила, и потащил колеса в отделение милиции.

Гуров давно установил: в отношении к задержанию преступников и к доказательствам люди четко делятся на две категории.

Те, кого обидели, и родственники, соседи, знакомые обиженных убеждены, что в милиции работают бездельники либо взяточники. Преступника знают все, вон морду отожрал, посмеивается, а милиция плевать, она и не чешется. Распустили народ, какие-то доказательства ищут, брать надо и сажать, все безобразия от попустительства.

Иная категория — родственники, друзья, знакомые задержанного. Они поголовно оказываются гуманистами и зрудитами. На свет появляются слова: алиби, беззаконие, презумпция невиновности. Некоторые выражаются проще: ты докажи сначала, потом хватай. Не видел, не знаю, не помню, невиновный я, вещи на улице нашел, деньги враги подбросили. Советская власть не позволит, конституцию не отменяли, дай бумагу, буду писать прокурору.

О своем разговоре с тренерами, в особенности о его начале, Лева вспоминал неохотно. Он предвидел, что встретят его неласково, но такой ярости не ожидал.

Лева давно приметил: правду узнают сразу, как хорошего знакомого, которого хотя и не видели некоторое время, но прекрасно помнят в лицо.

— Положение у меня сложное. Пришел я к вам неофициально и на ваши прямые вопросы, говоря честно, могу ответить только ложью. Поэтому вопросы вы лучше не задавайте. Я же вам буду говорить только правду, но в том ограниченном объеме, как позволяет мой служебный долг.

И наступила тишина. Лева встал, прошелся по комнате, вздохнул и начал:

— Павел Астахов запутался во лжи и изобличен. Сегодня прокурор принял решение, которое мне неизвестно. Я не обольщаюсь и вам не советую. Человека убили, виновный должен быть наказан. Извините, что декламирую прописные истины, но складывается впечатление, что вы эти истины подзабыли. Никакие ваши ухищрения, ни высокопоставленные покровители помочь Павлу Астахову не могут. Завтра в девять утра он должен явиться к прокурору. Мое мнение: в создавшейся ситуации значительная доля вашей вины. Все. Как выражается многоуважаемый Илья Ильич Леонидов, разрешите откланяться.

И тут произошло непредвиденное.

— Стойте!— Забыв о радикулите, Олег Борисович Краев вскочил, обошел стол и, как говорят в определенной среде, «пошел в сознанию».

Какими благими намерениями руководствовался Краев, как сложна ситуация, Лева пропустил мимо ушей. Он выволил из гуци междометий и восклицательных знаков информацию о телефонном звонке Веры Теминой и бросил старшего тренера на произвол судьбы и на милосердие товарищей.

Прокурор, конечно, не отказал бы старшему оперуполномоченному, и тот мог присутствовать при явке Астахова. Гуров решил иначе и ждал в соседнем кабинете. Розыск преступника только начинался, с Астаховым необходим контакт, видеть его унижение не следует.

За полтора часа ожидания Лева успел вспомнить и вчерашний вечер и попытался смонтировать замысел и действия убийцы, представить — правда, безуспешно — его самого.

Наконец дверь открылась, в кабинет решительно вошел Анатолий Петрович Кепко, пожал Гурову руку, что получилось у него не театрально, а просто, по-человечески, и сказал:

— Мы виноваты, простите. Спасибо. Я всегда рад вас видеть. Потребуется — мы сделаем все возможное. До свидания.— И, не взглянув на топтавшегося у двери Павла, вышел.

— Здравствуйте, Павел,— сказал Гуров.

— Здравствуйте.— Павел с облегчением закрыл за тренером дверь.— Приказано все напечатать.

Гуров кивнул на соседний стол, где лежала стопка чистой бумаги и авторучка.

— Пишите.

Пока Астахов писал, события развивались своим чередом. Илья Ильич Леонидов попросил предоставить ему очередной отпуск, который необходим срочно, в связи с семейными обстоятельствами. Прокурор — «дружок» подполковника Серова — выполнил просьбу мгновенно. Дело принял к производству следователь Николай Олегович Фирсов.

Можно удивляться, но Леонидов столь резко изменению ситуации обрадовался. Явись подполковник и московский сыщик в прокуратуру с Теминой и Краевым завтра, когда Астахов находился бы уже в изоляторе, а город шумит, Илья Ильичу Леонидову секретарь обкома голову бы оторвал. «Значит, я с Астаховым промахнулся», — рассудил Илья Ильич, необходимо устраниваться и выждать, и он ушел в отпуск. Леонидов походил на щуку, которая бросилась на карася и чуть было не проглотила тройник, сорвалась и нырнула в камыши — ждать.

Следователь Фирсов дежурил в вечер убийства Лозянко, выезжал на место преступления, с Гуровым работал по делу о разбойных нападениях, Астахова знал, относился к нему с уважением, но без особых эмоций. Николай Олегович в свои сорок с небольшим был человеком опытным, спокойным, слыл среди товарищей буквоедом. Выслушав прокурора, он забрал пухлую папку с делом и отправился работать. Он заглянул в кабинет, где Астахов писал, а Гуров скучал у окна, тихо поздоровался. Гуров вышел в коридор.

— Пишет.— Гуров пожал плечами.— Потеряли трое суток, хотя в данной ситуации это вряд ли имеет существенное значение.

— Мне надо его официально допросить.

— А нельзя отложить на завтра?

Фирсов хмыкнул, задумался. Гуров взглянул недоважно, спросил:

— Объяснить?

— Да я понимаю. Так ведь написанное собственноручно — одно, протокол допроса — совсем иное. Эх!— Фирсов махнул рукой, словно собрался прыгать в холодную воду.— Действуйте. Пусть придет завтра, в десять. И чтобы Маевская, и Темина, и Краев.

Видимо, он был доволен собой, канцелярское выражение на его лице сменилось улыбкой, Фирсов даже слегка хлопнул Гурова по плечу.

— Мы с вами сработаемся, Лев Иванович.

Гуров просмотрел объяснение Астахова мельком... Телефонный звонок... Приехал, увидел труп... Испугался за Маевскую... Протер бутылку и все выключатели и ручки. Инспектор не сомневался, все правда.

— Почему стаканы на столе не вытерли?— спросил он.

— Нина спиртное не употребляет и очень брезгли-

ва, она не возьмет такой стакан,— ответил Астахов.— Так я подумал вначале, позже жалел, что не вытер... Мало ли...

Он восстанавливался поразительно быстро. Плечи, недавно опущенные, развернулись, поднялся подбородок, взгляд упирался Гурову в лицо...

— Вы курите?

— Нет. Практически нет.

— Вы не оставляли в квартире Лозянко пачку американских сигарет?

— У меня есть сигареты «Уинстон», держу для гостей, но с собой не ношу.

Гуров сунул руки в карманы, прошелся по кабинету. Без Павла Астахова ты слеп и глух, уполномоченный. Необходимо вычерпать и из него, и из себя все накопившееся раздражение, опустошиться до доннышка и наполниться чем-то новым, свежим и добрым.

— Ты мне надоел, чемпион, сил никаких нет!— Гуров подошел вплотную.— Я тебя предупреждал, чтобы ты не лез на чужой стадион! Ты наделал дел и должен сидеть в тюрьме!

— Что?— Астахов чуть отстранился, тоже повысил голос.— Я? В тюрьме?

— И шиповки бы тебе даже не дали! И в туалет под конвоем! И спас тебя я! Я!— Гуров умышленно пережимал до крайности.

Никчемная реплика о шиповках выбила Астахова из колеи, он замотал головой, как боксер, пропустивший сильный удар. А Гуров неожиданно увидел сцену из снятого Беланом фильма.

— Поверьте, Павел, я не хочу вас обидеть, пытаюсь понять. Вы первый чемпион, которого я вижу не по телевизору. Я вижу в ваших глазах мысль, сознание. Тем парадоксальнее ситуация. Зачем вы живете? В чем смысл вашего существования? Каждодневные тренировки? Вы превратили себя в механизм, который борется за скорость. Борьба идет уже не за секунды, а за десятые и сотые... Но ведь вы человек. Существо духовное!

— Почему вы так со мной разговариваете?— спросил Астахов.

— Потому!— выпалил Гуров.— Ты покрываешь убийцу!

— Нет!

— Да!

— Я лгал! Признаю!

— Случалось, что ради спасения чести женщины мужчины шли на эшафот!

Они расхаживали по кабинету, кричали друг на друга. Дверь приоткрылась, Гуров рывком:

— Закройте дверь!— И тут сообразил, что заглядывал в кабинет прокурор.

Астахов, взвизгивая, распался.

— Я забыл, что не волен распоряжаться собой! Людью слишком много вложено в меня!

— Есть такое юридическое понятие: презумпция невиновности,— неожиданно тихим, но жестким голосом сказал Гуров.

— Вот именно!— Астахов выстрелил пальцем в собеседника.— Человек невиновен, пока не доказано обратное.

— А презумпция эта на всех распространяется?— ласково спросил Гуров.— Или как?

— На всех! Абсолютно!— Астахов, конечно, был наивен, беспомощен.

— Интересно,— бархатные нотки у Гурова исчезли.— А вы столько времени вралы — почему?

— Ну,— Астахов развел руками.— Я объяснил... Честь женщины.

— А для меня честь женщины не существует?— Гуров, как говорится, брал противника голыми руками.— Вы человек порядочный, а я подлец?

— Я не говорил...

— Хуже, вы так поступили,— перебил Гуров.— Вот, все люди хорошие: для всех существует презумпция невиновности. А сотрудник милиции еще ничего не сделал, а уже, как минимум, он тупое существо, которое понять ничего не способно...

— Я не говорил...

— Де-лал,— по складам произнес Гуров.

— Признаю, я вытер бутылку, телефон, дверные ручки...

— Спасибо, мне это все известно,— вздохнул Гуров.— И хватит, надо работать.

Астахов переключился быстро, взглянул на часы.

— На тренировку я опоздал, поеду в институт.

Когда они вышли на улицу, Гуров сказал:

— Совсем забыл, позвони в Киев, завтра утром Маевская должна явиться в прокуратуру. Краев и Темина тоже.— Он взглянул на часы.— Сейчас мы расстанемся, я немного от тебя отдохну, соберусь с мыслями, посоветуюсь с начальством. В семнадцать приходи в гостиницу «Центральная», номер двести двенадцать. Ни к чему, чтобы нас видели разгуливающими вместе, у вас не город, а общага, сильно перенаселенная квартира. И самолюбие свое, хоть оно и торчит у тебя поперек горла, проглоти, иначе никакого толка не будет.

Астахов улыбнулся, впервые улыбнулся Гурову,

улыбнулся очень персонально, кивнул и легко зашагал, привычно отвечая на приветствия земляков.

Для того, чтобы разыскать преступника, желательнее знать, кого ты ищешь. Так или примерно так начал свои рассуждения старший оперуполномоченный. На первом этапе розыска сотрудник напоминает двоенника, который, получив билет, бесконечно долго перечитывает условия задачи, словно количество повторений может привести к решению.

Астахова вызвали в квартиру, где лежал труп. Ригель замка был зажат, иначе Павел не смог бы войти.

В милицию в тот вечер звонили дважды. Можно с уверенностью предположить: в первый раз звонил убийца, желая, чтобы опергруппа застала Астахова в квартире. Второй раз звонил Астахов. Можно предположить, что цель убийства — компрометация Павла Астахова. Очень похоже, потому и личный мотив убийства не инсценировался под ограбление. Условия задачи достаточно ясны. Болтается пока с неясной целью пачка «Уинстона». На ней имеются годные к идентификации пальцевые отпечатки. Если они принадлежат Астахову, то ясно — пачка оставлена как дополнительная улика. Кто и с какой целью хочет уничтожить Астахова? Прямо на поверхности лежит зависть. Но завистники не убивают с заранее обдуманным намерением. А может, и убивают, только я не встречал. Моцарт и Сальери? Их создала фантазия гения, а мы ходим по матушке-земле. Что же еще?

Гуров налетел на мужчину, который нес авоську с картошкой. Она, слава богу, не рассыпалась. Лева прормотал извинения и пошел дальше.

Что можно сказать о преступнике, как выгладит его визитная карточка? Умен? Не факт. Смекалист, хитер. Похоже. Дерзок, хладнокровен. Возраст астаховский, возможно, чуть старше. Почему? Потому, что так кажется. Аргумент?

С таким незначительным багажом Гуров вошел в кабинет подполковника Серова. Задумавшись, Лева не поступал, а в кабинете находился прокурор. Точное его местонахождение определить было невозможно, так как он бегал перед столом, приплясывал, размахивал руками и кричал:

— Потому ты в этом кресле двенадцать лет?! И на пенсию ты вылезешь из этого кресла?! Люди, люди вокруг. С их слабостями считаться надо! А ты — как паровоз!

Гуров попятился, хотел тихонько прикрыть дверь, Серов остановил:

— Лев Иванович, заходите. Это не прокурор. Толик Макаров меня жить учит.

Макаров дверью хлопнул так, что торчавший в ней ключ вывалился, брякнулся на пол.

Серов был в мундире, при ордене. Воевать он по возрасту не воевал, однако имел «Красную Звезду», «Знак Почета», ну и положенные три медали за выслугу.

— В обкоме был,— пояснил он.— Тебя подстраховывал. Мало ли...— Неожиданно спросил:— Ты рыбак?

— Возможно, не пробовал.

Серов вышел из-за стола, вставил ключ на место.

— Не бойся, Лева, врагов. Они могут только убить. Бойсь друзей. Старо? Я нового придумывать не способен, чужим умом перебиваюсь. Отборочные соревнования ты выиграл, как дальше?— Он снял галстук, мундир повесил в шкаф, закатал рукава.

Гуров рассказал о своих соображениях. Серов слушал, кивал, подбадривая словами «верно» и «молодец». Когда Лева закончил, подполковник сказал:

— Мне говорили, что талантливый, я усомнился. Не прав, товарищ Серов, не прав. Как будем жить?

— Дружно,— ответил Гуров.— Вы — здесь работа. Я в Москве тоже без дела не останусь.

— Думаешь?

— Убежден. Борис Петрович, тут пахать надо, исследуя окружение Астахова, изучая его жизнь день за днем. Когда, где, при какой ситуации он нажил себе смертельного врага?

Гуров ожидал сопротивления, готовил дополнительные аргументы, сначала растерялся, потом даже обиделся, когда Серов сказал:

— Что же, прав ты, майор, возразить мне нечего, уговаривать стыдно. На чужом огороде можно поработать воскресным днем, до обеда, пока женщины на стол собирают. А навоз возить, перепахивать, поливать и пропальывать — дело хозяйское.

Гуров попытался уловить в тоне, взгляде подполковника подвох, ловушку, не нашел, вздохнул с облегчением.

— Ты с Астаховым в семнадцать встречаешься? Побеседуй напоследок, передай, что завтра после прокуратуры я его жду. Билетик я тебе закажу, в восемнадцать заеду в гостиницу, у меня повечерям. А то не по-людски, в гости не зову, ездить на тебе езжу, а не оглаживаю.

Павел пришел в гостиницу вовремя, они выпили по чашке растворимого кофе, съели пачку розовых

вафель, Гуров сказал, что завтра утром улетает, затем спросил:

— У тебя много врагов?

— Нормально, как у каждого.— Астахов задумался и добавил:— Может, чуть больше.

— Почему?

— Друзья—они как есть, так и есть. А каждая победа прибавляет поклонников и врагов.

— Интересно. Соперники способны тебя убить?

— Глупости. Здесь не проклятый Запад, наркотики в стакан не подсыплют.

— Тебя пытались убить. Ты что, так забегался, что мозги выветрились? Убить не физически...

— Извините, вы по профессии сыщик? Я вас не обидел?

— Я действительно сыщик.— Гуров пожал плечами и пошел в ванную мыть посуду.

Астахов вошел следом, взял полотенце...

Квартира у Серова была в новом доме, из таких в Москве города понастроили. Стандартная квартира, стандартная кухня.

Яичница тоже получилась вполне стандартная, сыр неизвестного сорта, не швейцарский и не голландский уж точно, уложили на тарелочку. Открыли банку, в которой было законсервировано нечто рыбное.

— Ты вылететь, я позвоню,— сказал Серов.— Запиши координаты. А чего ты неженатый? Солидный ведь мальчоночка. В твоём возрасте в войну дивизиями командовали...

— Христа уже распяли,— поддакнул Гуров.

— А может, уже разок хаживал? Теперь на воду дуешь?

— С вами женишься.— Гуров усмехнулся.

— У меня ребят двое, сын и дочка. Сейчас с матерью в деревне. Вот выйду на пенсию...— Серов замолчал, неожиданно спросил:— А что это ты все: Астахов, Астахов, а потом на сто восемьдесят и в обратную сторону?

— Неправда ваша, коллега,— ответил Гуров.— Я лишь утверждал, что Астахов лжет. А что он по затылку ударить неспособен, так вы лично мне подбросили.

В общем, ужин прошел, как пишут в газетах, в теплой и дружественной обстановке.

Как известно, все в жизни повторяется. Вернувшись из гостей, Лева начал укладывать чемодан, сказал дежурной, чтобы разбудили в шесть, от горячего молока отказался.

Вы же понимаете, что сборы Гурова—детские глупости, никуда он улететь не может. Убийцу не выявили, не уличили, а сыщик улетел? Так не бывает! И все это отлично понимают, только майор милиции Лев Иванович Гуров, наивный—качество при его профессии несколько странное,—предается несбыточным мечтам.

Он погасил свет, через окна падали причудливые блики от уличных фонарей. Но почему-то не ложился, бродил по своему роскошному номеру в одних трусах, когда зазвонил телефон.

— А я не подойду,—весело сказал Лева, потом сообразил, что звонок междугородный, и схватил трубку.

— Да! Слушаю! Рита? Добрый вечер, девочка! Что?—Он опустился в кресло.—Добрый вечер, товарищ генерал. Ночь? Да-да, у нас уже ночь. Где шляюсь? Лютики-ромашки собираю, Константин Константинович.—Некоторое время Гуров молча слушал, затем сказал:—Почему это я не могу отступить, Константин Константинович? Вы меня... Я тоже себя знаю. Я хочу домой! Вот! Я устал.—Он выслушал генерала.—Ничего нормального в этом нет. Извините, товарищ генерал... Вы не приказываете, даже не просите? Вроде это я сам не могу отказаться, отступить, пока не доведу дело до конца? Извините, Константин Константинович, я способен отступить и вылетаю утром в Москву. Я не прячусь. Спасибо. Спокойной ночи, Константин Константинович. Нижайший поклон супруге.

Лева был так взбешен, что разговаривал вслух:

— Он меня знает! Если генерал, так все знает! А чего он позвонил?—Гуров сел, взглянул на телефон.—Разыскал.—Лева вспомнил подполковника Серова.—Ах, ты, улыбчивый черт. Утром заеду! Провожу! Цветочки! Как же не стыдно? Фарисей!

Гуров схватил чемодан и швырнул его в угол.

11. Начальник отдела уголовного розыска подполковник милиции Серов Борис Петрович

Официально рабочий день в отделе начинается в десять часов, так называемые «пятиминутки» проводятся без пятнадцати десять. Сотрудники, у которых накопилась писанина, являются в девять. Серов

приходит в управление около восьми, а сейчас, когда семья в отъезде, и раньше.

Борис Петрович не выслушивается, знает, что в карьере достиг своего потолка, кабинет и кресло, которые он занимает, вполне его устраивают. Если для астаховских дедов среда обитания—лес, то для него—управление милиции. Если в городе тихо, он может уехать домой и в четыре, все знают, где его найти. Не дай бог, конечно, но, к сожалению, случается. В общем, он работает не по служебному расписанию, а по потребности.

Сегодня он пришел в плохом настроении. Хотя инцидент с Астаховым разрешился благополучно и генерал и секретарь обкома сказали ему добрые слова, Борис Петрович чувствовал себя отвратительно. Он начал писать рапорт в министерство, пытаясь в сухих, протокольных выражениях представить работу майора Гурова как можно лучше.

Серов родился в Москве в начале лета тридцать третьего года в роддоме имени Грауэрмана, что рядом с рестораном «Прага» на Калининском проспекте, который так любят показывать в программе «Время».

В сорок первом, только Борьке исполнилось восемь, началась Великая Отечественная, отца убили двадцать четвертого июня. Во время бомбежек мать с сыном сидели дома, в метро не ходили. Дом вздрагивал, бомбы падали густо. В аптеку, что стояла на углу Воровского, попали дважды, тонна свалилась в угловый дом напротив, сейчас там сквер. В них промахнулись. Потом налеты стали реже, фашистов погнало.

В школу Борька пошел в феврале сорок второго, заходил туда в основном, чтобы на большой перемене получить баранку или коржик. Схватив съестное, из школы уматывал. Дело у Борьки было невпропорот. О морозах той зимы всем известно, отопление не работало, в каждой комнате стояли самодельные жестяные печи, почему-то называемые «буржуйками». Что буржуйского видели в примитивном приспособлении, высовывающем в форточку коленчатый рукав, неизвестно. Буржуйка требовала дров, которые Борька, как горожанин, никогда не видел. Рядом находился разрезанный бомбой дом, квартиры, как соты,—стены ведь отсутствовали. Борька лез в дом и тащил оттуда «дрова»—стулья, килы журналов, обледенелые двери. Как он не сорвался с лестницы, где пролеты сохранились через один, неизвестно. Борька не знал понятия «мародер», но ни разу не взял из квартир ни одной вещи, которая бы не являлась топливом. Сегодня, вспоминая ту зиму, Борис Петрович удивлялся, почему он не открыл ни один шкаф—не в поисках наживы, а просто так, из любопытства. Он хорошо помнил, у него не было жалости к разрушенному человеческому жилью, и любопытства к этой чужой жизни тоже не было, он не помнит ни одной фотографии на стенах, а ведь они наверняка висели. Он приходил за топливом. Мебель и двери необходимо притащить домой и превратить в щепки, не имея топора, орудуя лишь молотком и стамеской. Вторая задача—отovarивание карточек: материнская—служащая, его—детская, отдельно продуктовые, отдельно хлебные. Без очереди в ту зиму можно было получить только синяк от такого же, как он, добытчика. В некоторые очереди записывались с вечера, тщательно подрисовывая на ладони стирающийся фиолетовый номер. Борька столько отстоял в те годы очередей, что сегодня Борис Петрович даже несколько человек у прилавка обходил стороной.

В конце войны он начал зарабатывать—если так можно назвать нехитрую спекуляцию. Деньги хоть и ничего не стоили, но нужны были. Предметом спекуляции являлись билеты в кино и папиросы. Отряд «единомышленников» выстраивался у кассы за час до открытия, билеты покупались обязательно «парами». Вечером такая пара «уступалась» офицеру с девушкой за пятнадцать рублей. Для справки: килограмм хлеба на рынке стоил сто рублей, а то и больше. Еще спекулировали папиросами, покупая у военных пустые гильзы и табак, набивали папиросы и продавали поштучно. Сколько стоила тогда папироса, Борис Петрович уже не помнит.

Перед Новым годом зарабатывали на елочных базарах—и честным трудом, и воровством. Объединенная «бригада» человек в десять около пяти утра собиралась во дворе дома напротив, сейчас там стоит памятник Гоголю, который по неизвестным причинам перевезли с его законного места в начале Гоголевского бульвара. Говорили, мол, памятник пессимистичен, больно Николай Васильевич голову наклонил, а в жизни был сатириком и весельчаком.

В войну памятник во дворе еще не стоял. Летом во дворе вдоль домов росли брюква, в середине был выкопан и заасфальтирован водоем для тушения фашистских зажигалок. Зимой тут катались на прикрученных веревками к имеющейся обшивке «снегурочках» и «гагах», перед Новым годом здесь располагался елочный базар.

Итак, «бригада» в сборе, зимой в пять утра холодно и темно. Фонари уличные, как правило, не горели, и тьму крошечную подсвечивала лишь белизна снега. Одежду, которую носили мальчишки, даже вспоми-

нать не хочется, а вспомнишь—не объяснишь, таких слов в сегодняшнем лексиконе нет.

Приезжали грузовики с елками, часть «бригады» разгружала, несколько человек находилось забором, ловили украденное и незаметно переброшенное. Тогда никто это воровством не считал и слова «воровать» и «спекулировать» среди ребят не употреблялись. За разгрузку полагалась елка официальная, все добытые елки прятались в холодных котельных и продавались тридцать первого утром. Еще существовал святой заработок, именуемый «подноской». За елками приходили только женщины, многие из них донести покупку до дома не могли. Тогда десятилетний грузчик хватал дерево и шagal с ним чаще всего в арбатские переулки, порой и черт знает куда, платили от трех до пяти рублей. Стыдно признаться, но окончание войны, канун Победы Борис воспринял как-то без особых эмоций. Девятого вечером его чуть не задавили на Красной площади. Жизнь продолжалась без перемен, борьба за существование начиналась ранним утром и заканчивалась вечером.

На школу времени совершенно не оставалось. Терпение кончилось у школы и у Борьки Серова одновременно, сразу после седьмого класса растались без фанфар и слез, спокойно и деловито. Так как тройки в аттестате не соответствовали Борькиным знаниям, он в техникум не пошел, начал работать. Паспорт ему еще не полагался, и Борька перебивался то помощником дворничихи, то грузчиком «по договоренности». Обмануть в послевоенные годы пацана не могли: как ударили по рукам, так и платили. В сорок девятом ему выдали паспорт, он устроился грузчиком на ткацкую фабрику.

Серов не имел склонности к философствованию и самоанализу. Но память о прожитых годах порой подбрасывала вопросы. Иногда он от них увертывался, делал вид, что не заметил, в иных случаях, когда это не помогало, он возвращался к тому времени, вновь становился Борькой Серым, пацаном сороковых годов, вспоминал.

Улица Сверстники. Голод. Стая волчат в поисках пропитания, драка за свое место. Дрались жестоко, лучше не вспоминать. Существовал незбываемый авторитет взрослых. Старая, лет пятидесяти, дворничиха крикнула, и они растяли в «сквозняках», хотя любой мог сбить ее с ног и у каждого было, чем это сделать. Девчонки не трогали, на них не обращали внимания. Борька ни ростом, ни силой, ни сверхъестественной смелостью не отличался, знал: отступившего бьют, и бросался первым, если успевал. Когда не успевал, залечивал раны, дважды отлеживался. Удивительно: кожа, местами обмороженная, да кости, о витаминах никто не слышал, но зарастало все, следов почти не оставалось.

Мать умерла, когда Борьке было четырнадцать. Врач и соседи что-то объясняли, он не понял да и не хотел понимать. Кладбище, чья-то рука на его затылке. Участковый, какие-то разговоры о детдоме. Борьку усыновила соседка, позже выяснилось, что никаких документов не оформляли. Он просто стал жить в своей комнате один, заходил к тете Клавде похлебать горячего, однако не каждый день.

В стае никто «профессионально», так сказать, не воровал, но он отлично помнит, как началось расслаивание, точнее, раскол. Отшли в сторону мальчишки из семей обеспеченных, которых сегодня называли бы нищими. Двое исчезли из дворов, потом их нашли на стадионе, где они за талончики на питание то ли бежали, то ли прыгали. Борька и еще двое начали искать работу, во дворе осталось трое-четверо.

Подполковник милиции Борис Петрович Серов, слушая застольные рассказы, как втягивают в воровскую компанию, отмалчивался. Его не втягивали, однажды провоцировали на «слабо». У промтоварного магазина на Арбате—сегодня его называют «старым»—разгружали фургон. Борька проходил мимо, его остановил Сенька-Голова, угощая папиросой, кивнул на машину. Однорукий инвалид и две тетки таскали небольшие тучки в бумажной обертке, перетянутой шпагатом.

— Что, Серый,—сказал Голова,—слабо унести?

— Я работаю,—не задумавшись, ответил Борька.

— И правильно.—Голова хлопнул его по плечу.—Иди работай, не отвечивай.

Больше никогда подобных предложений Борька не получал. Проходя двором, он прикуривал, угощался или угощал. «деловые» молча ждали, пока он уйдет. Их жизни разошлись, ни дружбы, ни вражды, как говорят сегодня, мирное сосуществование.

Голова с друзьями сели вместе, в одночасье, освободились порознь и стали садиться порознь, из Борькиной жизни исчезли.

Подполковник Серов не воевал, но сороковые годы забыть не мог.

Некоторых своих привычек он не то что стеснялся, а пытался их от семьи спрятать. Так, он раздражается, если жена готовит суп, когда не съеден вчерашний, незаметно доедает с тарелки дочери, которая лишь ковырнет и оставит. Он же не может усадить жену и детей на диван, водрузиться на стул напротив и сказать:

— Слушайте и запомните, ваш отец жил вот так... Когда в Москве открыли коммерческие магазины, стая еще не расколосилась, и они ходили на улицу Горького в филипповскую булочную смотреть пирожные. Они стоили более тридцати рублей. У Борьки натрогованный тридцатник имелся, однако купить никто и не помышлял, и они приходили смотреть.

Сын уже женат, выданы, а дочке двадцать, пока с родителями. Недавно приятель привез из-за границы туфли, они в его семье не подошли, и Серов туфли у приятеля купил и подарил дочке. Замшевые лодочки на высокой «шпильке». Дочь хлопнула в ладоши, чмокнула отца в щеку, надела туфли и отправилась в институт. Серов пошел в ванную и начал второй раз бриться. Трамвай, бульварная мостовая... Во что эти замшевые «шпильки» превратятся через две недели? Он, вернувшись из гостей, сразу снимает новый, лет пять назад купленный костюм, а то брюки на колениках вытягиваются.

Писатели-фантасты любят порассуждать, как сойдется встреча с иной цивилизацией и на каком языке мы начнем общаться.

Борис Петрович не читал Тургенева, разве что рассказы, и не задумывался над проблемой «отцов и детей». Он знал: его жизнь рассекла война и словно долбками нарезала поколения. Особняком стояли фронтовики, некоторые из них старше Серова всего на восемь — десять лет. Они были на «ты» и во всем равня, пока рядом не оказывались другие фронтовики и ненадолго не возникал разговор о войне. Серов сразу замолкал и отстранялся. Они знали, чего он не знал и что объяснить нельзя, о чем с посторонними и говорить невозможно.

Затем следовала «долька» серовских ровесников и тех, кто моложе, но успевших в детстве хлебнуть.

С родившимися в последние годы войны, к примеру, с женой Настенькой, хотя уже не во всем, но язык общий найти можно.

В силу своей профессии Серов не работал на целине и в БАМе, имел дело с молодежью специфической и редко встречающейся. Слова «бабки», «телки», «кошелки», «фирма» и прочие подполковник понимал, а произносивших эти слова понять не мог, хотя и очень старался. Однажды, когда он собственной дочери несколько раз напомнил, что надо разморозить холодильник, она раздраженно ответила:

— Папка, ты такая зануда, сил никаких нет. Я доживу до пятидесяти, потом застрелюсь.

Голова и его дружки пропали в колониях, не разобрались в себе, в жизни, Серов их не оправдывал, но понимал: они по-своему, но боролись за существование, пытались выжить за счет других людей. Так ведь «выжить», а сегодняшние? Ткнуть ножом человека за джинсы, «фирму», чтобы лишний раз сходить в «кабак»? Обмануть, взять в долг и не отдать? Во времена Борьки Серова за такое свои бы прибили.

Борис Петрович не знает, как он будет общаться с инопланетянами, он с «редко встречающимися» и собственной дочерью разобраться не может.

Итак, Борис Серов, получив паспорт, устроился на работу грузчиком. В положенный срок его призвали в армию. Служил нормально, не отличник, но и не из разгильдяев, получил шоферские права и сержантские нашивки, вернулся на гражданку.

В милиции Борис Серов начал работать в двадцать один год шофером. Улицу он не только знал и понимал, он улицу чувствовал, почти любая уличная ситуация была ему хорошо знакома. Стоило взглянуть на подворотню, он знал: проходной двор или нет. Жизнь подготавливала Бориса Серова к оперативной работе, он из окна машины мог в проходящем по тротуару парне определить карманника и удивлялся, как другие этого не видят. «Да вы взгляните, как он идет, как голову держит, точно говорю, «щипач», не сомневайтесь». За рулем он просидел всего три месяца, после пяти задержаний его зачислили в опергруппу отделения милиции. Потом была школа милиции. Серов обладал еще одним редким и очень ценным для оперативника качеством: мог, не предвзято удостоверения, не надрываясь в свисток, унять любого пьяницу и скандалиста, хулигана и «вора в законе». Стоило Серову у пивного ларька, где начиналась драка, сказать несколько фраз, как ситуация разряжалась. Это происходило примерно так:

— Деретесь? Неумело деретесь. Ты, парень, солидный вор, а ведешь себя, как саяка. Стыдно за тебя. А у тебя и есть-то на одну кружку, у жены спер, сейчас прольешь. А ты выдохни, иначе лопнешь. Зайди ко мне в десятую комнату завтра поутру. Адрес сказать? Знаешь? Ну и молодец.

И «клиенты» затихали и провожали Серова уважительными взглядами.

В двадцать четыре года он впервые оказался на юге. В гагринском парке у чебуречной познакомился с Настенькой. Они влюбились друг в друга сразу, живут вместе двадцать девять лет и еще не успели серьезно поссориться. Настенька родилась и жила в Городе. Она, как и Борис, была сирота и жила с престарелой бабушкой. Оставить ее одну Настенька не могла. а

переезжать в Москву бабушка не желала. «Тут на этом кладбище мой отец с матерью, дочь, место мне определено. Схороните и куда хотите езжайте». Так лейтенант Борис Серов появился в Городе. Сначала о переезде в Москву поговаривали, потом перестали. Борис Петрович уже стал дедом, Москву вспоминал, но ностальгией не мучился. Здесь он считался своим, отцы Города его знали, и, если бы не характер, был бы он давно полковником и, как минимум, заместителем начальника управления. Но через себя не перепрыгнешь, какой человек к тридцати годам есть, таким и помрет. Для восхождения по служебной лестнице Борис Петрович обладал серьезнейшим недостатком. Он к месту и не к месту говорил то, что думает.

Странное дело, слыл подполковник лукавым хитрецом, таковым, видимо, и являлся. Однако хитрил он и лукавил только в вопросах второстепенных и только с подчиненными. Ну, к примеру, убедить человека, что неинтересное и второстепенное дело является наиболее важным, что отпуск в ноябре значительно интереснее, чем в июле. Или еще что-то в этом духе...

Стоило Борису Петровичу оказаться в «кабинете с ковровом», как подполковник разительно менялся, становился прямолинейнее, порой дерзок. Недостатки свои он знал, даже пытался перевоспитываться. Порой ему удавалось промолчать, но получалось в результате только хуже. «Видели, даже рта открыть не желает, вся рота идет не в ногу, один Серов в ногу, либо просто не идет, на месте стоит, как памятник себе». Когда данное качество Серова сформировалось окончательно и он его осознал, вновь попытался было с собой бороться, очень быстро устал и бессмысленную затею бросил.

Большинство руководителей Серова ценило, некоторые даже весьма, но как есть он начальник отдела и подполковник, так пусть и будет, лучше его мы не найдем, а выше ему подниматься ни к чему: с ним не договоришься, ждешь от него можно невесты чего.

Вот с таким человеком и свела жизнь старшего оперуполномоченного Гурова. Вчера Серов позвонил в Москву генералу Турилину, беспокоить начальство он никогда не боялся. Константин Константинович выслушал его и сказал коротко:

— Хорошо. Он останется. До свидания.

Сегодня Серов пришел в кабинет еще раньше обычного, написал на Гурова аттестацию по ликвидации группы, мучился над вторым рапортом. Что в министерстве майора Гурова серьезно отметят, Серов не верил. Ну, похлопают парня по плечу, в лучшем случае объявят благодарность, на этом все и кончится. Работает парень на «дядю». Однако решение свое Серов считал правильным и менять его не собирался. «Бумага» у Серова не получалась, слова выползали то напыщенные, то безликие, подслеповатые. Он маялся, смотрел на часы, решал: может, машину за Гуровым послать? Недописанный рапорт он наконец спрятал в стол, позвонил на квартиру следователю Фирсову.

— Здравствуй, Олегович. Серов говорит. Кончай кофейничать или чаевничать, приходи ко мне, помощь твоя нужна.

— Слушай, Борис, — ответил Фирсов. — Я еще не в курсе дела. В папке полно мусора, главные свидетели не допрошены...

— Мне твои знания дела пока ни к чему, — перебил Серов. — Ты мне сейчас сам как свидетель нужен. И не часто я тебя прошу.

— Хорошо, через полчаса явлюсь. — Фирсов сухо рассмеялся. — Непредсказуемый ты мужик, Борис! — И положил трубку.

Хотя от «Центральной» до управления можно дойти не торопясь минут за пятнадцать, Серов послал за Гуровым машину.

Следователь прокуратуры Николай Олегович Фирсов был у него даже раньше чем через полчаса. Поздоровавшись, спросил:

— Борис Петрович, вы, конечно, знаете, что я сухарь и буквоед?

— Ведомо. А мы давно на «вы» перешли?

— Я, Борис, к тому тебе напоминаю, чтобы ты свои просьбы соразмерял с моим скверным характером. Какого свидетеля ты собрался из меня сделать?

И, как в театре, на прозвучавшую реплику открылась дверь и вошел Гуров.

— Здравствуйте, — он поклонился Фирсову, повернулся к Серову, но тот его опередил. Оттолкнув кресло, вышел из-за стола и заговорил громко, словно с трибуны:

— Ну, виноват! Виноват! А ты прости меня! Я не со зла, а для пользы дела! Я не трус и не самодур!

Гуров приготовил речь, но от такого напора растерялся, да и Серов не давал ему слова вставить.

— Убийца сидит в биографии Астахова. У тебя с Павлом контакт, которого не установить ни мне, ни тем более прокуратуре. Следователь каждое слово

записывает, а тут надо часами разговаривать, необходимо по жизни Павла на четвереньках ползать, во все тайные уголки заглянуть и к каждому его знакомому принахаться. И лучше тебя это никто сделать не может. И не потому, что ты гений, а так жизнь легла. Я старше тебя и по возрасту, и по званию. При свидетелях, вот прокуратура сидит, извиняюсь! Все! Ты доволен?

— В восторге. — Запал у Гурова пропал, надо бы ему благородно промолчать, не сумел, слишком тщательно готовился. — Борис Петрович, а вы слышали, что земля круглая и вертится?

— Ходят слухи. — Серов взглянул на следователя Фирсова, удобно расположившегося в партере. Он перекинул ногу на ногу, скрестил руки на груди и старался все запомнить дословно, чтобы с юмором разыграть всю сцену перед прокурором.

Фирсов посмотрел на Гурова, даже чуть кивнул: мол, валяй, сейчас твоя реплика.

— В один прекрасный момент, — Гуров склонил голову, казалось, заглянул под стол, словно именно там находился «сей прекрасный момент», — земля повернется так, что представит мне возможность с вами поспотеть за ночной звонок генерала Турилина.

— Ну-ну, — тихо сказал Фирсов, но его не услышали.

— Когда ты чужими руками удавил Астахова, то можно. Когда я тебя чуть прижал чужими руками... Так больно?

— Я спасал Астахова! — вспыхнул Гуров.

— А я спасаю тебя. — Серов победил, развеселился и уже не просит, а поучать начал: — Сейчас отступишь, через годы станешь краснеть, себя не уважать... Ты мужик... Ты должен.

— Насчет долга звучит очень свежо, — сказал Гуров. — Может, перестанем выяснять отношения, для разнообразия и поработаем?

— Чтобы не забыть, коллеги... — Фирсов улыбнулся Гурову. — Целесообразно организовать по телевизору короткое интервью с Астаховым. Скромное, деловое. Уймется разговоры, а убийца, возможно, засуетится, возможно, и подбросит нам что-нибудь. Как?

— Молодец. — Серов вернулся к столу, сделал в блокноте запись.

— Маевская из бегов вернулась, — сказал Фирсов. — Сегодня я ее допрошу подробнейшим образом, хотя особых надежд на нее не возлагаю. Допрошу тренера Краева, Веру Темину, естественно, передпрошу Астахова. — Он взглянул на часы. — Мне уже нужно идти. Если мы берем как рабочую версию, что убийство совершено с заранее обдуманным намерением и имеет своей целью компрометацию Астахова, подумайте, почему оно совершено в данный вечер. Если причиной тому ссора Астахова с Лозянко у аэровокзала, то мы можем максимально сузить круг подозреваемых. Теоретически можно предположить, что убийца ссоры не видел, а узнал о ней от третьего лица. Я вам рекомендую заняться в первую очередь очевидцами; если это ничего не даст, начните расширять круг. Если у меня появятся хотя бы малейшие новости, незамедлительно сообщу.

Следователь ушел, розыскники остались вдвоем.

— Пожалуйста, Борис Петрович, попросите ваших ребят составить списки очевидцев ссоры, — сказал Гуров. — И характеристики на каждого.

— Не беспокойтесь, Лев Иванович, я своих ребят очень попрошу, и к четырнадцати часам все материалы окажутся на вашем столе.

— Благодарю вас, товарищ подполковник. — Гуров кивнул и пошел к дверям.

— Брось дурака валять, давай, Лева, поговорим.

— А кто же станет на четвереньках ползать по жизни Астахова?

— Павел сейчас в прокуратуре.

— А он мне пока не нужен. — Гуров вышел.

— У каждого самодушество, норы! — сказал Серов закрытой двери. — Только у меня ничего нет! — Он позвонил дежурному. — Вызвать весь оперсостав — живых, ходячих больных, отпускников, не успевших смотаться из Города. Даю на все тридцать минут! Я их просить буду!

Продолжение следует.

Рисунки
Владимира
РОДИНА



28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

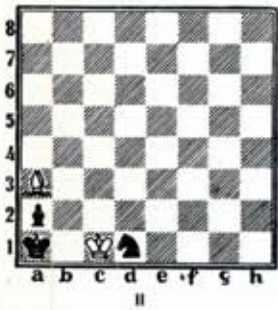
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ХОЗЯИН ДИАГОНАЛИ

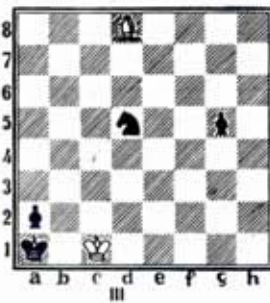
Один слон в чистом поле не воин. Даже при поддержке своего короля он не может создать смертельных угроз королю неприятеля. Другое дело, если вражеский король попал в матовую сеть на поле одного цвета со слоном. Тогда берегись его кинжального удара! Слон — хозяин диагонали, и ни конь, ни ладья не могут противостоять быстроте его маневра.

Четвертый тур

Белые: Крс1, Са3 (2)
Черные: Кра1, Кd1, п. а2 (3)
Мат в 4 хода (2 балла)



Белые: Крс1, Cd8 (2)
Черные: Кра1, Кd5, пп. а2, g5 (4)
Мат в 5 ходов (2 балла)



Белые: Крс1, Сb4 (2)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 4-й тур». В ответах на все три задания можно не указывать последние, матующие ходы решения. Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 1 мая.

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

Четвертый тур ДАМОЧНОЕ ОКОНЧАНИЕ

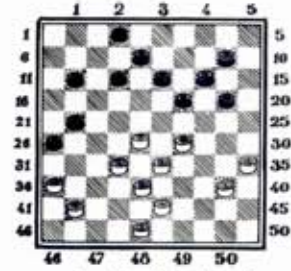
Читатели уже знают, что в международных шашках для поимки одинокой дамки необходимо, как правило, четыре единицы. В практике часто встречаются позиции, когда дамка борется против четырех простых. Ее задача сводится к тонким маневрам, сдерживающим продвижение превосходящих сил противника.

В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 4 балла).

Черные: Кра1, Лс8, Cd1, пп. а2, с2 (5)
Мат в 5 ходов (4 балла)



А. ШИШКИН, г. Горький.



Ответы на задания четвертого тура присылайте с пометкой: «4-я шашечная олимпиада. 4-й тур, «100». Каждое задание на отдельной открытке.

Рассматриваться будут ответы, отправленные до 1 мая (по почтовому штемпелю).

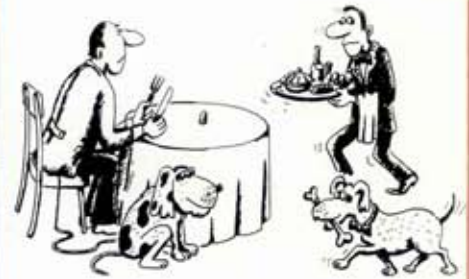


Рисунки

Джамиля ТАИРОВА,
Москва

Владимира АДАМОВИЧА,
Херсон

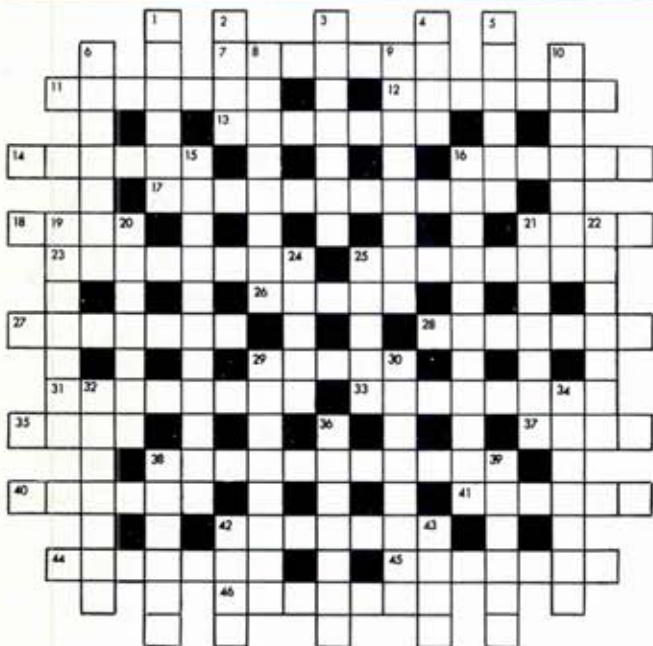
Олега ТЕСЛЕРА,
Москва



— БЕЛЫЙ ЛАМК ! КО МНЕ !..

К Р О С С В О Р Д

Составил
Д. ГЕОРГИЕВСКИЙ,
Москва



По горизонтали:

7. Собака А. Гайдара в «Золотой розе» К. Паустовского. 11. Город в Литовской ССР. 12. Глубокое озеро в Казахстане, в котором разводят рыбу. 13. Итальянский музыкант, изобретший гамму. 14. Древнее государство на Кавказе. 16. Армянский философ, поэт и политический деятель XI века. 17. Ленинградское производственное объединение. 18. Ткань для шитья армейского обмундирования. 21. В Малайзии — рингит, в Японии — ... 23. Один из самых известных зарубежных карикатуристов XX века. 25. Персонаж романа А. Фадеева «Молодая гвардия». 26. Острова, где долго жил и творил Р. Стивенсон. 27. Бродяга в опере М. Мусоргского «Борис Годунов». 28. Мелководное военное судно. 29. Красная свекла. 31. Радужная игра цветов в драгоценном камне. 33. Дикая роза. 35. Работница легкой промышленности. 37. Культура эпохи неолита, названная по селению близ Ашхабада. 38. Инструмент, по форме близкий к пианино, по звучанию — к органу. 40. «Там врагу ... поставлен прочный» (из песни). 41. Зерновая культура, родина которой Передняя Азия. 42. Спутник Сатурна. 44. Эстрадный театр, возникший в конце XVIII века в Париже. 45. Контейнер на колесах. 46. Линия на карте, показывающая места с одинаковым сроком цветения одного или группы растений.

По вертикали:

1. Спортивная борьба. 2. Составная часть философских систем Индии. 3. Совокупность изобразительных средств музыкального произведения. 4. «Насмешек гибельное ... броню железную встречало под самолюбием его» (М. Лермонтов. «Монго»). 5. Роман А. Куприна. 6. Картина Караваджо. 8. Порт на юге Мексики, не раз в средние века атакованный пиратами. 9. Бак для горючего. 10. Средневековый ученый, при котором астрономической «столицей мира» был Самарканд. 15. Яркая синяя краска. 16. Наука о ледниках. 19. Твердый материал для обработки деталей или инструментов. 20. Поэтический жанр, встречающийся у Н. Гнедича. В. Жуковского, А. Сумарокова. 21. Штат США. 22. Пила, необходимая садоводу. 24. Город, недалеко от которого в тихом уединении Аркуа писал Франческо Петрарка. 25. Калийное удобрение. 29. Опровергнутая гипотеза о том, что все живое происходит только от живого. 30. Единица мощности. 32. Прибор для регулирования параметров тока. 34. Первая стадия любви. 36. Хранилище оружия и боеприпасов. 38. Тончайшее изделие из алюминия. 39. Первичное подразделение организации. 42. Углеродородное соединение. 43. Плотная шерстяная ткань.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 4

По горизонтали:

1. Егерь. 5. ...удаль... 9. Лекиф. 12. Козьма... 13. «Эрнани». 14. ...область... 15. Болеро. 17. Тундра. 18. Крузенштерн. 21. Барбарис. 23. Воткинск. 25. Канон. 26. Австрия. 27. Жигалка. 28. Сомов. 30. Распадок. 31. Решотка. 35. «Шоколадница». 39. Юпитер. 40. Анналы. 41. Угломер. 42. Зурнач. 43. Курица. 44. Иодль. 45. Инвар. 46. Холст.

По вертикали:

2. Газель. 3. Ремарк. 4. Украина. 6. Дергун. 7. Леандр. 8. Якоби. 9. Лабазник. 10. Фитотрон. 11. Титан. 16. Организатор. 17. «Трактирщица». 19. Протест. 20. Анданте. 21. Бювар. 22. Садок. 23. Ворот. 24. Кукша. 28. Солонгой. 29. Врангель. 32. Маконд. 33. Гюрза. 34. Цитрин. 35. Шемаха. 36. Антуко. 37. Хариус. 38. Рысак.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 20.01.86. Подписано к печати 03.02.86. А 01920. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1165000 экз. Изд. № 595. Заказ № 2280. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СПОРТИВНЫЙ АВТОГРАФ

Стремление к совершенству, неустанный поиск, высокая оценка сил — вот те, необходимые для победы, элементы шахматного искусства
А. Гантварг



АНАТОЛИЙ ГАНТВАРГ

Прежде всего благодарим вас, дорогие друзья, за активное участие в подготовке публикаций в рубрику «Спортивный автограф». Ваши письма очень помогают нам в выборе тем, имен выдающихся спортсменов, чей путь к почетному пьедесталу — школа мужества и мастерства.

О четырехкратном чемпионе мира по шахматам Анатолии Гантварге «Смену» просили рассказать М. Квициния (Сухуми), А. Панкратов (Чита), Г. Маликова (Алма-Ата), Т. Федосеев (Ангарск), Н. Первозчикова (Минск) и другие читатели. Ждем ваших писем, уважаемые любители спорта.

Это случилось двадцать с лишним лет назад. Ситуация чрезвычайная. Когда все победы, звания чемпиона мира по шахматам Анатолия Гантварга были еще далеко впереди, в один день и час в его жизни столкнулись два спортивных увлечения, которым он в равной мере был тогда предан, — футбол и шахматы. И так, финиширует чемпионат Белоруссии по шахматам. Анатолий выступал прекрасно, и если бы ему удалось набрать полтора очка в двух оставшихся турах, он становился мастером спорта. В пятнадцать лет, согласитесь, это не так уж плохо. Он набрал бы эти полтора очка, но... в эти же дни проходил чемпионат Минска по футболу, и здесь тоже предстояла важная игра, и многое в ней зависело от нападающего Анатолия Гантварга.

До какого-то момента ему еще удавалось играть, как говорится, на два фронта — он успевал и на футбольное поле, и в зал, где происходили шашечные баталии. Это даже увлекало, собственные возможности казались безграничными. И вдруг неожиданность — очередная партия и футбольный матч назначены на один день и почти на одно и то же время. Анатолий опять решает успеть и туда, и сюда.

Но судьба решила сыграть злую шутку — на футбольный матч опоздал судья. Игру отложили, ждали судью, маялись, нервничали, наконец, судья нашелся, матч состоялся, но с большим опозданием. И даже победа не очень радовала, потому что срывалась партия по шахматам. Анатолий, не успев прийти в себя, смыть грязь после футбола, примчался в зал, но было уже поздно.

Утешение пришло через год, когда юношеская команда «Спартак», за которую выступал Анатолий, выиграла Кубок Белоруссии по футболу, а ее форварду Гантваргу было присвоено звание мастера спорта по международным шахматам. После этого играть на два фронта стало невозможно.

И вот сегодня, двадцать лет спустя, мы поздравляем Анатолия, ставшего четырехкратным чемпионом мира. Но ошибется тот, кто решит, что это было сплошь временем побед! Куда чаще случались срывы, неудачи, огорчения. Чтобы преодолеть их, остаться верным своему выбору, самому себе, нужно быть по-настоящему сильным человеком. Ведь было такое — Анатолия Гантварга начали уже потихоньку оттеснять на вторые, третьи роли, когда он не завоевал еще своего первого чемпионского звания. Да, после того первого успеха, когда ему, шестнадцатилетнему парнишке, присвоили звание мастера спорта, прошло целых пятнадцать лет, прежде чем он впервые стал чемпионом мира. Вслед за ним в шахматы пришло новое поколение, молодые и дерзкие таланты, но они пришли и ушли, не оставив следа, а он продолжал играть, совершенствовать свое мастерство, закалять характер, волю. А не в этом ли в конце концов главное?! Не для того ли мы занимаемся спортом, чтобы продлить молодость, утвердить себя в борьбе, в победах над сильными противниками?

Шел 1978 год. Анатолию Гантваргу чуть за тридцать. Он приехал на чемпионат мира в итальянский городок Арко. Голландцы, постоянные соперники наших шахматистов, хорошо знавшие Анатолия по предыдущим матчам и турнирам, едва взглянув на него, вычеркнули Гантварга из списка претендентов — Анатолий похудел на двенадцать килограммов! Жесткий режим, диета, бег, спортивные занятия — и вот результат. Но он-то приехал полным сил, уверенный в себе и в своих возможностях, а все решили, что Гантварг попросту болен. Как они ошибались! Анатолий

набрал столько же очков, сколько тогдашний чемпион мира Харм Вирсма, и в дополнительном матче там же, в Арко, разгромил его. Друзья поздравляли, знатоки разводили руками.

Он повторил свой успех спустя два года в Бомako — столице Мали. Там, на африканском континенте, при изнуряющей жаре, будучи старше своих противников, Анатолий Гантварг тем не менее был почти уверен в победе. Перед началом борьбы все спортсмены, понимая важность физической подготовки, ежедневно совершали пробежки. К исходу четвертого тура на дорожках

городского парка можно было встретить только двоих — Гантварга и одного африканского спортсмена. В первых десяти турах Анатолий набрал восемь очков, оторвался от наиболее опасных преследователей, а перед последним туром он переигрывал ближайшего соперника на полтора очка и фактически начал последнюю партию уже в звании двукратного чемпиона мира.

Разговоры о везении кончились! Последние годы Анатолий Гантварг тренируется под руководством заслуженного тренера Белорусской ССР Виктора Емельяновича Крамаренко. Тот объясняет победы Анатолия просто и убедительно:

— Немало талантливых спортсменов пришло в шахматы, однако, чтобы побеждать, нужно быть настоящим бойцом, быть личностью. Возьмите борьбу за первый в истории шахмат Кубок Мира, разыгранный в мае нынешнего года. Анатолий Гантварг показал абсолютно лучший результат — девять очков в десяти партиях. Всем особенно запомнилась его последняя партия с экс-чемпионом мира Ван дер Валом, шашкистом сильным, опытным, честолюбивым. За этой схваткой следила вся Голландия, потому что в ней решалась судьба Кубка. Голландцы пришли на последний тур в парадных смокингах, готовясь к торжественной церемонии награждения, они были уверены в победе. Ван дер Валу достаточно было ничьей для общей победы. И вот все партии уже завершились, шла заключительная: Гантварг — Ван дер Вал. И тут Анатолий проявил самые сильные свои качества: волю, собранность, ответственность. И победил. В нашей команде блеснули высоким мастерством Александр Белякин, Михаил Кореневский, спортсмены самого высокого мирового класса. Благодаря их усилиям и была достигнута победа.

Третий раз он стал чемпионом мира в Сенегале. И тоже драматичная борьба до последнего дня, до последней партии.

Впоследствии Анатолий Гантварг рассказывал:

— В пятнадцатом туре, играя с сильнейшим африканским шашкистом Диаие, я получил преимущество. Понимая, что надо выигрывать, затратил много времени на поиски путей к победе, но в цейтноте растерял шансы и в ничейном эндшпиле сделал несколько небрежных ходов, которые и привели к катастрофе.

Поражение лидера резко обострило борьбу, многие почувствовали возможность настичь Гантварга и вырвать у него победу. Сколько же надо сил и воли, чтобы после такого срыва взять себя в руки, собраться, организовать атаку... Но в этом весь Гантварг.

И вот новая победа в Голландии, победа в матче против сильного спортсмена Роба Клерка, имеющего прочную славу непроигрывающего шашкиста. Достаточно сказать, что в последние годы в соревнованиях самого высокого ранга почти в девяносто партиях он проиграл лишь одну. В матче с Анатолием Гантваргом он проиграл две, но этого оказалось вполне достаточно.



Фото
Фариха
ХАЙРУЛИНА

Виктор ПРОНИН